

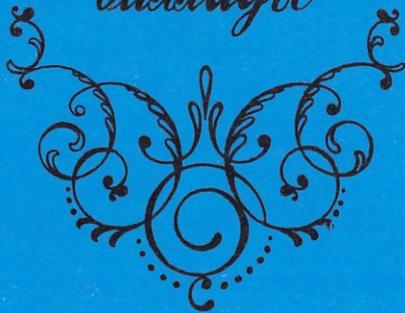

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

ВОЗДУШНЫЙ
КОРАБЛЬ

Литературные
баллады

ВОЗДУШНЫЙ
КОРАБЛЬ

*Литературные
багеты*

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1986

Переводы

Составление

А. Г. Мурик и А. В. Парина

Вступительная статья и примечания

В. В. Ерофеева

В книге использованы иллюстрации
художников конца XIX—начала XX вв.:

А. Дж. Гаскина, У. Х. Брэдли, Х. Л. Брауне,
Р. Аннингбелла, Б. Шоу, У. Х. Робинсона.

В $\frac{4701000000-1081}{080(02)-86}$ 1081—86

МИР БАЛЛАДЫ

Пусть читатель приготовится к тому, что перед ним, в его руках — страшная книга. Но если вам нравятся леденящие кровь истории о таинственных событиях, роковой любви, побеждающей смерть, страшных судьбах бесстрашных героев, заповедном мире духов и оборотней, если вы способны ценить благородные рыцарские чувства, женскую преданность и дерзкое слово, обращенное к могущественному врагу, вы, безусловно, полюбите эту книгу баллад и поймете: баллада бессмертна.

Есть много ученых определений баллады. Их количество говорит прежде всего о том, что этот поэтический жанр вообще не желает поддаваться четкому определению. Но очертить его параметры все-таки возможно и нужно.

Сонет всегда оставался сонетом, а вот баллада в своем многовековом развитии не только видоизменялась, но и полностью обновлялась. Слово «баллада» в исторической перспективе оказалось столь же устойчивым, сколь его смысл — подвижным.

Баллада как понятие, как жанр родилась в романских странах в средние века и первоначально представляла собой народную плясовую песню (что отразилось в ее названии, происходящем от народно-латинского глагола «плясать») главным образом любовного содержания, причем ей был свойствен непрменный рефрен. С течением времени балладу перестали петь, а стали декламировать, ее художественные возможности привлекали к себе как безымянных поэтов, так и великих мастеров. В Италии балладой увлеклись Данте и Петрарка, во Франции — Франсуа Вийон, который в XV веке создал свой особый строй баллады, весьма изысканный в формальном отношении.

Если в романских странах благодаря высоким образцам баллада рано вошла в литературный обиход и интерес к ней то повышался, то падал в зависимости от требований ведущих литературных направлений и школ, в более северных широтах: в Шотландии, Англии и Германии — баллада долго находилась в «диком» состоянии, цвела не как садовый розовый куст, а как вольный шиповник, сохраняя свою первозданную свежесть. Не став преждевременно литературным фактом, «дикая» северная баллада пронесла

через несколько столетий чистое дыхание народной средневековой культуры, но если говорить о свежести и чистоте, то не нужно думать, что они в данном случае синонимы радости и безмятежности. Северная баллада сложилась как песня с острым, драматическим, а подчас и трагическим сюжетом, в которой страстно и напряженно звучит прямая речь ее страдающих героев. Этот звук полноправных голосов, не скованных ни чем, кроме своей судьбы, свидетельствует, что в центре такой народной баллады оказывается не событие, не исторический эпизод, а человеческая личность, действующая на фоне тех или иных событий. Однако событийный фон баллады не нейтрален и не абстрактен, а насыщен национальным колоритом, конкретен и узнаваем. Баллада не желала превращаться в мини-эпос, втиснутый в непривычно малый объем, а жила сама по себе, сдержанно и с достоинством повествуя о людях с необычной судьбой.

Значимость личностного момента в балладе породила немалые споры среди позднейших ее исследователей. Может ли народная баллада быть столь персоналистичной? Англичане полагали, что авторами баллад были неведомые профессиональные певцы и что через их невидимое сквозь века посредничество баллады вошли в повседневную жизнь народа. Немцы, напротив, считали балладу коллективным народным творчеством, и эта точка зрения повсеместно распространилась в Европе во второй половине XIX века. Однако уже в нашем веке были высказаны критические соображения относительно концепции коллективного творчества, и многие исследователи баллад поддержали эту критику. Вопрос о генезисе североευропейской баллады скорее решился в пользу англичан, хотя этот факт никоим образом не умаляет народную сущность баллады. Важно отметить при этом, что баллада народна, но не простонародна, ей несвойственны грубость, фамильярность частушки.

Что стало бы с народной балладой, если бы ее не «открыли» романтики, сказать трудно, и прежде всего по той причине, что это «открытие» было совершенно неминуемым. Европейский романтизм в своем творческом порыве обновить литературу, порвать с омертвевшими, склеротическими канонами классицизма, противостоять некоторым чрезмерно рационалистическим концепциям Просвещения увидел в народной балладе подарок судьбы. Это были естественные союзники, близкие друг другу по языку, тематике, чувству. Их отличала лишь степень самосознания: баллада была спонтанной и стихийной; романтизм — это ступок творческой воли. Он хотел высвободить язык от выпренности и риторики, хотел быть не назидательным, а увлекательным, он подозревал, что реальность не ограничивается срединным уровнем долга и порядка, а включает в себя поле бунта и мятежа, надземных и подземных сфер, подлежащих пристальному рассмотрению. Рассуждая о сущности поэзии, английский романтик Вордсворт писал в предисловии к книге «Лирические баллады», отказываясь от такого шаблонного стилистического приема классицизма, как персонификация абстрактных идей: «...Истинная поэзия представляет собой стихийное излияние сильных чувств»... Со своей стороны, Кольридж, второй автор «Лирических

баллад», рассказывал об идее возникновения книги, которая преследовала двойную цель: создать цикл стихотворений, в которых «события и лица были бы, пускай отчасти, фантастическими, и искусство заключалось бы в том, чтобы достоверностью драматических переживаний вызвать в читателе такой же естественный отклик, какой вызвали бы подобные ситуации, будь они реальны. В данном же случае реальными их сочли бы те, у кого когда-нибудь возникла иллюзия столкновения со сверхъестественными обстоятельствами. Темы для другой группы стихотворений были бы заимствованы из окружающей жизни...»

Созданию литературной баллады предшествовал период изучения баллады народной. Английский епископ Томас Перси в 1765—1794 годах выпускает большое собрание старинных баллад и песен. Успех собрания был колоссальным. У Перси появились последователи, среди них замечательный писатель Вальтер Скотт, который в 1802—1804 годах опубликовал три тома народных баллад под названием «Песни шотландской границы», причем в третий том Скотт поместил и свои собственные, стилизованные под народные баллады. В Германии Иоганн Готфрид Гердер (автор известной баллады «Дочь лесного царя») в 1778—1779 годах выпустил фольклорную антологию «Голоса народов в песнях», которая включала немецкие народные баллады. Прославленная антология Иоахима Ариима и Клеменса Брентано «Волшебный рог мальчика» появилась в 1806—1808 годах. И это было лишь начало.

Своим рождением литературная баллада обязана немецкому поэту Готфриду Августу Бюргеру, который в двадцать шесть лет, в 1773 году, написал балладу «Ленора». Как это нередко бывает в литературе, «Ленора» оказалась не робкой попыткой, а первым шедевром и образцом, вызвавшим многочисленные подражания и переводы в разных странах Европы. Вместе с произведениями Гете и Шиллера «Ленора» способствовала открытию новой немецкой литературы европейским читателем, утверждению антифеодальных, демократических принципов. Приверженец литературного направления «Бури и натиска», возникшего на рубеже 1760—1770 годов как реакция на старый порядок и в обществе, и в эстетике, Бюргер в своих балладах опирался на самобытный немецкий фольклор. Причем вопрос о том, использовал ли он в своей «Леноре» народный сюжет, не столь важен, по отношению к тому, как он сумел в балладе отразить дух народных представлений о добре и зле, жизненных идеалов и верований.

Бюргер начал литературную деятельность с подражания поэтам рококо. Это было весьма эстетское литературное направление, своеобразный декаданс классической поэтики. Развлечение человечества в его несчастьях составляло цель рококо. Каждая тема становилась объектом иронии, сама жизнь — игрой. Идеи рококо замечательно выразил Парни в стихах, переведенных Пушкиным:

Давайте петь и веселиться,
Давайте жизнь играть;
Пусть чернь слепая суетится:
Не нам безумной подражать!

Поэты рококо осваивали жанр бурлеска, шутовским языком излагая возвышенную тему. Контраст темы и языкового оформления стал одним из важных признаков этого жанра. Для бурлеска характерно обыгрывание чудесного события, взятого, к примеру, из античной мифологии, но сам автор в это событие изначально не верит и выбирает для его описания такие способы, чтобы насладиться издевкой.

В балладе — и это станет одним из важных принципов нового жанра — Бюргер сохраняет момент невероятности, чудесности события, однако рассказывает о нем совершенно по-своему. Здесь возникает вопрос о значении стилизации в литературной балладе. Всякая баллада в той или иной степени сохраняет элемент стилизации, поскольку либо перелагает чужой легендарный сюжет, либо свой выставляет как чужой, легендарный. Однако подражание готовому образцу носит не слепой, эпигонский, а творческий характер. В его основе лежит осмысление и переосмысление первоначального материала. Стилизуя, поэт сохраняет определенную дистанцию по отношению к материалу, и эта дистанция может обладать различным значением. Больше того, внутри одной и той же баллады можно по-разному осветить тот или иной аспект. Таким образом, баллада допускает различное отношение автора к тексту, а следовательно, значительный элемент творческой свободы. Если в рококо игра — самодостаточный принцип, то в романтической балладе применен принцип двойного и множественного зрения, отчего жанр с самого зарождения получил право на многозначность.

Бюргер снял откровенный контраст между формой и содержанием благодаря серьезности изложения, которое ведется на простом, доступном широкой публике языке. Представьте себе: чудесный страшный сюжет, рассказанный серьезно и захватывающе, — немудрено, что балладе был обеспечен успех!

Легендарный сюжет всегда защитит автора баллады от прямого вопроса: верит ли он в то, что рассказывает. Он вовсе не обязан верить, он может только сделать вид — в этом свобода стилизатора. Наконец, создавая свой сказочный сюжет, автор, пользуясь тем, что его персонажи существуют изначально и «объективно», может показать лишь малую часть событий, лишь поведенческую линию героя, не вдаваясь в тонкости психологического и лирического характера. Тем самым баллада близка некоторым направлениям романа XX века, описывающим героя «снаружи», например, романам Хемингуэя.

«Скромность» автора баллады — который видит не всех и не все, может быть, даже понимает — отличается от всепроникающего взгляда автора героической поэмы (взгляд сверху) и рефлексии лирика (взгляд изнутри). У автора баллады в основном взгляд сбоку — не имеющий возможности глобального обобщения — взгляд одновременно и достаточно пронизательный, и посторонний. Читатель баллады, получающий возможность — порой фиктивную, порой весьма реальную (все зависит от баллады) — решать самому, что здесь правда и что ложь, что сказка и что быль, чему верить, чему нет, оказывается в положении «свободного» человека, который может сделать выбор.

Однако выбор этот может быть вполне фиктивен. Например, баллада Шиллера «Порука» использует античный сюжет лишь как маску, сквозь которую виден прекраснородушный апофеоз возвышенного чувства дружбы: от ее воздействия преображаются даже тираны.

Куда более свободный выбор у читателя «Леноры», который может прочесть балладу как простую сказку о призраках и как притчу о недозволенности богоборчества, даже если оно проявляется в самых наивных формах, и как повествование о бесконечной сложности понятия справедливости. Внешне баллада проста, примитивна, архаична и наивна, но внутренне она насыщена смыслом. Вот это переплетение наивности и изысканности, простоты и сложности, примитива и высокой культуры, архаичности и современности — переплетение полярных начал и создает особый климат литературной баллады.

Жених Леноры не вернулся с войны. Ленора убита горем. Вместо того, чтобы смириться со своим несчастьем, как ей подсказывает осторожная мать, Ленора бунтует. Ее бунт, разумеется, трудно уложить в социальные схемы, причины и цели феодальной войны здесь не обсуждаются, хотя понятно, что Вильгельм пал жертвою именно «монархов вражеских держав», которые преследовали свои интересы. Национальный фон, безусловно, играет огромную роль, в этом одна из основ достоверности баллады, но Ленора целит не в монархов, а выше. Она предъявляет счет за убитого жениха не Фридриху, а богу — адресат выбран на том основании, что именно ему молилась Ленора о возвращении жениха. Встав на богоборческий путь, Ленора перестала ходить в церковь, создала свое представление о рае и аде:

О мать, на что мне светлый рай,
Что для меня геенна!
Где мой Вильгельм — там светлый рай,
Где нет его — геенна.

Мертвый Вильгельм приезжает за своей невестой и увозит ее в могилу. Он — исполнитель высшей воли, жестокого приговора. За свое «преступление» Ленора понесла страшное наказание, причем обезумевшая девушка не сразу поняла, что происходит, обозналась, не увидела в Вильгельме мертвеца, о чем говорит зловещий рефрен: недоуменный вопрос на вопрос:

— Красотка, любишь мертвых?—
Зачем ты все о мертвых!

Так, богоборчество грозит безумием и смертью:

И вой раздался в тучах, вой,
И визг из пропасти глухой,
И, с жизнью в хищном споре,
Приникла смерть к Леноре...

При этом, венчая балладу, хор скорбных духов «выл», выражая как бы мораль случившегося, подводя итог, песню терпения и смирения:

Терпи! Пусть горестен твой век,
Смирись пред богом, человек!..

Как видим, история оказалась значительно страшнее случая. Размышляя о философском смысле баллады, можно увидеть, что он далеко не однозначен. Разумеется, поэт не настолько наивен, чтобы принять старинный средневековый сюжет за чистую монету. Зачем же он тогда прибегает к его помощи? Не с тем ли, чтобы преобразить его в символ? Видимо, преобразование народного сюжета в философский символ и составляет основу поэтики литературной баллады. Неразрешимое, в сущности, противоречие между земной и небесной справедливостью предопределяет трагическую философию баллады Бюргера. Однако это не значит, что Бюргер разделяет призыв скорбных духов к смирению. Он лишь свидетельствует о неразрешимости противоречия. Таким образом, вопрос о чудесах отходит на второй план, обнажая сложнейшую проблематику, вековые поиски справедливости.

Выходит, балладу можно читать по-разному. И как развлекательное произведение, щекочущее нервы, и как философскую притчу. Причем автор баллады не призван ответить на все поставленные вопросы. Он остается в тени и заставляет читателя самого искать решение. Автор как бы вытеснен из баллады своими персонажами и на любой вопрос, обращенный к нему, может ответить: «Это не я. Это они».

Добавим, что это не слабость его позиции. Поэт не всегда может найти решение, и не всегда ему хочется говорить «я не знаю».

Напротив, поэт романтической баллады изначально знает то, чего не знали или не хотели знать ни поэты классицизма, ни поэты рококо. Он знает, что мир многолик и в гораздо более значительной степени сложен, чем принято думать, что силы человека, открывшиеся в Ренессансе и воспетые Просвещением, не всегда дают ему возможность ответить на все вопросы, стать полновластным хозяином своей судьбы. В балладе сильные стороны человека, не боящегося бросить вызов небесам, в какой-то степени уравновешиваются его слабостью. В этом есть что-то по-человечески привлекательное.

В сущности, романтическая баллада представляет собой сюжетное стихотворение о роковой судьбе. Так прочитывается и «Лесной царь» Гете. Сюжет этой баллады менее развернут, чем в «Леноре», но ее философская емкость поистине уникальна. В «Лесном царе» происходит скрытый зловецким, но внешне наивным сюжетом вековечный спор жизни со смертью, надежды с отчаянием. Это в символическом плане прорыв за «невидимый» пласт жизни, в неведомый мир, который олицетворяет собой «лесной царь». Охота смерти за жизнью и красотой, воплощенными в образ младенца, нешуточна и грозит уничтожением:

Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой.

В этой балладе особенно видны отличительные признаки жанра, причем русский перевод Жуковского конгениален оригиналу.

Широкие возможности баллады оценили поэты не только Германии и Англии. Этот жанр возродился в творчестве французских романтиков (хотя в такой классической стране классицизма, как Франция, этот антиклассицистический жанр в XIX веке прививался с трудом), им увлеклись скандинавские поэты и поэты Америки. Баллада пользовалась большой популярностью и в славянских странах. Поэтическая антология — это всегда соревнование поэтов, и читатель волен решать, кто займет призовые места. Не предопределяя читательского выбора, скажу лишь о том, что каждый поэт в своем балладном творчестве исходил из собственных поэтических возможностей, мировоззрения, представления о роли поэзии. Великий английский романтик У. Блейк сохранил за балладой возможность мистических углублений, многомерный символистический ряд, дающий право на широкие обобщения. Бунтарский характер Байрона придал его балладам общественно-исторический смысл. Мицкевич вложил в баллады патриотическое содержание.

Река европейской баллады дробилась на множество рукавов, тематически создавая очень пеструю картину. Возникла героическая баллада, прославляющая подвиг и непримиримость к национальному врагу, что видно на примере «Верескового меда» Стивенсона. С ней перекликается баллада «Белое покрывало» М. Гартмана, повествующая о матери, обманувшей своего сына ради того, чтобы он мог умереть героем. В области античной и исторической баллады воскресли легендарные фигуры, от Валтазара до Наполеона:

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.,—

так писал австрийский поэт Цедлиц в балладе «Воздушный корабль», которая известна нам всем с детства в переводе Лермонтова. Хочется также отметить значение любовной баллады — это один из наиболее распространенных видов баллад, причем речь, как правило, идет о несчастной любви.

С наступлением реализма в XIX веке баллада не исчезает, но приобретает черты социального произведения. Типичным примером реалистической баллады служит баллада Э. Гейбеля «Данте», в которой социальный фактор торжествует над метафизикой, поскольку печаль и гнев Данте автор объясняет не снисхождением певца в ад, а тем, что:

Все горе, воспетое мною, все муки, все язвы страстей
Давно уж нашел на земле я, нашел их в отчизне моей!

В откровенно социальном ключе решена баллада Гервега «Бедный Яков», в которой тема смерти героя имеет разоблачительный смысл:

У нас обычно небо чтут,
Гнездо уютное свивая.
Долги народу отдают,
Как векселя под кущи рая.

В России опыт «современной», социальной баллады встречается у Некрасова («Секрет»). Наконец, реалистическая баллада может получить и непосредственно политическое звучание, превратиться в памфлет, свидетельство чему мы находим в балладе И. С. Тургенева «Крокет в Виндзоре»: крокетные шары превращаются в глазах английской королевы в обрызганные кровью головы болгарских жертв турецкого ига. Баллада имеет публицистическую концовку:

— Нет, ваше величество! Вам уж не смочь
Той крови невинной вовеки!

И все-таки следует говорить скорее об использовании жанра, чем о его развитии. Баллада по своей природе избегает однозначности. Что хотел сказать Гете в «Лесном царь»? Ведь не то, чтобы не ездили ночью по лесу с детьми верхом на лошадях! Разве это конкретный призыв к осмотрительности? Баллада — жанр по преимуществу романтический. Вот почему, когда в Европе начала подниматься волна символизма, баллада стала возрождаться, ее образцы встречаются и во французской поэзии конца XIX века, и в русском символизме (Бальмонт, Брюсов, Сологуб). Однако при всех достижениях символизма в области баллады нельзя не признать, не заметить, что обращение к рыцарскому средневековью здесь принимает порою искусственный вид, «наивный» характер баллады исчезает из-за чрезмерной эксплуатации символа. Баллада в таком случае оказывается «стилизацией стилизации» или, если вспомнить М. Булгакова, «второй свежести» по сравнению с ее классической порой.

Рассмотрев историческое развитие баллады и ее национально-тематическое многообразие, нужно сказать несколько слов о внутренней ее структуре, о ее поэтике, имея в виду лучшие образцы, прежде чем перейти к разговору об отечественной балладе.

Гете принадлежит мысль, что баллада представляет собой синтез трех начал: эпического, драматического и лирического. Этот синтез нельзя считать неподвижной моделью. Напротив, в балладе заметно скорее соревнование всех трех начал: то одно, то другое, то третье занимает главенствующее место и затем утрачивает его в зависимости от развития действия. Вместе с тем существуют баллады, где один из элементов в целом развит больше других. Тогда баллада принимает черты то эпического произведения, то драматического диалога, то лирического стихотворения. Так, «Лесной царь» Гете близок драматическому произведению в силу значения, которое имеет в ней драматический диалог:

— Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?
— Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул;
Он в темной короне, с густой бородой.
— О нет, то белеет туман над водой.

К этому диалогу добавляется и прямая речь самого лесного царя, которая принимает характер не то внутреннего голоса, не то слуховой галлюцинации. Это переплетение разных по своей природе голосов и создает неповторимый драматический сюжет баллады.

Ярким примером эпической баллады считается «Песнь о вещем Олеге» Пушкина, построенная как воспоминание о минувших днях («Бойцы поминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они...»), хотя диалог также играет в этой балладе важную структурную роль. Лирические баллады встречаются в творчестве Лермонтова.

В зависимости от тяготения баллады к тому или другому началу меняется роль автора. То он полностью исчезает (все центральные строфы «Лесного царя»), то принимает роль сопереживателя (тогда баллада приобретает лирические интонации). Чем ближе автор «миру» баллады, тем она лиричнее.

Важным структурным элементом баллады является ее краткость. Принадлежность баллады к кратким формам поэзии противопоставляет ее поэме. Если действие в поэме развивается спокойно и величаво, разветвляется на несколько тем, если поэма многоречива и обстоятельна, то баллада, напротив, похожа на скрученную пружину, зажатую между завязкой и развязкой. Краткость размера ограничивает эпические «претензии» баллады.

Это ограничение прежде всего наблюдается в области событий. Баллада сообщает лишь о самом главном, отказывается от несущественных деталей, заботится об экономии фабульного материала, сосредоточивает внимание читателя вокруг решающего момента. Такая экономия ведет к фрагментарности балладной композиции.

Фрагментарность роднит балладу с общей эстетикой романтизма, видящего в ней признак живого, ненасильственного отображения мира. Фрагментарность баллады выражена прерывностью ее действия, которое не длится, не развивается последовательно, а организуется в ряд сцен, связанных между собой единством темы. Поэтому «монтаж» баллады, если говорить языком кинематографа, оказывается весьма созвучным искусству XX века, которое не любит разжевывать факты, а подает их, стыкая между собой посредством контрапункта. Топот коня, так явственно слышимый в первой строфе «Лесного царя»:

Кто скачет, кто мчится под холодной мглой?

Ездок запоздалый, с ним сын молодой...—

вообще характерен для ритма романтической баллады, где этот топот связан с самыми разнообразными фактами: погонями, похищениями, войной и любовью. Не отражается ли в композиционной скачкообразности баллады, повторяющей бег рысака, общий ритм века столь адекватно, сколь адекватно отразил телеграфный стиль прозы XX века скорости нового, нынешнего столетия?

Фрагментарность волей-неволей порождает пропуски в сюжете, что способствует созданию атмосферы недосказанности, умалчивания. Недоска-

занность создает балладную тайну полумрака, неясности, порой неопределенности. Подход к истине оказывается не прямой, а окружной: через метафору, через отказ все называть своими именами.

Возникает некоторое противоречие, даже парадокс.

С одной стороны, баллада вся — движение, но с другой — она предпочитает в тесных рамках отведенного ей поэтического пространства изъясняться на языке метафор. Щедрость сравнений — и скупость, лаконизм композиции.

Баллада имеет и другой парадокс. Рассказ о происходящем в ней подан таким образом, что действие сиюминутно и окончательное слово еще не произнесено, и в то же время баллада — это описание давно минувших дней, и поразительный переход от настоящего времени на протяжении всего повествовании «Лесного царя» к прошлому в ударной последней строке производит эффект шока, будто конь на всем скаку налетел на стену:

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал..
В руках его мертвый младенец лежал.

Развязка баллады неминуемо катастрофична. Баллада устремлена к развязке с первой строфы, нацелена на нее, может быть, даже создана ради нее.

Возможно, мы бы не придавали балладе такое значение, если бы не имели исключительно талантливые и оригинальные образцы жанра на русском языке.

В России, как и на Западе, литературная баллада тесно связана с романтическим умонастроением. Впервые русская переводная баллада появилась в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» в 1795 году. Переводчица, поэтесса Анна Турчанинова, в качестве оригинала взяла балладу Перси. В 1804 году казанский поэт Г. П. Каменев выступил с балладой «Громвал», которая обратила на себя внимание публики, однако подлинное рождение русской баллады связано с именем В. А. Жуковского.

Жуковский сыграл важную роль в развитии русской поэзии именно как «балладник» (так шутливо окрестил его Батюшков). Баллада нашла в Жуковском уникального популяризатора. Она соответствовала внутренним запросам его умонастроения. Здесь большую роль сыграли и биографические моменты, несчастная любовная драма Жуковского, длившаяся многие годы, и его обостренный интерес к метафизической, мистической проблематике, имевшей большое значение для русского дворянского общества, особенно в последние годы царствования Александра I.

«Гений перевода», по словам Пушкина, Жуковский не только благодаря своим переводам приблизил новейшую европейскую поэзию русскому читателю, но и создал самобытную русскую балладу. В этом отношении «Ленора» Бюргера оказалась очень важным помощником. Трижды в течение жизни

обращался Жуковский к теме этой баллады, достигнув особого успеха в «Светлане», где впервые были намечены черты русского женского характера, использован стиль сказочного повествования. Жуковский «очистил» балладу Бюргера от просторечья. В этой связи завязался любопытный спор о жанре русской баллады между П. А. Катениным, который в 1816 году опубликовал свое переложение баллады Бюргера «Ольга», и Жуковским. Катенин настаивал на том, чтобы народный элемент оригинальной баллады был углублен «народным» языком, однако, с точки зрения Жуковского, это выглядело бы искусственно, поскольку русский фольклор не знал средневекового балладного творчества. Новаторскую эстетику Жуковского отметил Белинский, который писал относительно его баллады «Людмила»: «Тогдашнее общество бессознательно почувствовало в этой балладе новый дух творчества — и общество не ошиблось».

Если баллада дала направление творчеству Жуковского, определила его творческий образ, то и Жуковский во многом способствовал выбору пути, по которому развивалась русская баллада. Баллады Жуковского, несмотря на тематическое многообразие, несмотря на то, что являются переложениями баллад разных авторов из разных стран (Бюргер, которого Жуковский особенно выделял, предпочитая Шиллеру, однако он переводил и Шиллера, его знаменитую балладу «Ивиковы журавли», а также Уланда, Гете, Саути, Вальтера Скотта), связаны смысловым единством. Дело не в том, что Жуковский «подгонял» оригинальные баллады под собственные эстетические мерки,— напротив, ему было свойственно необходимое для переводчика чувство самоограничения и такта, уважение к чужому тексту,— а в том, что Жуковский выделял истинное ядро романтической баллады — поведение человека в сложном, запутанном мире, где рок играет значительную роль. Но при этом человек все-таки мог сделать выбор — и прежде всего — выбор между добром и злом. Этическая основа баллад Жуковского — это одна из многих нитей, которые, сплетаясь, дали русской литературе этическую направленность.

Всякая литературная школа исчерпывает себя. Всякий прием вырождается в штамп. Развитие литературы — это не творческая прихоть, а способ ее существования. Относительно своего перевода баллады Саути Жуковский писал в частном письме: «Вчера родилась у меня еще баллада — приемыш, т. е. перевод с английского. Уж то-то черти, то-то гробы! Но это последняя в этом роде. Не думай, чтоб я на одних только чертях хотел ехать в потомство...» Это признание во многом объясняет дальнейшее движение как русской, так и общеевропейской баллады. «Черти» перестали выглядеть символами, а превращались в заезженный прием, к которому тянулись эпигоны.

Романтическая баллада могла после Жуковского существовать лишь либо при обнажении ее приемов (которое могло получить ироническое или подчеркнуто стилизаторское значение), либо насыщаясь глубоким философским смыслом. Первый путь избрал для себя в своих балладах Пушкин, второй — Лермонтов.

Пушкин никогда не был «балладником» в том отношении, в котором им был Жуковский: то есть он никогда не ощущал жанр баллады как близкий и адекватный своему умонастроению и эстетическим привязанностям. Напротив, в балладах Пушкина почти всегда чувствуется «отстраненность» от жанра. Но это не значит, что «чужой» жанр нельзя творчески использовать. Напротив, его можно довести до чистоты, которая и не снилась «балладникам», о чем свидетельствует изумительный пример эпической баллады, «Песнь о вещем Олеге». Однако Пушкина привлекали и иронические возможности стилизаторства. Ироническую ноту можно встретить и у Вальтера Скотта в балладе «Клятва Мойны», где торжественность девичьей клятвы иронически контрастирует с ее невыполнением, однако в пушкинских балладах «Утопленник» и «Жил на свете рыцарь бедный...» ирония торжествует уже откровенно, хотя и не является самодостаточной. В «Утопленнике» удивительным образом решен традиционный балладный конфликт между «метафизикой» и «социальностью». Крестьянин, со своей земной смекалкой, сообразил, что с властями лучше не связываться, и отправил утопленника плыть дальше по реке, однако недоучел действия потусторонних сил: вечное возвращение утопленника, его зловещий стук «под окном и у ворот» составляют черты «жуткой» истории, которой, однако, поэт придает «сниженный», полушуточный характер, вводя балладу в несвойственный ей мир крестьянской среды и простонародного языка.

Конфликт земного и небесного развивается и в балладе «Жил на свете рыцарь бедный...», только речь здесь касается не справедливости, а любви. Влюбленность рыцаря в богиню приобретает вольные, чуть-чуть кощунственные черты, однако поэт делает вид, что не замечает опасной грани в своем простодушном, наивном повествовании, которое венчает умильный «счастливейший конец».

Дальнейшая линия иронического стилизаторства вела к прямым пародиям на жанр, что можно встретить у Козьмы Пруtkова и Вл. Соловьева, которому принадлежат шуточные строки:

Рыцарь Гальф шел еле-еле,
Рыцарь Ральф в душе и теле
Ощущал озноб.
Ревматические боли
Побеждают силу воли

(в этом двустишии, согласитесь, чувствуются интонации Высоцкого)

И, пройдя версту иль боле,
Рыцарь молвил: «Стоп».

В балладном наследии Лермонтова мы также можем встретить шуточные стихи, взять хотя бы его «Балладу» 1837 года («До рассвета поднявшись, перо очинил...»), которая пародирует балладу Жуковского (точнее говоря, его

перевод баллады В. Скотта «Замок Смальгольм, или Иванов вечер»), но не они, разумеется, определяют сущность лермонтовской баллады — одного из высших достижений русской национальной баллады.

В юношеских балладах Лермонтова прослеживается связь с лучшими образцами романтической традиции, поэт черпает вдохновение в балладах Жуковского, а также немецких и английских романтиков, создает свою собственную версию «Леноры».

В последующий период творчества Лермонтов освобождается от поэтики рыцарских баллад, отказывается от традиционных канонов, однако отнюдь не от самого жанра, к которому он обращается на протяжении всей своей творческой деятельности. Лермонтов смело расширяет тематические рамки баллады, из условного средневековья переносит ее действие на условный Восток, в русскую легендарную старину. Он явно ощущает балладу как «свой», близкий ему жанр, чувствует в нем себя свободно и уверенно, отчего не ограничивается стилизацией, получает творческое право на его трансформацию. Он углубляет и развивает философский подтекст баллады, достигая емкого лаконизма философской притчи, не утрачивая при этом непринужденной легкости повествования.

Баллада позволяет Лермонтову искать самостоятельное решение общественно-исторической, патриотической проблематики («Два великана»). В области лирической баллады он пишет такие шедевры, как «Русалка», где с бесконечной «наивностью» поведал о трагедии неразделенного чувства. «Эта пьеса, — писал Белинский, — покрыта фантастическим колоритом и по роскоши картин, богатству поэтических образов, художественности отделки составляет собой один из драгоценнейших перлов русской поэзии».

При всем разнообразии тем и источников Лермонтов всегда сохраняет верность своему мировоззрению, переосмысляет фольклорные сюжеты в духе «мировой скорби», рисует картину сложного мира, полного антагонизма добра и зла, нежности и жестокости, любовной страсти и мертвенной холодности, подвига и коварного расчета, беспечности и прагматизма.

Большое значение имеет в лермонтовских балладах антиномия красоты и смерти, которая получает различные толкования. Порой красота становится союзницей смерти, неумолимым палачом, и тогда раскрываются демонические черты красоты, ее сладкая, пьянящая душу губительность. Такова царица Тамара в одноименной балладе; ее красота принадлежит двум мирам:

Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла...

Бывает и так, что красота принимает образ самой смерти, не отличимый для наивного взгляда русалки («Русалка») от безмятежного сна. Напротив, в «Трех пальмах» красота становится жертвой смерти. Наконец, как это видно в поздней балладе Лермонтова «Любовь мертвеца», земная красота становится вдохновительницей такой любовной силы, которая буквально разламывает роковой барьер между посюсторонней и потусторонней реальностью. Если у Бюргера мертвый жених является посланцем высшей воли, возмездием за

«ропот», то у Лермонтова мертвый жених сам преступает божественный закон:

Что мне сиянье божьей власти
И рай святой?
Я перенес земные страсти
Туда с собой.

Так перекликаются начала и концы романтической баллады: любовь, караемая за дерзость божественным промыслом, и любовь, бунтующая против него в самом божественном пределе.

Балладный импульс, данный творчеством Жуковского и Лермонтова, получил широкое развитие в русской поэзии XIX века, в произведениях Баратынского и Языкова, А.К. Толстого и Фета, а также других поэтов, вплоть до символистов, Блока и Бунина. Европейская и отечественная баллада вошли в плоть русской культуры, стали одной из основ ее поэзии, о чем и говорит эта книга.

Вик. ЕРОФЕЕВ

ВОЗДУШНЫЙ
КОРАБЛЬ

ИОГАНН ГОТФРИД

ГЕРДЕР

ДОЧЬ ЛЕСНОГО ЦАРЯ

Олуф по дальним весям скакал —
Гостей на свадьбу к себе скликал.

И вдруг он увидел под сенью ветвей
Лесную царевну средь эльфов и фей.

«Любезный всадник, слезай с коня!
Спляши со мною, потешь меня!»

«Нет, не потешу и не спляшу —
Домой на свадьбу к себе спешу!»

«Спляши со мною, не будь упрям,
Тебе златые я шпоры дам,

Рубахи, кружева подарю,
Их лунным светом посеребряю!»

«С тобой плясать мне никак нельзя —
На свадьбу едут ко мне друзья».

«Спляши со мною, я говорю:
Тебя я золотом одарю».

«Твои подарки готов бы взять —
И все ж я не должен с тобой плясать».

«Плясать не хочешь? Тогда изволь:
Тебя иссушит, загубит боль».

Она его сердца коснулась рукой —
Вовек он боли не знал такой,

Сесть помогла ему на коня:
«Скачи к невесте, да знай меня!»

Примчался Олуф в родимый дом.
Тоскует матушка под окном.

«Сынок мой, нет на тебе лица!
Как стал похож ты на мертвеца!»

И молвил Олуф: «Сегодня в ночь
Царя лесного я встретил дочь».

«Сынок мой милый,— горюет мать,—
Так что ж невесте твоей сказать?»

«А ты скажи ей, что в глушь лесов
На травлю зверя погнал я псов».

Вот гости званые в дом идут,
С собой невесту они ведут.

И дева робко спросила их:
«О, где мой Олуф? Где мой жених?»

«Жених твой Олуф— в глуши лесов.
На травлю зверя погнал он псов».

Невеста сдернула шелк покрывал—
Под ними мертвый Олуф лежал.

ГОТФРИД АВГУСТ

БЮРЖЕР

ЛЕНОРА

Леноре снились смерть и кровь,
Проснулась в тяжком страхе.
«Где ты, Вильгельм? Забыл любовь
Иль спишь в кровавом прахе?»
Он с войском Фридриха весной
Ушел под Прагу в смертный бой
И ни единой вести
Не шлет своей невесте.

Монархи вражеских держав,
Устав от долгой ссоры,
Смирили гнев и гордый нрав,

И мир пресек раздоры.
И, зыбля рдяный шелк знамен,
Под пенье, гул, и гром, и звон
Войска, весельем пьяны,
Идут в родные страны.

И вот спешат и стар и млад
На стены, на заставы
Встречать ликующих солдат,
Любимцев бранной славы.
Здесь муж вернулся, наконец,
Там встречен радостно отец,—
Ах, для одной Леноры
Ничьи не светят взоры!

Она идет, бежит, зовет,
Глядит в глаза героям.
Но кто ж ведет убитым счет
Пред лютым вражьем строем?
Ушли! Теперь ты веришь сну?
И, разметав волос волну,
Она в смятенье диком
На землю пала с криком.

И к ней бежит в испуге мать,
Приникла к ней, рыдая.
«Над нами божья благодать,
Не плачь, не плачь, родная!» —
«О мать, о мать, Вильгельма нет,
Постыл, постыл мне божий свет,
Не внял господь Леноре.
О горе мне, о горе!»

«Господь, господь! спаси, спаси
Дитя от искушенья!
Господь, ты благ на небеси,
Прости ей прегрешенья!» —
«О мать, о мать, всему конец,
Не знает милости творец!
Не помогли молитвы,
Он пал на поле битвы».

«Господь — оплот наш и покров,
Мы все — его созданья.
Вкуси, дитя, святых даров,
Да утолишь страданья!» —

У. Х. РОБИНСОН

«О мать, я не пойду во храм,
Не прикоснусь к святым дарам.
Дары Христа бессильны
Нарушить сон могильный».

«Но если в Венгрии, дитя,
Забыв страну родную,
От веры душу отвратя,
Он в жены взял другую,—
Дитя, тогда забудь о нем,
Ему добра не будет в том:
Душе за грех измены
Не избежать геенны».

«О мать, постыл мне белый свет,
Я брошена в пустыне.
Он смерть оставил мне в завет,
На что мне жизнь отныне!
Померкни, солнце, не свети,
Дай мне во тьму и скорбь уйти!
Навек, навек могила
Добычу поглотила!»

«Господь, господь! Не будь суров
К твоей рабе несчастной;
Она своих не слышит слов,
Прости ей гнев напрасный!
Дитя, смири молитвой плоть,
Душе отверзнет рай господь,
К ней в радостные кущи
Придет жених грядущий».

«О мать, на что мне светлый рай,
Что для меня геенна!
Где мой Вильгельм—там светлый рай,
Где нет его—геенна.
Померкни, солнце, не свети,
Дай мне во тьму и скорбь уйти.
Не принесут забвенья
Мне райские селенья».

И долго бушевала страсть,
Туманя ум смятенный.
Она кляла святую власть
Создателя вселенной,

Ломала пальцы, грудь рвала,
Но вот сошла ночная мгла,
И выплыли в просторы
Ночных созвездий хоры.

И вдруг, и вдруг, тук-тук, тук-тук!
Донесся топот гулкий,
И будто всадник спрыгнул вдруг
В притихшем переулке.
И тихо, страшно, дзин-дзин-дзин,
У входа звякнул ржавый клин,
И хрипло крикнул кто-то
В закрытые ворота:

«Открой, открой! Иль спать легла,
Иль ждать не стало мочи?
Как встарь, красотка, весела
Иль выплакала очи?» —
«Вильгельм! В какой ты поздний час!
От слез я не смыкала глаз,
Кляла я свет постылый,
Откуда ты, мой милый?»

«Мы только к полночи встаем,
Мой конь летел стрелою.
Мой новый дом в краю чужом,
Я прибыл за тобою». —
«Вильгельм, войди, желанный мой,
Свистит и воеет ветер злой,
Так далека дорога!
Согрейся хоть немного!»

«Пусть ветер воеет и свистит,
Пусть плачет над полями, —
Мой конь косится и храпит,
Мне места нет меж вами!
Садись, садись же, наконец!
Храпит, храпит мой жеребец,
Сто миль скакать с тобою
Нам к брачному покою».

«Сто миль! А в поле так темно!
Сто миль скакать к постели!
Часы одиннадцать давно
На башне прогудели». —

«Живей! Луна встает из тьмы.
Домчимся раньше мертвых мы.
Дорога мне знакома,
Мы скоро будем дома».

«А домик твой красив, высок?
Постелька нам готова?» —
«Темь, холодок да семь досок,
Одна доска для крова». —
«Не тесно в нем?» — «Вдвоем — войдем.
Живей, живей! Открыт мой дом,
Невесту ждем, и вскоре
Все гости будут в сборе».

Красотка — прыг! и, в чем была,
На круп коня порхнула
И мила друга обняла,
К желанному прильнула.
И свистнул бич, и, гоп-гоп-гоп,
Уже гремит лихой галоп.
И конь, как буря, дышит,
Вкруг дым и пламень пышет.

И справа, слева, сквозь кусты,
Гей, гоп! неуловимо
Летят луга, поля, мосты,
Гремя, несутся мимо.
«Луна ярка, не бойся тьмы,
Домчимся раньше мертвых мы.
Красотка, любишь мертвых?» —
«Зачем ты вспомнил мертвых?»

Но что за стон? Откуда звон?
Как воронье взлетело!
Надгробный звон! Прощальный стон:
«Зароем в землю тело».
И хор идет, угрюм и строг,
И гроб на паре черных дрог,
Но песня та сошла бы
За крик болотной жабы.

«Заройте после прах немой
Под звон и стон прощальный!
Спешу с женой к себе домой
Свершить обряд венчальный!

За мной, друзья! Оставьте гроб!
Ступай благословлять нас, поп!
Пой, дьякон, что есть мочи
В честь нашей первой ночи!»

Смолк звон и стон, и гроба нет —
Лишь ветра свист и ропот,
И, точно гром, за ними вслед
Понесся гулкий топот.
И громче, громче, гоп-гоп-гоп,
Гремит неистовый галоп,
И конь, как буря, дышит,
Вкруг дым и пламень пышет.

Летят деревни и сады,
Летят дома, соборы,
Равнины, реки и пруды,
Леса, долины, горы.
«Дрожишь, дитя? Не бойся тьмы,
Уже догнали мертвых мы!
Красотка, любишь мертвых?» —
«Зачем ты все о мертвых!»

«Взгляни, взгляни: вздымая прах,
Столбами пыль взметая,
Кружит меж виселиц и плах
Полночных духов стая.
Эй, нечисть! Эй! Сюда, за мной!
За мной и за моей женой
К великому веселью
Над брачную постелью!»

И сброд нечистый, хуш-хуш-хуш,
Вослед помчался с треском.
Так ветер злобный в жар и сушь
Свистит по перелескам.
И громче, громче, гоп-гоп-гоп,
Гремит неистовый галоп,
И конь, как буря, дышит,
Вкруг дым и пламень пышет.

Конь скачет все в лучах луны.
Как дико скачут дали!
И небеса, увлечены,
Вдогонку заплясали.

«Дрожишь, дитя? Не бойся тьмы!
Домчались раньше мертвых мы!
Красотка, любишь мертвых?» —
«О боже, что мне в мертвых!»

«Гоп-гоп! Уже истек мой срок.
Кричит петух к восходу.
Гоп-гоп! Порозовел восток.
Мой конь, прибавим ходу!
Близка назначенная цель.
Прими нас, брачная постель!
Не страшны мертвым дали,
Мы быстро прискакали».

И конь, заслышав грозный крик,
Взметнулся в беге яром,
И хлыст ворота в тот же миг
Разнес одним ударом.
Слетел затвор, гремит скоба,
И, месяцем облиты,
Мерцают смутно плиты.

Взгляни, взгляни: гремя, звеня,
Гугу! свершилось чудо!
Где всадник был, теперь с коня
Ползет гнилая груда.
И лишь скелет верхом на нем,
Скелет с часами и серпом,
Безглазый и безгубый,
Сидит и скалит зубы.

Храпя, поднялся дыбом конь
И дико морду вскинул
И с хохотом в провал, в огонь,
Об землю грянув, сгинул.
И вой раздался в тучах, вой,
И визг из пропасти глухой,
И, с жизнью в хищном споре,
Приникла смерть к Леноре...

А духи гор, долин и вод
Кружились рой за роем,
Сплетались в мерный хоровод
И выли скорбным воем:
«Терпи! Пусть горестен твой век,
Смирись пред богом, человек!
Прах будет взят могилой,
А душу бог помилуй!»

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ

ГЕТЕ

ФУЛЬСКИЙ КОРОЛЬ

Король жил в Фуле дальной,
И кубок золотой
Хранил он, дар прощальный
Возлюбленной одной.

Когда он пил из кубка,
Оглядывая зал,
Он вспоминал голубку
И слезы утирал.

И в смертный час тяжелый
Он роздал княжеств тьму
И всё, вплоть до престола,
А кубок — никому.

Со свитой в полном сборе
Он у прибрежных скал
В своем дворце у моря
Прощальный пир давал.

И кубок свой червонный,
Осушенный до дна,
Он бросил вниз, с балкона,
Где выла глубина.

В тот миг, когда пучиной
Был кубок поглощен,
Пришла ему кончина,
И больше не пил он.

РЫБАК

Волна бежит, шумит, колышет
Едва заметный поплавок.
Рыбак поник и жадно дышит
Прохладой, глядя на поток.
В нем сердце сладко замирает —
Он видит: женщина из вод,
Их рассекая, выплывает
Вся на поверхность и поет —

Поет с тоскою беспокойной:
«Зачем народ ты вольный мой
Манишь из волн на берег знойный
Приманкой хитрости людской?
Ах, если б знал ты, как привольно
Быть рыбкой в холоде речном!
Ты б не остался добровольно
С холма следить за поплавком.

Светила любят над морями
Склонясь, уйти в пучину вод;
Их, надъшавшихся волнами,
Не лучезарней ли восход?
Не ярче ли лазурь трепещет
На персях шепчущей волны?
Ты сам — гляди, как лик твой блещет
В прохладе ясной глубины!»

Волна бежит, шумит, сверкает,
Рыбак поник над глубиной:
Невольный жар овладевает
В нем замирающей душой.
Она поет — рыбак несмело
Скользит к воде; его нога
Ушла в поток... Волна вскипела,
И — опустели берега.

ПЕВЕЦ

«Что там за звуки пред крыльцом?
За гласы пред вратами?..
В высоком терему моем
Раздайся песнь пред нами!..» —
Король сказал, и паж бежит,
Вернулся паж, король гласит:
«Скорей впусстите старца!..»

«Хвала вам, витязи, и честь,
Вам, дамы, обожанья!..
Как звезды в небе перечесь!
Кто знает их названья!..
Хоть взор манит сей рай чудес,
Закройся, взор — не время здесь
Вас праздно тешить, очи!»

Седой певец глаза смежил
И в струны грянул живо—
У смелых взор смелей горит,
У жен поник стыдливо.
Пленился царь его игрой
И шлет за цепью золотой—
Почтить певца седого!..

«Златой мне цепи не давай,
Награды сей не стою,
Ее ты рыцарям отдай,
Бесстрашным среди бою;
Отдай ее своим дьякам,
Прибавь к их прочим тяготам
Сие златое бремя!..

По божьей воле я пою,
Как птичка в поднебесье,
Не чая мзды за песнь свою—
Мне песнь сама возмездье!..
Просил бы милости одной,
Вели мне кубок золотой
Вином наполнить светлым!»

Он кубок взял и осушил
И слово молвил с жаром:
«Тот дом сам бог благословил,
Где это—скудным даром!..
Свою вам милость он пошли
И вас утешь на сей земли,
Как я утешен вами!..»

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ

Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.

«Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?»
«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:
Он в темной короне, с густой бородой».
«О нет, то белеет туман над водой».

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне;
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

«Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит».
«О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы».

«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

«Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей».
«О нет, все спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне».

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
«Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать».

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал..
В руках его мертвый младенец лежал.

КОРИНФСКАЯ НЕВЕСТА

Из Афин в Коринф многоколонный
Юный гость приходит, незнаком,—
Там когда-то житель благосклонный
Хлеб и соль водил с его отцом;
И детей они
В их младые дни
Нарекли невестой с женихом.

Но какой для доброго приема
От него потребуют цены?
Он—дитя языческого дома,
А они—недавно крещены!
Где за веру спор,
Там, как ветром сор,
И любовь и дружба сметены!

Вся семья давно уж отдыхает,
Только мать одна еще не спит,
Благодушно гостя принимает,
И покой отвести ему спешит;
    Лучшее вино
    Ею внесено,
Хлебом стол и яствами покрыт.

И, простясь, ночник ему зажженный
Ставит мать, но ото всех тревог
Уж усталый он и полусонный,
Без еды, не раздеваясь, лег,
    Как сквозь двери тьму
    Двигается к нему
Странный гость бесшумно на порог.

Входит дева медленно и скромно,
Вся покрыта белой пеленой;
Вкруг косы ее, густой и темной,
Блещет венчик черно-золотой.
    Юношу узрев,
    Стала, оробев,
С приподнятой бледною рукой.

«Видно, в доме я уже чужая,—
Так она со вздохом говорит,—
Что вошла, о госте сем не зная,
И теперь меня объемлет стыд;
    Спи ж спокойным сном
    На одре своем,
Я уйду опять в мой темный скит!»

«Дева, стой,—воскликнул он,—со мною
Подожди до утренней поры!
Вот, смотри, Церерой золотою,
Вакхом вот посланные дары;
    А с тобой придет
    Молодой Эрот,
Им же светлы игры и пиры!»

«Отступи, о юноша, я боле
Непричастна радости земной;
Шаг свершен родительскою волей:
На одре болезни роковой
    Поклялася мать
    Небесам отдать
Жизнь мою, и юность, и покой!»

И богов веселых рой родимый
Новой веры сила изгнала,
И теперь царит один незримый,
Одному распятому хвала!
Агнцы боле тут
Жертвой не падут,
Но людские жертвы без числа!»

И ее он взвешивает речи:
«Неужель теперь, в тиши ночной,
С женихом не чаявшая встречи,
То стоит невеста предо мной?
О, отдайся ж мне,
Будь моей вполне,
Нас венчали клятвою двойной!»

«Мне не быть твоею, отрок милый,
Ты мечты напрасной не лелей,
Скоро буду взята я могилой,
Ты ж сестре назначен уж моей;
Но в блаженном сне
Думай обо мне,
Обо мне, когда ты будешь с ней!»

«Нет, да светит пламя сей лампы
Нам Гимена факелом святым,
И тебя для жизни, для отрады
Уведу к пенатам я моим!
Верь мне, друг, о верь,
Мы вдвоем теперь
Брачный пир нежданно совершим!»

И они меняются дарами:
Цепь она спешит златую снять,—
Чашу он с узорными краями
В знак союза хочет ей отдать;
Но она к нему:
«Чаши не приму,
Лишь волос твоих возьму я прядь!»

Полночь бьет—и взор доселе хладный
Заблестал, лицо оживлено,
И уста бесцветные пьют жадно
С темной кровью схожее вино;
Хлеба ж со стола
Вовсе не взяла,
Словно ей вкушать запрещено.

И фиал она ему подносит,
Вместе с ней он ток багровый пьет,
Но ее объятий как ни просит,
Все она противится—и вот,
Тяжко огорчен,
Пал на ложе он
И в бессильной страсти слезы льет.

И она к нему, ласкаясь, села;
«Жалко мучить мне тебя, но, ах,
Моего когда коснешься тела,
Неземной тебя охватит страх:
Я как снег бледна,
Я как лед хладна,
Не согреюсь я в твоих руках!»

Но, кипящий жизненной силой,
Он ее в объятия заключил:
«Ты хотя бы вышла из могилы,
Я б согрел тебя и оживил!
О, каким вдвоем
Мы горим огнем,
Как тебя мой проникает пыл!»

Все тесней сближает их желанье,
Уж она, припав к нему на грудь,
Пьет его горячее дыханье
И уж уст не может разомкнуть.
Юноши любовь
Ей согрела кровь,
Но не бьется сердце в ней ничуть.

Между тем дозором поздним мимо
За дверьми еще проходит мать,
Слышит шум внутри необъяснимый
И его старается понять:
То любви недуг,
Поцелуев звук,
И еще, и снова, и опять!

И недвижно, притаив дыханье,
Ждет она—сомнений боле нет—
Вздохи, слезы, страсти лепетанье
И восторга бешеного бред:
«Скоро день—но вновь
Нас сведет любовь!»
«Завтра вновь!»—с лобзаньем был ответ.

Доле мать сдержатъ не можетъ гнева,
Ключ она свой тайный достаетъ:
«Разве есть такая в доме дева,
Что себя прищельцамъ отдаетъ?»
    Такъ возмущена,
    Входитъ в дверь она —
И дитя родное узнаетъ.

И, воспрянувъ, юноша с испугу
Хочетъ скрыть завесою окна,
Покрываломъ хочетъ скрыть подругу;
Но, отбросивъ складки полотна,
    С ложа, вся пряма,
    Словно не сама,
Медленно подѣмлетъ она.

«Мать, о мать, нарочно ты ужели
Отравить мою приходишь ночь?
С этой теплой ты меня постели
В мракъ и холод снова гонишь прочь?
    И с тебя ужель
    Мало и досель,
Что свою ты схоронила дочь?

Но меня из тесноты могильной
Некий рокъ к живущимъ шлетъ назад,
Вашихъ клировъ пение бессильно,
И попы напрасно мне кадятъ;
    Молодую страсть
    Никакая власть,
Ни земля, ни гробъ не охладятъ!

Этотъ отрокъ именемъ Венеры
Былъ обещанъ мне отъ юныхъ летъ,
Ты вотще во имя новой веры
Изрекла неслыханный обетъ!
    Чтобъ его принять,
    В небесахъ, о мать,
В небесахъ такого бога нетъ!

Знай, что смерти роковая сила
Не могла сковать мою любовь,
Я нашла того, кого любила,
И его я высосала кровь!
    И, покончивъ с нимъ,
    Я пойду к другимъ,—
Я должна идти за жизнью вновь!

Милый гость, вдали родного края
Осужден ты чахнуть и завянуть,
Цепь мою тебе передала я,
Но волос твоих беру я прядь.
Ты их видишь цвет?
Завтра будешь сед,
Русым там лишь явишься опять!

Мать, услышь последнее моление,
Прикажи костер воздвигнуть нам,
Свободи меня из заточенья,
Мир в огне дай любящим сердцам!
Так из дыма тьмы
В пламе, в искрах мы
К нашим древним полетим богам!»

БОГ И БАЯДЕРА

Индийская легенда

Магадев, земли владыка,
К нам в шестой нисходит раз,
Чтоб от мала до велика
Самому изведать нас;
Хочет в странствованье трудном
Скорбь и радость испытать,
Чтоб судьбою правосудным
Нас карать и награждать.
Он, путником город обшедши усталым,
Могучих проникнув, прислушавшись к малым,
Выходит в предместье свой путь продолжать.

Вот стоит под воротами,
В шелк и в кольца убрана,
С насурмленными бровями,
Дева падшая одна.
«Здравствуй, дева!» — «Гость, не в меру
Честь в привете мне твоём!»
«Кто же ты?» — «Я баядера,
И любви ты видишь дом!»
Гремучие бубны привычной рукою,
Кружась, потрясает она над собою
И, стан изгибая, обходит кругом.

И, ласкаясь, увлекает
Незнакомца на порог:
«Лишь войди, и засияет
Эта хата как чертог;

Ноги я твои омою,
Дам приют от солнца стрел,
Освежу и успокою,
Ты устал и изомлел!»

И мнимым страданьям она помогает,
Бессмертный с улыбкою все примечает,
Он чистую душу в упавшей прозрел.

Как с рабынею, сурово
Обращается он с ней,
Но она, откинув ковы,
Все покорней и нежней,
И невольно, в жажде вящей
Унизительных услуг,
Чует страсти настоящей
Возрастающий недуг.

Но ведатель глубей и высей вселенной,
Пытуя, проводит ее постепенно
Через негу, и страх, и терзания мук.

Он касается устами
Расписных ее ланит —
И неожиданными слезами
Лик наемницы облит;
Пала ниц в сердечной боли,
И не надо ей даров,
И для пляски нету воли,
И для речи нету слов.

Но солнце заходит, и мрак наступает,
Убранное ложе чету принимает,
И ночь опустила над ними покров.

На заре, в волненье странном,
Пробудившись ото сна,
Гостя мертвым, бездыханным
Видит с ужасом она.
Плач напрасный! Крик бесплодный!
Совершился рока суд,
И брамины труп холодный
К яме огненной несут.

И слышит она погребальное пенье,
И рвется, и делит толпу в исступленье...
«Кто ты? Чего хочешь, безумная, тут?»

С воплем ринулась на землю
Пред возлюбленным своим:
«Я супруга прах объемлю,
Я хочу погибнуть с ним!

Красота ли неземная
Станет пеплом и золой?
Он был мой в лобзаннях рая,
Он и в смерти будет мой!»
Но стих раздается священного хора:
«Несем мы к могиле, несем без разбора
И старость и юность с ее красотой!

Ты ж ученью Браммы веруй:
Мужем не был он твоим,
Ты зовешься баядерой,
И не связана ты с ним.
Только женам овдовелым
Честь сожженья суждена,
Только тень идет за телом,
А за мужем лишь жена.
Раздайтесь, трубы, кимвалы, гремите,
Вы в пламени юношу, боги, примите,
Примите к себе от последнего сна!»

Так, ее страданье множа,
Хор безжалостно поет,
И на лютой смерти ложе,
В ярый огонь, она падет;
Но из пламенного зева
Бог поднялся, невредим,
И в его объятьях дева
К небесам взлетает с ним.
Раскаянье грешных любимо богами,
Заблудших детей огневными руками
Благие возносят к чертогам своим.

ФРИДРИХ

ШИЛЛЕР

КУБОК

«Кто, рыцарь ли знатный иль латник простой,
В ту бездну прыгнет с вышины?
Бросаю мой кубок туда золотой:
Кто същет во тьме глубины
Мой кубок и с ним возвратится безвредно,
Тому он и будет наградой победной».

Так царь возгласил, и с высокой скалы,
Висевшей над бездной морской,
В пучину бездонной, зияющей мглы
Он бросил свой кубок златой.
«Кто, смелый, на подвиг опасный решится?
Кто съест мой кубок и с ним возвратится?»

Но рыцарь и латник недвижно стоят;
Молчанье — на вызов ответ;
В молчанье на грозное море глядят;
За кубком отважного нет.
И в третий раз царь возгласил громогласно:
«Отыщется ль смелый на подвиг опасный?»

И все безответны... вдруг паж молодой
Смиренно и дерзко вперед;
Он снял епанчу, и снял пояс он свой;
Их молча на землю кладет...
И дамы и рыцари мыслят, безгласны:
«Ах! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?»

И он подступает к наклону скалы
И взор устремил в глубину...
Из чрева пучины бежали валы,
Шумя и гремя, в вышину.
И волны спирались и пена кипела:
Как будто гроза, наступая, ревела.

И воеет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом;
Пучина бунтует, пучина клокочет...
Не море ль из моря извергнуться хочет?

И вдруг, успокоясь, волнение легло;
И грозно из пены седой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь источенного чрева;
И глубь застонала от грома и рева.

И он, упредя разъяренный прилив,
Спасителя-бога призвал,
И дрогнули зрители, все возопив,—
Уж юноша в бездне пропал.
И бездна таинственно зев свой закрыла:
Его не спасет никакая уж сила.

Над бездной утихло... в ней глухо шумит...

И каждый, очей отвести

Не смея от бездны, печально твердит:

«Красавец отважный, прости!»

Все тише и тише на дне ее воет...

И сердце у всех ожиданием ноет.

«Хоть брось ты туда свой венец золотой,

Сказав: кто венец возвратит,

Тот с ним и престол мой разделит со мной!—

Меня твой престол не прельстит.

Того, что скрывает та бездна немая,

Ничья здесь душа не расскажет живая.

Немало судов, закруженных волной,

Глотала ее глубина:

Все мелкой назад вылетали щепой

С ее неприступного дна...»

Но слышится снова в пучине глубокой

Как будто роптанье грозы недалекой.

И воет, и свищет, и бьет, и шипит,

Как влага, мешаясь с огнем,

Волна за волною; и к небу летит

Дымящимся пена столбом...

И брызнул поток с оглушительным ревом,

Извергнутый бездны зияющим зевом.

Вдруг... что-то сквозь пену седой глубины

Мелькнуло живой белизной...

Мелькнула рука и плечо из волны...

И борется, спорит с волной...

И видят—весь берег потрясся от клича—

Он левою правит, а в правой добыча.

И долго дышал он, и тяжело дышал,

И божий приветствовал свет...

И каждый с весельем: «Он жив!—повторял.—

Чудеснее подвига нет!

Из темного гроба, из пропасти влажной

Спас душу живую красавец отважный».

Он на берег вышел; он встречен толпой;

К царевым ногам он упал;

И кубок у ног положил золотой;

И дочери царь приказал:

Дать юноше кубок с струей винограда;

И в сладость была для него та награда.

«Да здравствует царь! Кто живет на земле,
Тот жизнью земной веселись!
Но страшно в подземной таинственной мгле...
И смертный пред богом смиришь:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, им мудро от нас сокровенной.

Стрелой стремглав полетел я туда...
И вдруг мне навстречу поток;
Из трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлек
Меня в глубину с непонятною силой...
И страшно меня там кружило и било.

Но богу молитву тогда я принес,
И он мне спасителем был:
Торчащий из мглы я увидел утес
И крепко его обхватил;
Висел там и кубок на ветви коралла:
В бездонное влага его не умчала.

И смутно все было внизу подо мной
В пурпуровом сумраке там;
Все спало для слуха в той бездне глухой;
Но виделось страшно очам,
Как двигались в ней безобразные груды,
Морской глубины несказанные чуды.

Я видел, как в черной пучине кипят,
В громадный свиваяся клуб,
И млат водяной, и уродливый скат,
И ужас морей однозуб;
И смертью грозил мне, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гиена морская.

И был я один с неизбежной судьбой,
От взора людей далеко;
Один меж чудовищ с любящей душой,
Во чреве земли, глубоко
Под звуком живым человеческого слова,
Меж страшных жильцов подземелья немова.

И я содрогнулся... вдруг слышу: ползет
Стоногое грозно из мглы,
И хочет схватить, и разинуло рот...
Я в ужасе прочь от скалы!
То было спасеньем: я схвачен приливом
И выброшен вверх водомета порывом».

Чудесен рассказ показался царю:
«Мой кубок возьми золотой;
Но с ним я и перстень тебе подарю,
В котором алмаз дорогой,
Когда ты на подвиг отважишься снова
И тайны все дна перескажешь морскова».

То слыша, царица с волнением в груди,
Краснея, царю говорит:
«Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершит?
И если уж должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажу младова».

Но царь, не внимая, свой кубок златой
В пучину швырнул с высоты:
«И будешь здесь рыцарь любимейший мой,
Когда с ним воротишься ты;
И дочь моя, ныне твоя предо мною
Заступница, будет твоею женою».

В нем жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула в очах;
Он видит: краснеет, бледнеет она;
Он видит: в ней жалость и страх...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель он кинулся в волны...

Утихнула бездна... и снова шумит...
И пеною снова полна...
И с трепетом в бездну царица глядит...
И бьет за волною волна...
Приходит, уходит волна быстротечно:
А юноши нет и не будет уж вечно.

ПЕРЧАТКА

Повесть

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая;
За королем, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышный ряд.

Король дал знак рукою—
Со стуком растворилась дверь,
И грозный зверь
С огромной головою,
Косматый лев
Выходит;
Кругом глаза угрюмо водит;
И вот, все оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой,
И потянулся, и зевнул,
И лег. Король опять рукой махнул—
Затвор железной двери грянул,
И смелый тигр из-за решетки прынул;
Но видит льва, робеет и ревет,
Себя хвостом по ребрам бьет,
И крадется, косясь взглядом,
И лижет морду языком,
И, обошедши льва кругом,
Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой—
Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжелой лапой дал,
А лев с рыканьем встал...
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждут, чтоб битва началась.
Вдруг женская с балкона сорвалась
Перчатка... все глядят за ней...
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою глядит
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верный,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку возвратишь».
Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идет,
Перчатку смело он берет
И возвращается к собранью снова.

У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витязь молодой,

В. ШАРОВ

Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицны взгляды...
Но, холодно приняв привет ее очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ

К Коринфу, где во время оно
Справляли праздник Посейдона,
На состязание певцов
Шел кроткий Ивик, друг богов.
Владея даром песнопенья,
Оставив Регий вдалеке,
Он шел, исполнен вдохновенья,
С дорожным посохом в руке.

Уже его пленяет взоры
Акрокоринф, венчая горы,
И в Посейдонов лес густой
Он входит с трепетной душой.
Здесь всюду сумрак молчаливый,
Лишь в небе стая журавлей
Вослед певцу на юг счастливый
Станицей тянется своей.

«О птицы, будьте мне друзьями!
Делил я путь далекий с вами,
Был добрым знаменем дан
Мне ваш летучий караван.
Теперь равны мы на чужбине,—
Явившись издали сюда,
Мы о приюте молим ныне,
Чтоб не постигла нас беда!»

И бодрым шагом в глубь дубравы
Спешит певец, достойный славы,
Но, притаившиеся тут,
Его убийцы стерегут.
Он борется, но два злодея
Разят его со всех сторон:
Искусно лирою владея,
Был неискусен в битве он.

К богам и к людям он взывает,
Но стон его не достигает
Ушей спасителя: в глуши
Не отыскать живой души.
«И так погибну я, сраженный,
И навсегда останусь нем,
Ничьей рукой не отомщенный
И не оплаканный никем!»

И пал он ниц и пред кончиной
Услышал ропот журавлиный,
И громкий крик, и трепет крыл
В далеком небе различил.
«Лишь вы меня, родные птицы,
В чужом не бросили краю!
Откройте ж людям, кто убийцы,
Услышьте жалобу мою!»

И труп был найден обнаженный,
И лик страдальца, искаженный
Печатью ужаса и мук,
Узнал в Коринфе старый друг.
«О, как безгласным и суровым
Тебя мне встретить тяжело!
Не я ли мнил венком сосновым
Венчать любимое чело!»

Молва про злое это дело
Мгновенно праздник облетела,
И поразились все сердца
Ужасной гибели певца.
И люди кинулись к пританам,
Немедля требуя от них
Над песнопевцем бездыханным
Казнить преступников самих.

Но где они? В толпе несметной
Кто след укажет незаметный?
Среди собравшихся людей
Где укрывается злодей?
И кто он, этот враг опасный,—
Завистник злой иль жадный тать?
Один лишь Гелиос прекрасный
Об этом может рассказать.

Быть может, наглыми шагами
Теперь идет он меж рядами
И, не взирая на народ,
Преступных дел вкушает плод.
Быть может, на пороге храма
Он здесь упорно лжет богам
Или с толпой людей упрямо
Спешит к театру, бросив храм.

Треща подпорами строенья,
Перед началом представленья,
Скамья к скамье, над рядом ряд,
В театре эллины сидят.
Глухо шумящие, как волны,
От гула множества людей,
Вплоть до небес, движенья полны,
Изгибы тянутся скамей.

Кто здесь сочтет мужей Фокиды,
Прибрежных жителей Авлиды,
Гостей из Спарты, из Афин?
Они явились из долин,
Они спустились с гор окрестных,
Приплыли с дальних островов
И внемлют хору неизвестных,
Непостижимых голосов.

Вот перед ними тесным кругом,
Из подземелья друг за другом,
Чтоб древний выполнить обряд,
Выходит теней длинный ряд.
Земные жены так не ходят,
Но здесь родные их края,
Их очертания уводят
За грань земного бытия.

Их руки тощие трепещут,
Мрачно-багровым жаром плещут
Их факелы, и бледен вид
Их обескровленных ланит.
И, к привиденьям безобидны,
Вокруг чела их, средь кудрей
Клубятся змеи и ехидны
В свирепой алчности своей.

И гимн торжественно согласный
Звучит мелодией ужасной,
И сети пагубных тенет
Вкруг злодеяния плетет.
Смущая дух, волнуя разум,
Эринний слышится напев,
И в страхе зрители, и разом
Смолкают лиры, онемев.

«Хвала тому, кто чист душою,
Вины не знает за собою!
Без опасений и забот
Дорогой жизни он идет.
Но горе тем, кто злое дело
Творит украдкой тут и там!
Исчадья ночи, мчимся смело
Мы вслед за ними по пятам.

Куда б ни бросились убийцы,—
Быстрокрылатые, как птицы,
Мы их, когда настанет срок,
Петлей аркана валим с ног.
Не слыша горестных молений,
Мы гоним грешников в Аид
И даже в темном царстве теней
Хватаем тех, кто не добит».

И так, зловецим хороводом,
Они поют перед народом,
И, чуя близость божества,
Народ вникает в их слова.
И тишина вокруг ложится,
И в этой мертвой тишине
Смолкает теней вереница
И исчезает в глубине.

Еще меж правдой и обманом
Блуждает мысль в сомненье странном,
Но сердце ужасом полно,
Незримой властью смущено.
Ясна лишь сердцу человека,
Но, скрытая при свете дня,
Клубок судьбы она от века
Плетет, преступников казня.

И вдруг услышали все гости,
Как кто-то вскрикнул на помосте:
«Взгляни на небо, Тимофей,
Накликал Ивик журавлей!»
И небо вдруг покрылось мглою,
И над театром, сквозь туман,
Промчался низко над землею
Пернатых грозный караван.

«Что? «Ивик» он сказал?» И снова
Амфитеатр гудит сурово,
И, поднимаясь, весь народ
Из уст в уста передает:
«Наш бедный Ивик, брат невинный,
Кого убил презренный тать!
При виде стаи журавлиной
Что́ этот гость хотел сказать!»

И вдруг, как молния, среди гула
В сердцах догадка промелькнула,
И в ужасе народ твердит:
«Свершилось мщенье Эвменид!
Убийца кроткого поэта
Себя нам выдал самого!
К суду того, кто молвил это,
И с ним — приспешника его!»

И так всего одно лишь слово
Убийцу уличило злого,
И два злодея, смущены,
Не отрекались от вины.
И тут же, схваченные вместе
И усмиренные с трудом,
Добыча праведная мести,—
Они предстали пред судом.

ПОРУКА

Мерос проскользнул к Дионисию в дом,
Но скрыться не мог от дозорных.
И вот он в оковах позорных.
Тиран ему грозно: «Зачем ты с мечом
За дверью таился, накрывшись плащом?» —
«Хотел я покончить с тираном». —
«Распять в назиданье смутьянам!»

«О царь! Пусть я жизнью своей заплачу —
Приемлю судьбу без боязни.
Но дай лишь три дня мне до казни:
Я замуж сестру мою выдать хочу,
Тебе же, пока не вернусь к палачу,
Останется друг мой порукой.
Солгу — насладись его мукой».

И, злобный метнув на просящего взгляд,
Тиран отвечает с усмешкой:
«Ступай, да смотри же — не мешкай.
Быстрее мгновенья три дня пролетят,
И если ты в срок не вернешься назад,
Его я на муку отправлю,
Тебя ж на свободе оставлю».

И к другу идет он: «Немилостив рок!
Хотел я покончить с проклятым,
И быть мне, как вору, распятым.
Но дал он трехдневный до казни мне срок,
Чтоб замуж сестру мою выдать я мог.
Останься порукой тирану,
Пока я на казнь не предстану».

И обнял без слов его преданный друг
И тотчас к тирану явился,
Мерос же в дорогу пустился.
И принял сестру его юный супруг,
Но солнце обходит уж третий свой круг,
И вот он спешит в Сиракузы,
Чтоб снять с поручителя узы.

И хлынул невиданный ливень тогда.
Уже погружает он посох
В потоки на горных откосах.
И вот он выходит к реке, но беда!
Бурлит и на мост напирает вода,
И груда обломков чугунных
Гремит, исчезая в бурунах.

Он бродит по берегу взад и вперед,
Он смотрит в смятенье великом,
Он будит безмолвие криком,—
Увы, над равниной бушующих вод
Лишь ветер, беснуясь, гудит и ревет.
Ни лодки на бурном просторе,
А волны бескрайны, как море.

И к Зевсу безумный подымлет он взгляд
И молит, отчаянья полный:
«Смири исступленные волны!
Уж полдень, часы беспощадно летят,
А я обещал — лишь померкнет закат,
Сегодня к царю воротиться,
Иль с жизнью друг мой простится».

Но тучи клубятся, и ветер жесток,
И волны сшибаются люто.
Бежит за минутой минута.
И страх, наконец, в нем решимость зажег,
Он смело бросается в грозный поток,
Валы рассекает руками,
Плывет — и услышан богами.

И снова угрюмою горной тропой
Идет он — и славит Зевеса.
Но вдруг из дремучего леса,
Держа наготове ножи пред собой,
Выходят разбойники буйной толпой,
И, путь преграждая пустынный,
Грозит ему первый дубиной.

И в вопле Мероса — смертельный испуг:
«Клянусь вам, я нищ! Не владею
И самою жизнью своею!
Оставьте мне жизнь, иль погибнет мой друг!»
Тут вырвал у вора дубину он вдруг,
И шайка скрывается в страхе,
Три трупа оставив во прахе.

Как жар сицилийского солнца жесток!
Как ломит колени усталость!
А сколько до цели осталось!
«Ты силы мне дал переплыть чрез поток,
Разбойников ты одолеть мне помог, —
Ужель до царя не дойду я
И друга распнет он, ликуя!»

Но что там? Средь голых и выжженных круч
Внезапно журчанье он слышит.
Он верить не смеет, не дышит...
О чудо! Он видит — серебряный ключ,
Так чист и прозрачен, так нежно певуч,
Сверкает и манит омыться,
Гортань освежить и напиться.

И вновь он шагает, минуя в пути
Сады, и холмы, и долины.
Уж тени глубоки и длинны.
Два путника тропкой идут впереди.
Он шаг ускоряет, чтоб их обойти,
И слышит слова их: «Едва ли,—
Мы, верно, на казнь опоздали».

Надежда и страх его сердце теснят,
Летят, не идут его ноги.
И вот—о великие боги!—
Пред ним Сиракузы, пылает закат,
И верный привратник его Филострат,
Прождавший весь день на пороге,
Навстречу бежит по дороге.

«Назад, господин! Если друга не спас,
Хоть сам не давайся им в руки!
Его повели уж на муки.
Он верил, он ждал тебя с часу на час,
В нем дружбы священный огонь не погас
И царь наш в ответ на глумленье
Лишь гордое встретил презренье».

«О, если уж поздно, и он—на кресте
И предал я друга такого,—
Душа моя к смерти готова.
Зато мой палач не расскажет нигде,
Что друг отказался от друга в беде.
Он кровью двоих насладится,
Но в силе любви убедится».

И гаснет закат, но уж он—у ворот,
И видит он крест на агоре,
Голов человеческих море.
Веревкою связанный, друг его ждет.
И он раздвигает толпу, он идет.
«Тиран!—он кричит.—Ты глумился,
Но, видишь, я здесь! Я не скрылся!»

И в бурю восторженный гул перерос,
Друзья обнялись, и во взоре
У каждого радость и горе,
И нет ни единого ока без слез,
И царь узнает, что вернулся Мерос,
Глядит на смятенные лица,
И чувство в царе шевелится.

И он их велит привести перед трон,
Он влажными смотрит очами.
«Ваш царь побежденный пред вами.
Он понял, что дружба — не призрак, не сон,
И с просьбою к вам обращается он:
На диво грядущим столетьям
В союз ваш принять его третьим».

ГРАФ ГАПСБУРГСКИЙ

Торжественным Ахен весельем шумел;
В старинных чертогах, на пире
Рудольф, император избранный, сидел
В сиянье венца и в порфире.
Там кушанья рейнский фальцграф разносил;
Богемец напитки в бокалы цедил;
И семь избирателей, чином
Устроенный древле свершая обряд,
Блестали, как звезды пред солнцем блестят,
Пред новым своим властелином.

Кругом возвышался богатый балкон,
Ликующим полный народом;
И клики, со всех прилетая сторон,
Под древним сливались сводом.
Был кончен раздор; перестала война;
Бесцарственны, грозны прошли времена;
Судья над землею был снова;
И воля губить у меча отнята;
Не брошены слабый, вдова, сирота
Могущим во власть без покрова.

И кесарь, наполнив бокал золотой,
С приветливым взором вещает:
«Прекрасен мой пир; все пирует со мной;
Все царский мой дух восхищает...
Но где ж утешитель, пленитель сердец?
Придет ли мне душу растрогать певец
Игрой и благим поученьем?
Я песней был другом, как рыцарь простой,
Став кесарем, брошу ль обычай святой
Пирь услаждать песнопеньем?»

И вдруг из среды величавых гостей
Выходит, одетый таларом,
Певец в красоте поседелых кудрей,
Младым преисполненный жаром.

«В струнах золотых вдохновенье живет.
Певец о любви благодатной поет,
    О всем, что святого есть в мире,
Что душу волнует, что сердце манит...
О чем же властитель воспеть повелит
    Певцу на торжественном пире?»

«Не мне управлять песнопевца душой
    (Певцу отвечает властитель);
Он высшую силу признал над собой;
    Минута ему повелитель;
По воздуху вихорь свободно шумит;
Кто знает, откуда, куда он летит?
    Из бездны поток выбегает;
Так песнь зарождает души глубина,
И темное чувство, из дивного сна
    При звуках воспрянув, пылает».

И смело ударил певец по струнам,
    И голос приятный раздался:
«На статном коне по горам, по полям
    За серною рыцарь гонялся;
Он с ловчим одним выезжает сам-друг
Из чащи лесной на сияющий луг,
    И едет он шагом кустами;
Вдруг слышат они: колокольчик гремит;
Идет из кустов пономарь и звонит;
    И следом священник с дарами.

И набожный граф, умиленный душой,
    Колена свои преклоняет
С сердечною верой, с горячей мольбой
    Пред Тем, что живит и спасает.
Но лугом стремился кипучий ручей;
Свирепо надувшись от сильных дождей,
    Он путь заграждал пешеходу;
И спутнику пастырь дары отдает;
И обувь снимает и смело идет
    С священной ношею в воду.

«Куда?» — изумившийся граф спросил.
    «В село; умирающий нищий
Ждет в муках, чтоб пастырь его разрешил,
    И алчет небесныя пищи.
Недавно лежал через этот поток
Сплетенный из сучьев для пеших мосток —
    Его разбросало водою;

Чтоб душу святой благодатью спасти,
Я здесь неглубокий поток перейти
Спешу обнаженной стопою».

И пастырю витязь коня уступил
И подал ноге его стремя,
Чтоб он облегчить покаяньем спешил
Страдальцу греховное бремя.
И к ловчему сам на седло пересел
И весело в чащу на лов полетел;
Священник же, требу святую
Свершивши, при первом сиянии дня
Является к графу, смиренно коня
Веда за узду золотую.

«Дерзну ли помыслить я,— граф возгласил,
Почтительно взоры склонивши,—
Чтоб конь мой ничтожной забаве служил,
Спасителю-богу служивши?
Когда ты, отец, не приемлешь коня,
Пусть будет он даром благим от меня
Отныне тому, чье даянье
Все блага земные, и сила, и честь,
Кому не помедлю на жертву принести
И силу, и честь, и дыханье».

«Да будет же вышний господь над тобой
Своей благодатью святою;
Тебя да почтит он в сей жизни и в той,
Как днесь он почтён был тобою;
Гельвеция славой сияет твоей;
И шесть расцветают тебе дочерей,
Богатых дарами природы:
Да будут же (молвил пророчески он)
Уделом их шесть знаменитых корон;
Да славятся в роды и роды».

Задумавшись, голову кесарь склонил:
Минувшее в нем оживилось.
Вдруг быстрый он взор на певца устремил—
И таинство слов объяснилось:
Он пастыря видит в певце пред собой;
И слезы свои от толпы золотой
Порфирой закрыл в умиленье...
Все смолкло, на кесаря очи подняв,
И всяк догадался, кто набожный граф,
И сердцем почтил провиденье.

РАЗДЕЛ ЗЕМЛИ

Зевс молвил людям: «Забирайте землю!
Ее дарю вам в щедрости своей,
Чтоб вы, в наследство высший дар приемля,
Как братья стали жить на ней!»

Тут все засуетились торопливо,
И стар, и млад поспешно поднялся,
Взял землепашец золотую ниву,
Охотник — темные леса,

Аббат — вино, купец — товар в продажу.
Король забрал торговые пути,
Закрыл мосты, везде расставил стражу:
«Торгуешь — пошлину плати!»

А в поздний час издалека явился,
Потупив взор, задумчивый поэт.
Все роздано. Раздел земли свершился,
И для поэта места нет.

«О, горе мне! Ужели обделенным
Лишь я остался — твой вернейший сын?» —
Воскликнул он и рухнул ниц пред троном.
Но рек небесный властелин:

«Коль ты ушел в бесплодных грез пределы,
То не тревожь меня своей мольбой.
Где был ты в час великого раздела?»
«Я был, — сказал поэт, — с тобой!»

Мой взор твоим пленился светлым ликом,
К твоим словам мой слух прикован был.
Прости ж того, кто в думах о великом
Юдоль земную позабыл!»

И Зевс сказал: «Так как же быть с тобою?
Нет у меня ни городов, ни сел.
Но для тебя я небеса открою —
Будь принят в них, когда б ты ни пришел!»

ПОЛИКРАТОВ ПЕРСТЕНЬ

На кровле он стоял высоко
И на Самос богатый око
С весельем гордым преклонял.
«Сколь щедро взыскан я богами!
Сколь счастлив я между царями!» —
Царю Египта он сказал.

«Тебе благоприятны боги;
Сыи к твоим врагам лишь строги
И всех их предали тебе;
Но жив один опасный мститель;
Пока он дышит... победитель,
Не доверяй своей судьбе».

Еще не кончил он ответа,
Как из союзного Милета
Явился присланный гонец:
«Победой ты украшен новой;
Да обовьет опять лавровый
Главу властителя венец;

Твой враг постигнут строгой мезтью;
Меня послал к вам с этой везтью
Наш полководец Полидор».
Рука гонца сосуд держала:
В сосуде голова лежала;
Врага узнал в ней царский взор.

И гость воскликнул с содроганьем:
«Страшись! Судьба очарованьем
Тебя к погибели влечет.
Неверные морские волны
Обломков корабельных полны:
Еще не в пристани твой флот».

Еще слова его звучали...
А клики брег уж оглашали,
Народ на пристани кипел;
И в пристань, царь морей крылатый,
Дарами дальних стран богатый,
Флот торжествующий влетел.

И гость, увидя то, бледнеет,
«Тебе Фортуна благодееет...
Но ты не верь, здесь хитрый ков,
Здесь тайная погибель скрыта:
Разбойники морские Крита
От здешних близко берегов».

И только выронил он слово,
Гонец вбегает с вестью новой:
«Победа, царь! Судьбе хвала!
Мы торжествуем над врагами:
Флот критский истреблен богами;
Его их буря пожрала».

Испуган гость неожиданной вестью...
«Ты счастлив; но судьбины лестью
Такое счастье мнится мне:
Здесь вечны блага не бывали,
И никогда нам без печали
Не доставались оне.

И мне все в жизни улыбалось;
Неизменяемо, казалось,
Я силой вышней был храним;
Все блага прочил я для сына...
Его, его взяла судьбина;
Я долг мой сыном заплатил.

Чтоб вечной избежать напасти,
Моли невидимые власти
Подлить печали в твой фиал.
Судьба и в милостях мздоимец:
Какой, какой ее любимец
Свой век не бедственно кончал?

Когда ж в несчастье рок откажет,
Исполни то, что друг твой скажет:
Ты призови несчастье сам.
Твои сокровища несметны:
Из них скорей, как дар заветный,
Отдай любимое богам».

Он гостю внемлет с содроганьем:
«Моим избранным достояньем
Доньше этот перстень был;
Но я готов властям незримым
Добром пожертвовать любимым...»
И перстень в море он пустил.

Наутро, только луч денницы
Озолотил верхи столицы,
К царю является рыбарь:
«Я рыбу; пойманную мною,
Чудовище величиною,
Тебе принес в подарок, царь!»

Царь изъявил благоволение...
Вдруг царский повар в исступленьи
С неожиданной вестию бежит:
«Найден твой перстень драгоценный,
Огромной рыбой поглощенный,
Он в ней ножом моим открыт».

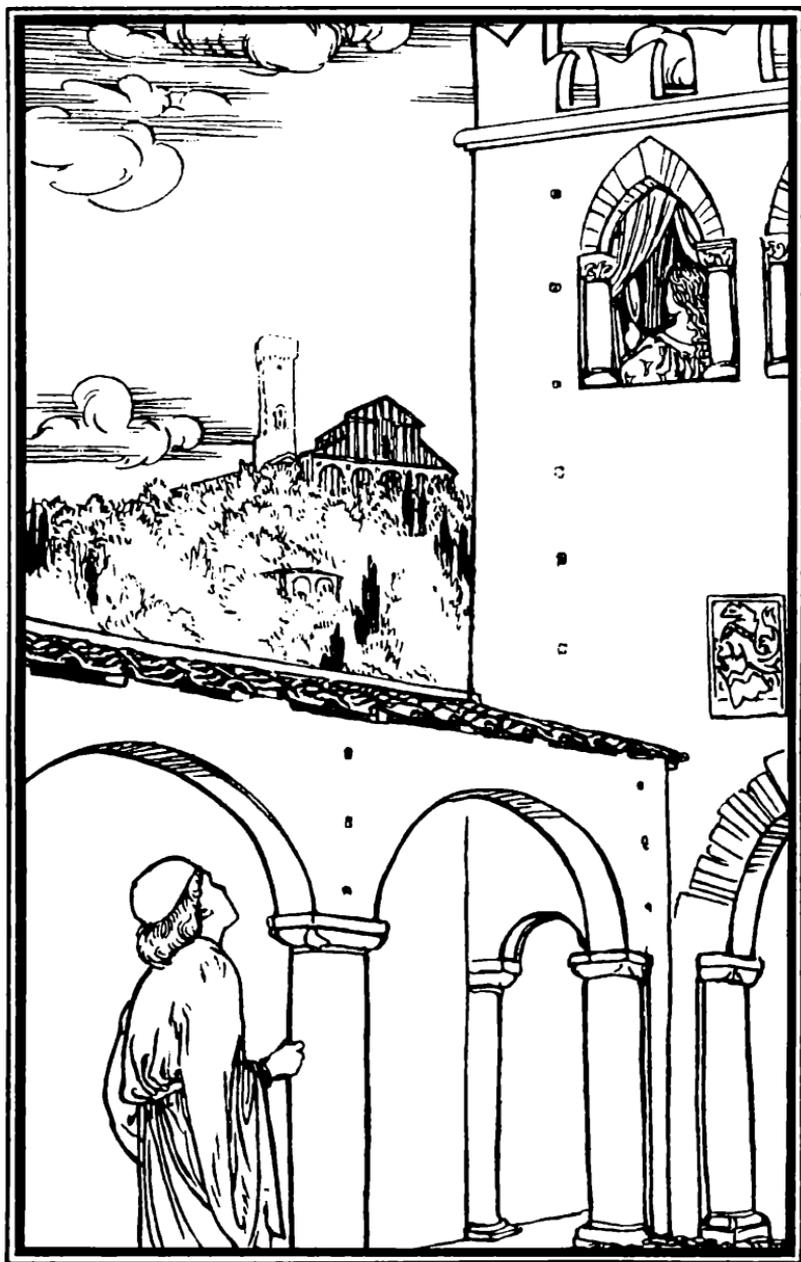
Тут гость, как пораженный громом,
Сказал: «Беда над этим домом!
Нельзя мне другом быть твоим;
На смерть ты обречен судьбою:
Бегу, чтоб здесь не пасть с тобою...»
Сказал и разлучился с ним.

РЫЦАРЬ ТОГЕНБУРГ

«Сладко мне твоей сестрою,
Милый рыцарь, быть;
Но любовию иною
Не могу любить;
При разлуке, при свиданье
Сердце в тишине —
И любви твоей страданье
Непонятно мне».

Он глядит с немой печалью —
Участь решена;
Руку сжал ей; крепкой сталью
Грудь обложена;
Звонкий рог созвал дружину;
Все уж на конях:
И помчались в Палестину,
Крест на раменах.

Уж в толпе врагов сверкают
Грозно шлемы их;
Уж отвагой изумляют
Чуждых и своих.

Р. АННИНГБЕЛЛ

Тогенбург лишь выйдет к бою:
Сарацин бежит...
Но душа в нем все тоскою
Прежнею болит.

Год прошел без утоленья...
Нет уж сил страдать;
Не найти ему забвенья —
И покинул рать.
Зрит корабль — шумят ветрилы,
Бьет в корму волна —
Сел и поплыл в край тот милый,
Где цветет она.

Но стучится к ней напрасно
В двери пилигрим;
Ах, они с молвой ужасной
Отперлись пред ним:
«Узы вечного обета
Приняла она;
И, погибшая для света,
Богу отдана».

Пышны праотцев палаты
Бросить он спешит;
Навсегда покинул латы;
Конь навек забыт;
Власяной покрыт одеждой,
Инок в цвете лет,
Не украшенный надеждой
Он оставил свет.

И в убогой келье скрылся
Близ долины той,
Где меж темных лип светился
Монастырь святой:
Там — сияло ль утро ясно,
Вечер ли темнел —
В ожиданье, с мукой страстной,
Он один сидел.

И душе его унылой
Счастье там одно:
Дождаться, чтоб у милой
Стукнуло окно,
Чтоб прекрасная явилась,
Чтоб от вышины
В тихий дол лицом склонилась,
Ангел тишины.

И дождавшись, на ложе
Простирался он;
И надежда: *завтра то же!*
Услаждала сон.
Время годы уводило...
Для него ж одно:
Ждать, как ждал он, чтоб у милой
Стукнуло окно;

Чтоб прекрасная явилась;
Чтоб от вышины
В тихий дол лицом склонилась,
Ангел тишины.
Раз — туманно утро было —
Мертв он там сидел,
Бледен ликом, и уныло
На окно глядел.

КАССАНДРА

Все в обители Приама
Возвещало брачный час,
Запах роз и фимиама,
Гимны дев и лирный глас.
Спит гроза минувшей брани,
Щит, и меч, и конь забыт,
Облечен в пурпурны ткани
С Поликсеною Пелид.

Девы, юноши четами
По узорчатым коврам,
Украшенные венками,
Идут веселы во храм,
Стогны дышат фимиамом:
В злато царский дом одет;
Снова счастье над Пергамом...
Для Кассандры счастья нет.

Уклонясь от лирных звонов,
Нелюдима и одна,
Дочь Приама в Аполлонов
Древний лес удалена.
Сводом лавров осененна,
Сбросив жрический покров,
Провозвестница священна
Так роптала на богов:

«Там шумят веселых волны;
Всем душа оживлена;
Мать, отец надеждой полны;
В храм сестра приведена.
Я одна мечты лишена;
Ужас мне — что радость там;
Вижу, вижу: окрыленна
Мчится Гибель на Пергам.

Вижу факел — он светлеет
Не в Гименовых руках;
И не жертвы пламя рдеет
На сгущенных облаках;
Зрю пиров угощение...
Но... горé, по небесам,
Слышно бога приближенье,
Предлетающего бедам.

И вотще мое стенанье,
И печаль моя мне стыд:
Лишь с пустынями страданье
Сердце сирое делит.
От счастливых отчужденна,
Веселящимся позор,
Я тобой всех благ лишена,
О предведения взор!

Что Кассандре дар вещанья
В сем жилище скромных чад
Безмятежного незнанья,
И блаженных им стократ?
Ах! почто она предвидит
То, чего не отвратит?..
Неизбежное придет
И грозящее сразит.

И спасу ль их, открывая
Близкий ужас их очам?
Лишь незнанье — жизнь прямая;
Знанье — смерть прямая нам.
Феб, возьми твой дар опасный,
Очи мне спеша затмить;
Тяжко истины ужасной
Смертною скуделью бытъ...

Я забыла славить радость,
    Став пророчицей твоей.
Слепоты погибшей сладость,
    Мирный мрак минувших дней,
С вами скрылись наслажденья!
    Он мне будущее дал,
Но веселие мгновенья
    Настоящего отнял.

Никогда покров венчальный
    Мне главы не осенит;
Вижу факел погребальный;
    Вижу: ранний гроб открыт.
Я с родными скучну младость
    Всю утратила в тоске —
Ах, могла ль делить их радость,
    Видя скорбь их вдалеке?

Их ласкает ожиданье;
    Жизнь, любовь передо мной;
Всё окрест очарованье —
    Я одна мертва душой.
Для меня весна напрасна;
    Мир цветущий пуст и дик...
Ах! сколь жизнь тому ужасна,
    Кто во глубь ее проник!

Сладкий жребий Поликсены!
    С женихом рука с рукой,
Взор, любовью распаленный,
    И гордясь сама собой,
Благ своих не постигает:
    В сновидениях златых
И бессмертья не желает
    За один с Пелидом миг.

И моей любви открылся
    Тот, кого мы ждем душой:
Милый взор ко мне стремился,
    Полный страстною тоской...
Но — для нас перед богами
    Брачный гимн не возгремит;
Вижу: грозно между нами
    Тень стигийская стоит.

Духи, бледною толпою
Покидая мрачный ад,
Вслед за мной и предо мною,
Неотступные, летят;
В резвы юношески лики
Вносят ужас за собой;
Внемля радостные клики,
Внемлю их надгробный вой.

Там сокрытый блеск кинжала;
Там убийцы взор горит;
Там невидимого жала
Яд погибелью грозит.
Всё предчувствуя и зная,
В страшный путь сама иду:
Ты падешь, страна родная;
Я в чужбине гроб найду...»

И слова еще звучали...
Вдруг... шумит священный лес...
И зефиры глас примчали:
«Пал великий Ахиллес!»
Машут Фурии змиями,
Боги мчатся к небесам...
И карающий громами
Грозно смотрит на Пергам.

ТОРЖЕСТВО ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Пал Приамов град священный;
Грудой пепла стал Пергам;
И, победой насыщенные,
К острогрудым кораблям
Собрались эллины — тризну
В честь минувшего свершить
И в желанную отчизну,
К берегам Эллады плыть.

Пойте, пойте гимн согласный:
Корабли обращены
От враждебной стороны
К нашей Греции прекрасной.

Брегом шла толпа густая
Илионских дев и жен:
Из отеческого края
Их ввели в далекий плен.
И с победной песнью дикой
Их сливался тихий стон
По тебе, святой, великий,
Невозвратный Илион.

Вы, родные холмы, нивы,
Нам вас боле не видать;
Будем в рабстве увядать...
О, сколь мертвые счастливы!

И с предведением во взгляде
Жертву сам Калхас заклал:
Грады зиждущей Палладе
И губящей (он воззвал),
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валов,
И носящему Горгону
Богу смертных и богов!

Суд окончен; спор решился;
Прекратилась борьба;
Все исполнила Судьба:
Град великий сокрушился.

Царь народов, сын Атрея
Обозрел полков число:
Вслед за ним на брег Сигея
Много, много их пришло...
И незапный мрак печали
Отуманил царский взгляд:
Благороднейшие пали...
Мало с ним пойдет назад,

Счастлив тот, кому сиянье
Бытия сохранено,
Тот, кому вкусить дано
С милой родиной свиданье!

И не всякий насладится
Миром в свой пришедши дом:
Часто злобный ков таится
За домашним алтарем;

Часто Марсом пощажённый
Погибает от друзей
(Рек, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей).

Счастлив тот, чей дом украшен
Скромной верностью жены!
Жены алчут новизны:
Постоянный мир им страшен.

И стоящий близ Елены
Менелай тогда сказал:
Плод губительный измены —
Ею сам изменник пал;
И погиб виной Париды
Отягченный Илион...
Неизбежен суд Кронида.
Всё блюдет с Олимпа он.

Злому злой конец бывает:
Гибнет жертвой Эвменид,
Кто безумно, как Парид,
Право гостя оскверняет.

Пусть веселый взор счастливых
(Оилеев сын сказал)
Зрит в богах богов правдивых;
Суд их часто слеп бывал:
Скольких бодрых жизнь поблёлка!
Скольких низких рок щадит!..
Нет великого Патрокла;
Жив презрительный Терсит.

Смертный, царь Зевес Фортуне
Своенравной предал нас:
Уловляй же быстрый час,
Не тревожа сердца втуне.

Лучших бой похитил ярый!
Вечно памятен нам будь,
Ты, мой брат, ты, под удары
Подставлявший твердо грудь,
Ты, который нас, пожаром
Осаждённых, защитил...
Но коварнейшему даром
Щит и меч Ахиллов был.

Мир тебе во тьме Эрева!
Жизнь твою не враг отнял:
Ты своею силой пал,
Жертва гибельного гнева.

О Ахилл! о мой родитель!
(Возгласил Неоптолем)
Быстрый мира посетитель,
Жребий лучший взял ты в нем.
Жить в любви племен делами—
Благо первое земли;
Будем вечны именами
И сокрытые в пыли!

Слава дней твоих нетленна;
В песнях будет цвезть она:
Жизнь живущих неверна,
Жизнь отживших неизменна!

Смерть велит умолкнуть злобе
(Диомед провозгласил):
Слава Гектору во гробе!
Он краса Пергама был;
Он за край, где жили деды,
Веледушно пролил кровь;
Победившим—честь победы!
Охранявшему—любовь!

Кто, на суд явясь кровавый,
Славно пал за отчий дом:
Тот, почтённый и врагом,
Будет жить в преданьях славы.

Нестор, жизнью убеленный,
Нацедил вина фиал
И Гекубе сокрушенной
Дружелюбно выпить дал.
Пей страданий утоленье;
Добрый Вакхов дар вино:
И веселость и забвенье
Проливает в нас оно.

Пей, страдалица! печали
Услаждаются вином:
Боги жалостные в нем
Подкрепленье сердцу дали.

Вспомни мать Ниобею:
Что извела она!
Сколь ужасная над нею
Казнь была совершена!
Но и с нею, безотрадной,
Добрый Вакх недаром был:
Он струею виноградной
Вмиг тоску в ней усыпил.

Если грудь вином согрета
И в устах вино кипит:
Скорби наши быстро мчит
Их смывающая Лета.

И вперила взор Кассандра,
Вняв шепнувшим ей богам,
На пустынный брег Скамандра,
На дымящийся Пергам.
Все великое земное
Разлетается, как дым:
Ныне жребий выпал Трое,
Завтра выпадет другим...

Смертный, силе, нас гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящий в гробе, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущий.

КЛЕМЕНС

БРЕНТАНО

* * *

Жила на Рейне фея
В селенье Бахарах
И красотой своею
Повергла всех во прах.

Сгубила, осмеяла,
Свела с ума людей—
И так околдовала,
Что льнули все сильнее.

Тогда епископ местный
Священный суд созвал,
Но пред красой небесной
Весь гнев его пропал.

Он молвил: «Боже правый!
О чем, дитя, грустишь?
И ворожкой лукавой
Кому, бедняжка, мстишь?»

«Увы! не жду прощенья,
И жизнь постыла мне,
Хоть чары обольщенья —
Не по моей вине.

Мои глаза как пламя.
Рука — волшебный жезл.
Низринь меня во пламя!
Сломи над плотью жезл!»

«О! Ты, представ пред нами,
Навет отвергла весь,
Ведь то же гложет пламя
И нашу душу днесь.

И если мне придется
Назначить приговор,
То сердце разорвется
И рухнет в твой костер!»

«Не смейся понапрасну,
А лучше помолись,
И, сжалясь над несчастной,
Пред богом заступись.

Я доле жить не смею,
Я не желаю жить!
За то, что гибель сею,
Вели меня казнить!

Увы! и я любила,
Но грянула беда:
Меня покинул мильй,
Бежав невесть куда.

Бесхитростны и прѣсты
Приметы волшебства:
Лишь очи точно звезды,
Как сладкий мед слова.

Прозвали всемогущей
Меня за красоту—
Но муки нету пущей
И жить не вмоготу.

Я смерть приму без дрожи,
Я кончу путь земной.
Со мной ты будешь, боже,
Коль друга нет со мной!»

Трем рыцарям владыка
Велит седлать коней:
«Не бойся, горемыка!
Есть дом для Лорелей!

От жизни отрешиться
И обрести покой
Ты сможешь, став черницей
В обители святой».

Печальной и убитой,
Прекрасна и бледна,
С торжественною свитой
Поехала она.

«О рыцари,— сказала,
Не сдерживая слез,—
Позвольте мне сначала
Подняться на утес.

На замок взор я кину,
Где милый был со мной,
И навсегда покину
Для бога мир земной».

Утес к вершине— круче,
Отвеснее стена.
Над бездной неминучей
Наверх идет она.

И рыцари, по крупам
Пожлопавши коней,
По каменным уступам
Идут вослед за ней.

И сверху возгласила:
«Вон челн внизу плывет!
И в том челне мой милый
Меня, наверно, ждет.

Я знаю, он за мною
Привел сюда челнок!»
Встает над крутизною.
Бросается в поток.

Три рыцаря не смели
С утеса вниз одни.
Там умерли, истлели,
Остались там они.

Кто спел про то, как было?
Не рейнский ли рыбак?
Но с тройственной могилы
Звучит поньне так:

Лорелей!
Лорелей!
Лорелей!
Три двойника души моей.

АДЕЛЬБЕРТ
ФОН ШАМИССО

НИЩИЙ И ЕГО ПЕС

«Три талера штрафа за старого пса?!
Пусть лучше разверзнутся небеса!
О, черт бы побрал полицейских вельмож!
Ведь это, выходит, прямой грабеж!

Смотрите: я болен, я стар и слаб.
Себя самого прокормить хотя б!
Ни денег, ни хлеба — давным-давно.
Досталось мне только несчастье одно.

Но, если я голодал и болел,
Скажите, кто в мире меня жалел?
Кто голод и холод со мной делил,
О, кто мне единственным другом был?

Когда бушевала зима вокруг,
Кто грел меня в пору январских выюг?
Кто, как родного, меня любил,
Глодал свою корку и не скулил?

Эх, видно, замкнулся проклятый круг!
Должны мы расстаться, мой верный друг.
В награду за службу, за честный труд
Тебя мне приказано бросить в пруд.

Вот — плата за тысячи добрых дел!
Да, братец, таков и людской удел.
К чертям! Я солдат, я с врагом воевал,
Но палачом я пока не бывал.

Вот это — камень, а вот — канат,
А это — вода. Приготовься, брат.
Чего так смотришь? Давай пойдём.
Еще полшага — и дело с концом...»

Но только он петлю над ним занес,
Лизнул ему ласково руку пес;
К ногам его с радостным визгом приник...
И — петлю надел на себя старик.

С проклятьями к берегу он поспешил,
Собрав остатки последних сил,
И бросился в воду рывком одним.
Вода, расступившись, сомкнулась над ним.

Пес — мигом — к нему! Но вода глубока.
Тогда он вблизи разыскал рыбака
И лаем позвал его к месту беды.
Но мертвым старик извлечен из воды.

...На кладбище тело рыбак отвез.
За гробом плелся один лишь пес,
И там, где растёт надмогильный мох,
Скуля, испустил он последний вздох.

ИГРУШКА ВЕЛИКАНШИ

В Эльзасе замок Нидек известен с давних пор —
Обитель великанов, детей могучих гор.
Давно разрушен замок — не сыщешь и следа,
И сами великаны исчезли навсегда.

Однажды — это было в забытый, давний год —
Дочь великана вышла из крепостных ворот,
Спустилась по тропинке, увлечена игрой,
И вскоре очутилась в долине, под горой.

Суда, луга и нивы—все незнакомо ей.
Близ Гаслаха достигла она страны людей.
И города, и села, и пастбища, и лес
Предстали перед нею, как чудо из чудес.

Нагнулась великанша, и, радости полна,
Крестьянина и лошадь заметила она.
Потешное созданье воздвигало луг.
Стальными лемехами сверкал на солнце плуг.

«Ах, что за человек! И лошадь—с ноготок!»
И девочка достала свой шелковый платок.
Находку завернула и с этим узелком
Вприпрыжку побежала в свой замок напрямиком.

Охваченный раздумьем, старик отец сидел.
Вина из кубка отпил, на дочку поглядел:
«Да что там копошится? А ну-ка, покажи,
Свой шелковый платочек скорее развяжи».

И бережно достала она из узелка
Забавную игрушку—седого мужика.
Поставила на столик коня его и плуг
И, хлопая в ладоши, забегала вокруг.

Но тут старик родитель стал хмурым, словно ночь
«Нет, это—не игрушка! Что сделала ты, дочь?
Не медля ни мгновенья, назад его снеси.
Крестьянин—не игрушка! Господь тебя спаси.

Когда бы не крестьянин—не труд его, заметь,—
Без хлеба нам с тобою пришлось бы умереть.
И навсегда запомни, что великанов род
В веках свое начало от мужиков берет!»

...В Эльзасе замок Нидек известен с давних пор—
Обитель великанов, детей могучих гор.
Давно разрушен замок, не сыщешь и следа,
И сами великаны исчезли навсегда.

МОЛИТВА ВДОВЫ

При свете лампы, не ведая сна,
Стоит на коленях старушка одна:
— Внемли моей просьбе, всевышний, внемли!
Помещику нашему годы продли.
Так учит нужда молиться.

Помещик, стоявший у двери тайком,
Смекает: старуха, видать, под хмельком.
Он в мрачную хижину входит и вот
С улыбкой старухе вопрос задает:

— Как учит нужда молиться?

— Ах, барин! Имела я восемь коров,
Но дед вашей светлости жаждал даров.
Корову увел со двора моего
И знать обо мне не хотел ничего.

Так учит нужда молиться.

Ему я сгореть пожелала в аду,
И бог услышал меня—мне на беду.
Дед помер. Отец ваш хозяином стал
И пару коров у меня отобрал.

Так учит нужда молиться.

Я—клясть его! Черт за язык потянул!
Согласно проклятью, он шею свернул.
Пришла ваша светлость—и отняли вы
Четыре коровы у бедной вдовы.

Так учит нужда молиться.

Боюсь, коли сын ваш к правленью придет,
Корову последнюю он отберет.
Внемли ж моей просьбе, всевышний, внемли!
Помещику нашему годы продли.

Так учит нужда молиться.

ЛЮДВИГ

НАЖД

ТРИ ПЕСНИ

«Споет ли мне песню веселую скальд?» —
Спросил, озираясь, могучий Освальд.
И скальд выступает на царскую речь,
Под мышкою арфа, на поясе меч.

«Три песни я знаю: в одной старина!
Тобою, могучий, забыта она;
Ты сам ее в лесе дремучем сложил;
Та песня: *отца моего ты убил.*»

Есть песня другая: ужасна она;
И мною под бурей ночной сложена;
Пою ее ранней и поздней порой;
И песня та: *бейся, убийца, со мной!*»

Он в сторону арфу, и меч наголо;
И бешенство грозные лица зажгло;
Запрыгали искры по звонким мечам—
И рухнул Освальд— голова пополам.

«Раздайся ж, последняя песня моя;
Ту песню и утром и вечером я
Греть не устану пред девой любви;
Та песня: *убийца повержен в крови*».

МЩЕНИЕ

Изменой слуга паладина убил:
Убийце завиден сан рыцаря был.

Свершилось убийство ночью порой—
И труп поглощен был глубокой рекой.

И шпоры и латы убийца надел
И в них на коня паладинова сел.

И мост на коне проскакать он спешит:
Но конь поднялся на дыбы и храпит.

Он шпоры вонзает в крутые бока:
Конь бешеный сбросил в реку седока.

Он выплыть из всех напрягается сил:
Но панцирь тяжелый его утопил.

ГАРАЛЬД

Перед дружиной на коне
Гаральд, боец седой,
При свете полных луны,
Въезжает в лес густой.

Отбиты вражьи знамена
И веют и шумят,
И гулом песней боевых
Кругом холмы гудят.

Но что порхает по кустам?
Что зыблется в листьях?
Что налетает с вышины
И плещется в волнах?

Что так ласкает, так манит?
Что нежною рукой
Снимает меч, с коня влечет
И тянет за собой?

То феи... в легкий хоровод
Слетелись при луне.
Спасенья нет; уж все бойцы
В волшебной стороне.

Лишь он, бесстрашный вождь Гаральд,
Один не побежден:
В нетленный с ног до головы
Булат закован он.

Пропали спутники его;
Там брошен меч, там щит,
Там ржет осиротелый конь
И дико в лес бежит.

И едет, сумрачно-уныл,
Гаральд, боец седой,
При свете полных луны
Один сквозь лес густой.

Но вот шумит, журчит ручей—
Гаральд с коня спрыгнул,
И снял он шлем и влаги им
Студеной зачерпнул.

Но только жажду утопил,
Вдруг обессилел он;
На камень сел, поник главой.
И погрузился в сон.

И веки на утесе том,
Главу склоня, он спит:
Седые кудри, борода;
У ног копьё и щит.

Когда ж гроза, и молний блеск,
И лес ревет густой,—
Сквозь сон хватается за меч
Гаральд, боец седой.

ПЛАВАНИЕ КАРЛА ВЕЛИКОГО

Раз Карл Великий морем плыл,
И с ним двенадцать пэров плыло,
Их путь в святую землю был;
Но море злилося и выло.

Тогда Роланд сказал друзьям:
«Деруся я на суше смело;
Но в злую бурю по волнам
Хлестать мечом плохое дело».

Датчанин Гольгер молвил: «Рад
Я веселить друзей струнами;
Но будет ли какой в них лад
Между ревущими волнами?»

А Оливьер сказал, с плеча
Взглянув на бурных волн сугробы:
«Мне жалко нового меча:
Здесь утонуть ему без пробы».

Нахмурясь, Ганелон шепнул:
«Какая адская тревога!
Но только б я не утонул!..
Они ж?.. туда им и дорога!»

«Мы все плывем к святым местам! —
Сказал, крестясь, Тюрпин-святитель. —
Явись и в пристань по волнам
Нас, грешных, проведи, Спаситель!»

«Вы, бесы! — граф Рихард вскричал, —
Мою вы ведаете службу;
Я много в ад к вам душ послал —
Явите вы теперь мне дружбу».

«Уж я ли, — вымолвил Наим, —
Не говорил: нажить нам горе?
Но слово умное глухим
Есть капля масла в бурном море».

«Беда! — сказал Риоль седой, —
Но если море не уймется,
То мне на старости в сырой
Постеле нынче спать придется».

А граф Гюи вдруг начал петь,
Не тратя жалоб бесполезно:
«Когда б отсюда полететь
Я птичкой мог к своей любезной!»

«Друзья, сказать ли вам? ей-ей! —
Промолвил граф Гварин, вздыхая,—
Мне сладкое вино вкусней,
Чем горькая вода морская».

Ламберт прибавил: «Что за честь
С морскими чудами сражаться?
Гораздо лучше рыбу есть,
Чем рыбе на обед достаться».

«Что бог велит, тому и быть! —
Сказал Годафруа. — С друзьями
Я рад добро и зло делить;
Его святая власть над нами».

А Карл молчал: он у руля
Сидел и правил. Вдруг явилась
Святая вдалеке земля,
Блеснуло солнце, буря скрылась.

РЫЦАРЬ РОЛЛОН

Был удалец и отважный наездник Роллон;
С шайкой своей по дорогам разбойничал он.
Раз, запоздав, он в лесу на усталом коне
Ехал, и видит, часовня стоит в стороне.

Лес был дремучий, и был уж полуночный час;
Было темно, так темно, что хоть выколи глаз;
Только в часовне лампада горела одна,
Бледно сквозь узкие окна светила она.

«Рано еще на добычу,—подумал Роллон,—
Здесь отдохну»,—и в часовню пустынную он
Входит; в часовне, он видит, гробница стоит;
Трепетно, тускло над нею лампада горит.

Сел он на камень, вздремнул с полчаса и потом
Снова поехал лесным одиноким путем.
Вдруг своему щитоносцу сказал он: «Скорей
Съезди в часовню; перчатку оставил я в ней».

Посланный, бледен как мертвый, назад прискакал.
«Этой перчаткой другой завладел,— он сказал.—
Кто-то нездешний в часовне на камне сидит;
Руку он всунул в перчатку и страшно глядит;

Треплет и гладит перчатку другой он рукой;
Чуть я со страха не умер от встречи такой».
«Трус!» — на него запальчиво Роллон закричал,
Шпорами стиснул коня и назад поскакал.

Смело на страшного гостя ударил Роллон:
Отнял перчатку свою у нечистого он.
«Если не хочешь одной мне совсем уступить,
Обе ссуди мне перчатки хоть год поносить»,—

Молвил нечистый; а рыцарь сказал ему: «На!
Рад испытать я, заплатит ли долг сатана;
Вот тебе обе перчатки; отдай через год».
«Слышу; прости, до свиданья»,— отвечивал тот.

Выехал в поле Роллон; вдруг далекий петух
Крикнул, и топот коней поражает им слух.
Робость Роллона взяла; он глядит в темноту:
Что-то ночную наполнило вдруг пустоту;

Что-то в ней движется; ближе и ближе; и вот
Черные рыцари едут попарно; ведет
Сзади слуга в поводах вороного коня;
Черной попоной покрыт он; глаза из огня.

С дрожью невольной спросил у слуги паладин:
«Кто вороного коня твоего господин?»
«Верный слуга моего господина, Роллон,
Ныне лишь парой перчаток расчелся с ним он;

Скоро отдаст он иной, и последний, отчет;
Сам он поедет на этом коне через год».
Так отвечав, за другими последовал он.
«Горе мне! — в страхе сказал щитоносцу Роллон.—

Слушай, тебе я коня моего отдаю;
С ним и всю сбрую возьми боевую мою:
Ими отныне, мой верный товарищ, владей;
Только молись о душе осужденной моей».

В ближний пришед монастырь, он приору сказал:
«Страшный я грешник, но бог мне покаяться дал.
Ангельский чин я еще недостойн носить;
Служкой простым я желаю в обители быть».

«Вижу, ты в шпорах, конечно, бывал ездоком;
Будь же у нас на конюшне, ходи за конем».
Служит Роллон на конюшне, а время идет;
Вот наконец совершился ровнехонько год.

Вот наступил уж и вечер последнего дня;
Вдруг привели в монастырь молодого коня:
Статен, красив, но еще не объезжен был он.
Взять дикаря за узду подступает Роллон.

Взвизгнул, вскочив на дыбы, разъярившийся конь;
Грива горой, из ноздрей, как из печи, огонь;
В сердце Роллона ударил копытами он;
Умер, и разу вздохнуть не успевши, Роллон.

Вырвавшись, конь убежал, и его не нашли.
К ночи, как должно, Роллона отцы погребли.
В полночь к могиле ужасный ездук прискакал;
Черного, злого коня за узду он держал;

Пара перчаток висела на черном седле.
Жалобно охнув, Роллон повернулся в земле;
Вышел из гроба, со вздохом перчатки надел,
Сел на коня, и как вихорь с ним конь улетел.

СТАРЫЙ РЫЦАРЬ

Он был весной своей
В земле обетованной
И много славных дней
Провел в тревоге бранной.

Там ветку от святой
Оливы оторвал он;
На шлем железный свой
Ту ветку навязал он.

С неверным он врагом,
Нося ту ветку, бился
И с нею в отчий дом
Прославлен возвратился.

Ту ветку посадил
Сам в землю он родную
И часто приносил
Ей воду ключевую.

Он стал старик седой
И сила мышц пропала;
Из ветки молодой
Олива дровом стала.

Под нею часто он
Сидит, уединенный,
В невыразимый сон
Душою погруженный.

Над ним, как друг, стоит,
Обняв его седины,
И ветвями шумит
Олива Палестины;

И, внемля ей во сне,
Вздыхает он глубоко
О славной старине
И о земле далекой.

БРАТОУБИЙЦА

На скале приморской мшистой,
Там, где берег грозно дик,
Богоматери пречистой
Чудотворный зрится лик;
С той крутой скалы на воды
Матерь божия глядит
И пловца от непогоды
Угрожающей хранит.

Каждый вечер, лишь молебный
На скале раздастся звон,
Глас ответственный хвалебный
Восстает со всех сторон;
Пахарь пенъем освящает
Дня и всех трудов конец,
И на палубе читает
«Ave Maria» пловец.

Благодатного Успенья
Светлый праздник наступил;
Все окрестные селенья
Звон призывный огласил;
Солнце радостно и ярко,
Бездна вод светла до дна,
И природа, мнится, жаркой
Вся молитвою полна.

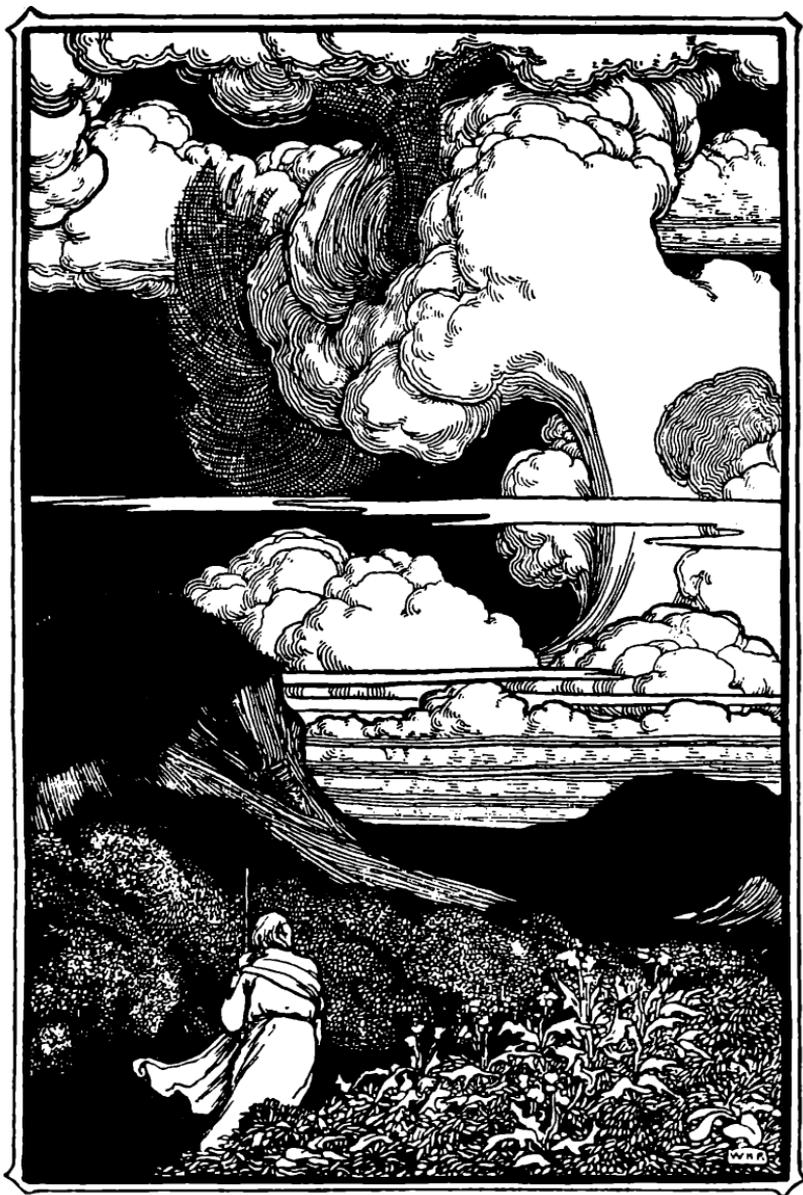
Все пути кипят толпами,
Все блестит вблизи, вдали;
Убралися вымпелами
Челноки и корабли;
И, в один слившийся крестный
Богомольно-шумный ход,
Вьется лестницей небесной
По святой скале народ.

Сзади, в грубых власяницах,
Слезы тяжкие в очах,
Бледный пост на мрачных лицах,
На главе зола и прах,
Идут грешные в молчанье;
Им с другими не вступить
В храм святой; им в покаянье
Перед храмом слезы лить.

И от всех других далеко
Мертвецом бредет один:
Щеки впалы; тускло око;
Полон мрачный лоб морщин;
Из железа пояс ржавый
Тело чахлое гнетет
И, к ноге прильнув кровавой,
Злая цепь ее грызет.

Брата некогда убил он;
Изломав проклятый меч,
Сталь убийства обратил он
В пояс; латы скинул с плеч,
И в оковах, как колодник,
Бродит он с тех пор и ждет,
Что какой-нибудь угодник
Чудом цепь с него сорвет.

Бродит он, бездомный странник,
Бродит много, много лет;
Но прощения посланник
Им не встречен; чуда нет.
Смутен день, бессонны ночи,
Скорбь с людьми и без людей,
Вид небес пугает очи,
Жизнь страшна, конец страшной.

У. Х. РОБИНСОН

Вот, как бы дорогой терний,
Тяжко к храму всходит он;
В храме все молчат, вечерний
Внемля благовеста звон.
Стал он в страхе пред дверями:
Девы лик сквозь фимиам
Блещет, обданный лучами
Дня, сходящего к водам.

И окрест благоговенья
Распростерлась тишина:
Мнится, таинством Успенья
Вся земля еще полна,
И на облаке сияет
Возлетевшей девы след,
И она благословляет,
Исчезая, здешний свет.

Все пошли назад толпами;
Но преступник не спешит
Им вослед, перед дверями,
Бледен ликом, он стоит:
Цепи все еще вокруг тела,
Ими сжатого, лежат,
А душа уж улетела
В град свободы, в божий град.

ИОЗЕФ

ЭЙХЕНДОРФ

СТОРОЖЕВАЯ БАШНЯ

Я видел под луною
Пучину и утес,
Я видел, как волною
Челнок двоих унес.

И за рулем был рыцарь,
А дева на корме.
Вуаль взвивалась птицей,
Они молчали во тьме.

И на скале высокой
Я видел пустой дворец.
Из башен одинокий
Смотрел старик отец.

И только лодка скрылась,
Венец он бросил в волну,
И море возмутилось,
И челн пошел ко дну.

В ту ночь любовник дерзкий
Дочь короля украл.
Король дитя родное
Проклятьем покарал.

И вал над юной парой
Сомкнулся в тот же миг,
И умер в башне старой
Покинутый старик.

С тех пор всегда пред бурей
Челнок уходит в ночь,
А с башни, брови хмуря,
Король глядит на дочь.

ЛОРЕЛЕЙ

— Холодный ветер, ночь темна,
А ты, красавица, одна.
Бескрайний, темный лес кругом.
Скачи за мною! Где твой дом?

— Хитер и лжив весь род мужской,
Оставь меня с моей тоской.
Ты слышишь? Рыщет рог, трубя.
Оставь меня... Спасай себя!

— Твой конь в алмазах весь, как ты.
Сама ты дивной красоты.
О боже! Горний свет пролей!
Не ты ль колдунья Лорелей?

— Узнал? Где встал седой гранит,
Мой дом с вершины в Рейн глядит.
И тьма и стужа... Нет пути!
Тебе из леса не уйти.

ГУСТАВ

ШВАБ

ШВЕДСКАЯ БАШНЯ

Есть башня в Вюрцбурге одна.
Недалеко от Майна
Стоит, угрюма и черна,
Как чья-то злая тайна.

Часы в груди ее пустой
Еще поньше живы,
Но страшен их гнусавый бой,
А стрелки вечно лживы.

Часы спешат и отстают
И, как по воле рока,
Нетерпеливо время бьют
За полчаса до срока.

Пожмет плечами млад и стар,
Смущением объятый,
Лишь в вышине часов удар
Раздастся хрипловатый.

Но те часы, храня обет,
Чинить никто не смеет:
Видать, над башней много лет
Проклятье тяготее.

Была участницей она
Предательского дела...
Тридцатилетняя война
Тогда вокруг гремела.

И, мыслью черною горя,
Однажды пять злодеев
Сошлись в каморке звонаря,
Свой заговор затеяв.

А Вюрцбург спал спокойным сном.
Дома его уснули,
Дремал в безмолвии ночном
Солдат на карауле.

Но в полдвенадцатого вдруг
Двенадцать бьет на башне
И был для шведов этот звук
Сигналом к рукопашной.

Охрану смяв, проникли в дверь
Враги, неумолимы.
И много тягостных потерь
В ту полночь понесли мы.

В Майн сверху падали тела,
И до рассвета шведы,
Звоня во все колокола,
Справляли пир победы.

Врагам был вскоре дан отпор,
Расплата наступила,
И только башня свой позор
Еще не искупила.

Покрыта плесенью, стоит,
Как пугало, доселе,
И хриплый звон часов таит
Рассказ о страшном деле...

ГЕНРИХ

ГЕНРИХ

ГРЕНАДЕРЫ

Во Францию два гренадера
Из русского плена брели,
И оба душой приуныли,
Дойдя до Немецкой земли.

Придется им — слышат — увидеть
В позоре родную страну...
И храброе войско разбито,
И сам император в плену!

Печальные слушая вести,
Один из них вымолвил: «Брат!
Болят мое скорбное сердце,
И старые раны горят!»

Другой отвечает: «Товарищ!
И мне умереть бы пора;
Но дома жена, малолетки:
У них ни кола ни двора.

Да что мне? просить христа-ради
Пуцу и детей и жену...
Иная на сердце забота:
В плену император! в плену!

Исполни завет мой: коль здесь я
Окончу солдатские дни,
Возьми мое тело, товарищ,
Во Францию! там схорони!

Ты орден на ленточке красной
Положишь на сердце мое,
И шпагой меня опояшешь,
И в руки мне вложишь ружье.

И смирно, и чутко я буду
Лежать, как на страже, в гробу...
Заслышу я конское ржанье,
И пушечный гром, и трубу.

То он над могилою едет!
Знамена победно шумят...
Тут выйдет к тебе, император,
Из гроба твой верный солдат!»

* * *

Не знаю, что значит такое,
Что скорбью я смущен;
Давно не дает покою
Мне сказка старых времен.

Прохладой сумерки веют,
И Рейна тих простор;
В вечерних лучах алеют
Вершины дальних гор.

Над страшной высотой
Девушка дивной красы
Одеждой горит золотою,
Играет златом косы.

Золотым убирает гребнем
И песню поет она;
В ее чудесном пеньи
Тревога затаена.

Пловца на лодочке малой
Дикой тоской полонит;
Забывая подводные скалы,
Он только наверх глядит.

Пловец и лодочка, знаю,
Погибнут среди зыбей;
И всякий так погибает
От песен Лорелей.

РУСАЛКИ

Все тихо, все спит; с неба месяц глядит,
Песчаная отмель сияет,
На берегу рыцарь прелестный лежит,
Лежит он и сладко мечтает.

Блестящи, воздушны, одна за другой
Из моря русалки выходят,
Несутся все к юноше резвой толпой
И глаз с него светлых не сводят.

И вот уже рядом одна с ним сидит,
Пером в его шляпе играя,
На поясе цепь от меча шевелит
И перевязь гладит другая.

А вот уж и третья, лукаво смеясь,
У юноши меч отнимает,
Одною рукою на меч оперлась,
Другой его кудри ласкает.

Четвертая пляшет, порхает пред ним,
Вздыхает и шепчет уныло:
О, если б любовником был ты моим,
Цвет юношей, рыцарь мой милый!

А пятая за руку нежно берет
И белую руку целует,
Шестая устами к устам его льнет,
И грудь ей желанье волнует.

Хитрец не шелохнется... Что их пугать?
И крепче смыкает он очи.
Ему тут с русалками любо лежать
В сияньи серебряной ночи.

ВАЛТАСАР

Полночный час уж наступал;
Весь Вавилон во мраке спал.

Дворец один сиял в огнях,
И шум не молк в его стенах.

Чертог царя горел как жар:
В нем пировал царь Валтасар,

И чаши обходили круг
Сиявших златом царских слуг.

Шел говор: смел в хмелю холоп;
Разглаживался царский лоб,

И сам он жадно пил вино.
Огнем вливалось в кровь оно.

Хвастливый дух в нем рос. Он пил
И дерзко божество хулил.

И чем наглей была хула,
Тем громче рабская хвала.

Сверкнувши взором, царь зовет
Раба и в храм Еговы шлет,

И раб несет к ногам царя
Златую утварь с алтаря.

И царь схватил святой сосуд.
«Вина!» Вино до края льют.

Его до дна он осушил
И с пеной у рта возгласил:

«Во прах, Егова, твой алтарь!
Я в Вавилоне бог и царь!»

Лишь с уст сорвался дерзкий клик,
Вдруг трепет в грудь царя проник.

Кругом угас немолчный смех,
И страх и холод обнял всех.

В глуби чертога на стене
Рука явилась — вся в огне...

И пищет, пищет. Под перстом
Слова текут живым огнем.

Взор у царя и туп и дик,
Дрожат колени, бледен лик.

И нем, недвижим пышный круг
Блестящих златом царских слуг.

Призвали магов; но не мог
Никто прочесть горящих строк.

В ту ночь, как теплилась заря,
Рабы зарезали царя.

ЭДУАРД

МЭРИКЕ

ВЕНЧАНИЕ НА ЦАРСТВО

Граф Милезинт коварен был:
Он меч свой непреклонный
Занес, племянника убил
И завладел короной!
В просторном тронном зале
Злодея увенчали.
Ужели он ирландцев ослепил?

Король грустит в полночный час,
Иль пьян он после пира?
Безумец не смыкает глаз,
Нова его порфира.
Он сыну молвит слово:
«Венец подай мне снова
И разузнай, кто хочет видеть нас!»

Вступает черная беда
В угрюмые хоромы:
Теней зловещих череда,
Зловещий блеск короны.
Скользят безмолвно тени,
А Милезинт в смятенье,—
Ему от них не скрыться никуда!

Выходит из толпы немой
Дитя с кровавой раной,
Тоска и скорбь судьбы самой
В его улыбке странной.
Дитя подходит к трону
И молвит; сняв корону:
«Убийца, вот тебе подарок мой!»

Виденье скрылось наконец,
Вновь призраки далече,—
Бледнеет ночь, блестит венец
И догорают свечи.
Сын Милезинта снова
Взглянул в лицо отцово,—
Пред ним на троне восседал мертвец.

КРАСАВИЦА РОТРАУТ

Как дочь короля Каэтана зовут?
— Ротраут, красавица Ротраут.
Негоже ей прясть и мести со двора.
Что делает юная Ротраут с утра?
— Охотится, удит.
О, если б служил я в охоте у ней,
Охотился с нею и бил лебедей!
— Молчи, мое сердце!

Вот месяц прошел,
О, Ротраут, красавица наша, Ротраут! —
И юноша служит тебе, Каэтан,
Надел он охотничий темный кафтан
И в чащу умчался.
О, если бы я королевичем был!
Всем сердцем я Ротраут-красу полюбил.
— Молчи, мое сердце!

Р. АННИНГБЕЛЛ

Под дубом они прилегли отдохнуть,
А Ротраут смеется:
«Зачем на меня ты, любуясь, глядел?
Дружок, поцелуй меня, если ты смел!»
Как боязно стало!
Но думает: «Этим не шутят спроста!»
И Ротраут-красу он целует в уста.
— Молчи, мое сердце!

И молча они поскакали домой.
Ротраут, красавица Ротраут!
А сердце ликует, как юный птенец:
«Надень хоть сегодня свой царский венец,
Но я не в обиде!
Узнайте, все листья в могучем лесу,
Что я целовал нашу Ротраут-красу!»
— Молчи, мое сердце!

ФЕРДИНАНД

ФРЕЙЛИТРАУМ

БИВАК

Окоп в степи дремучей,
Огонь блестит сквозь мрак,
Сверкают ружья кучей,—
Французский там бивак.

То Клебера бригада;
Ждут гренадеры дня;
Сидит близ их отряда
Начальник у огня.

Раскинута ландкарта,
Сидит в раздумьи он;
И клонит Бонапарта
В тиши невольный сон.

Кругом дремота та же
Нашла на весь отряд;
К ружью склонился даже
Сторожевой солдат.

Усните, удалые!
Вам завтра новый труд!
Здесь сторожа чужие
Бивак ваш стерегут.

Пусть скачут Мурат-Бея
Лихие ездоки!
Хранят, в дали светлея,
Вас странные полки:

Ждет грозного здесь пира
Товарищ древних чад,
Который с сыном Кира
Из Фивских вышел врат;

К вам Македонец смелый
Подходит, сын побед,
Мир облетевший целый
За Александром вслед;

В своей бывалой силе
Идет, угрюм и нем,
Седой боец на Ниле,
Вождь кесарских трирем.

Воители в пустыне,
Цари веков былых,
Владыке мира ныне
Шлют мертвецов своих.

К живым идут толпою
Живущие в гробах,
И с лат, готовы к бою,
Стряхают тлен и прах;

Сверкает меч их ржавый,
Во мгле сияет щит,
Блестит в красе кровавой
Ряд веющих хламид.

Пред бурной головою
Несется дивный строй,
Сердитою рукою
Схватил свой меч герой,

Вошел на злато трона
Во сне Наполеон,
Предстал, как сын Аммона,
Земле тревожной он,—

И каждого уж края
Судьба в его руке.
А пламя, догорая,
Дымится на песке.

ГРОБОВЩИКИ

«Прискорбное дело ведется к концу;
На этой постеле лежать мертвецу!»
— «Эх, брат, а тебе что? Твоя ли беда?
Дешевая, знать, твои слезы вода».
— «Нет! право берет поневоле озноб:
Приходится первый ведь делать мне гроб!»
— «Последний ли, первый ли,— равны они;
На, выпей-ка чарку да песнь затяни.
Да доски сюда принеси ты в сарай,
Пилой распили их, рубанком строгай;
Прилаживай доску к доске ты живей,
Да черным суконцем, как должно, обей.
Да стружки потом подбери ты с земли,
Да ими сосновое дно устели,
Чтоб в гробе — такое поверье у нас —
На стружках отжившая плоть улеглась.
Внесешь гроб ты завтра к покойнику в дом;
Положат, накроют — и дело с концом».
— «Готовлю я доски, и мерю я их,
Но дум не могу пересилить своих;
Строгает рубанок, и ходит пила,
Но мутны глаза, и рука тяжела.
Смотрю, чтоб к доске приходилась доска,
Но в сердце томление, в сердце тоска.
Прискорбное дело ведется к концу,
На этой постеле лежать мертвецу!»

ФРИДРИХ

ГЕБЪЕМ

ДИТЯ У КОЛОДЦА

— Эй, нянюшка, няня! Проснулось дитя! —
А няня все спит на крылечке.
Под солнышком птицы летают, свистя,
По лугу бродят овечки.

— Эй, нянюшка, няня! Ребенок встает.
Налево глядит и направо.
Смотри, как он смело к колодцу идет—
Растут там цветы и травы.

Эй, нянюшка, няня! Колодец глубок!—
А няня никак не проснется.
Бежит по дорожке ее голубок,
Подходит прямо к колодцу.

Цветов он нарвал, не боясь ничего,
Весеннему рад небосводу.
Но вскоре игра утомила его—
Он глянул в глубокую воду.

Он детское личико видит на дне—
На черной поверхности зыбкой
Так ласково светит оно в глубине
И манит его улыбкой!

В восторге ребенок к колодцу приник.
— Эй, вылезь!— машет рукою.
— Спускайся!— со дна ему машет двойник.—
Иди, поиграем с тобою.—

Мальш наклонился, он понял ответ.
— Ах, няня!— Но в это мгновенье
Из рук его в воду свалился букет,
И тут же исчезло виденье.

Как будто его проглотила волна,
Пропало мгновенное чудо.
Дохнуло на мальчика холодом дна,
Стремглав убежал он отсюда.

ЭММАНУЭЛЬ

ТЕНЬБЕЛ

ДАНТЕ

По улицам тихой Вероны, печально чуждаясь людей,
Шел Данте, поэт флорентинский, изгнанник отчизны своей.

Две девушки робко вперили в сурового странника взор;
Проходит он тихо и слышит таинственный их разговор:

Р. АННИНГБЕЛЛИ

«Сестра, это Данте, тот самый... ты знаешь...
спускавшийся в ад...
Смотри, как печалью и гневом его омрачается взгляд!

Как видно, он вещи такие увидел в тех страшных
местах,
Что больше не может улыбка играть у него на устах».

Но Данте ее прерывает: «Чтоб смех позабыть навсегда,
Дитя мое, вовсе не нужно за этим спускаться туда.

Всё горе, воспетое мною, все муки, все язвы страстей
Давно уж нашел на земле я, нашел я в отчизне моей!»

ГЕОРГ

ГЕРВЕТ

БЕДНЫЙ ЯКОВ

Сегодня в ночь, придя в барак,
Скончался бедный старый Яков.
Гроб сколотили кое-как
Соседи, старца не оплакав.

Когда кончает жизнь герой,
С ним — шпага, друг былой тревоги,
Так почему б не взять с собой
И посох нищему на дроги?

Его, как шпагу, он носил,
Не знавщую ни дня покоя,
Пока совсем не стало сил
Продолжить странствие земное.

Он горем сыт. В могиле, тут
Пусть отдыхает, под землею.
Весна, укрась его приют
Зеленой бархатной травой!

Лишь потому, что он прожил
Не подлецом и не повесой,
Поэт стихами не почтил,
А поп — заупокойной мессой.

Гроши швыряли старику
Из щегольских кабриолетов.
Отчизна! На своем веку
Он не знал иных приветов.

У нас обычно небо чтут,
Гнездо уютное свивая.
Долги народу отдают,
Как векселя под кущи рая.

Нам мало взваливать ярмо
На нищих, сокрушая силой.
Хотим холопское клеймо
На лбах поставить за могилой.

Но спи спокойно без стыда
В своем дощатом саркофаге.
Поверь: в день Страшного суда
Князей не вьручат и шпаги!

ТЕОДОР

ПРОФИЛАНС

АРЧИБАЛЬД ДУГЛАС

«Я прожил семь лет от дома вдали,
Их груз на моей спине!
Пленительные края земли
Пустыней казались мне.

Хочу я теперь предстать перед ним:
Былая гордыня мертва.
Он глух не останется к просьбам моим —
Седа ведь моя голова.

Коль злоба взор застилает ему,
В глазах от гнева темно,
Пускай свершится то, чему
Свершиться суждено».

Граф Дуглас умолк. У дороги большой
Он на камень присел, утомлен.
Он в поля и леса уносился душой,
И вскоре сморил его сон.

На нем был простой пилигрима наряд
Поверх проржавевшей брони.
Но, чу! Рога недалече трубят,
Борзых созывают они.

Псаря отдуваются, свору собрав.
Смиряется пыльный шквал.
И, прежде чем поднялся на ноги граф,
Гордый всадник к нему подскакал.

Иаков-король был угрюм и взбешен:
Король сурово молчал.
Граф Дуглас, отвесив глубокий поклон,
В лицо королю закричал:

«Яви свою милость, Иаков-король,
Безгневно послушать сумей!
Пусть братья мои принесли тебе боль,
В том нету вины моей.

Что в зависти Дугласов? Тщетно они
Сразить собирались тебя.
Припомни, как в давние детские дни
Тебя я лелеял, любя.

А Стирлингский замок, где я дотемна
Игрушки тебе мастерил,
Где я на отцовского скакуна
Впервые тебя посадил?

Подумай о замке в Линлитгов,
Где дремлет недвижимая заводь,
Где я — охотник и рыболов —
Учил тебя прыгать и плавать.

Подумай о том, чего уже нет,
Пусть смягчится душа твоя;
Я сам сокрушался семь долгих лет
О том, что из Дугласов я».

«Граф Арчибальд, я не вижу тебя,
Твоих я не слышу слов;
Иль ветер в лесу пролетает, трубя
О славе былых годов?

Пусть речи твои шелестят, как листва,
И пусть чужда тебе ложь.
Твержу я в ответ на твои слова:
«Ты Дуглас, ты Дуглас все ж!

Тебя я не вижу под солнцем дня,
Тебя не увижу вовек:
Любой из Дугласов для меня
Конченый человек».

Иаков пришпорил коня своего,
Но, рядом шагая с конем,
Граф Дуглас схватил за поводья его.
Был крут и труден подъем.

Дорога шла в гору, и солнце пекло,
И зной под кольчугу проник,
Кольчуга на плечи легла тяжело,
Но шаг прибавил старик.

«Король, я был сенешалем твоим,
Мне это теперь ни к чему,
Теперь меня конюхом сделай своим,
Приставь к скакуну своему!

Такая судьба не страшна мне ничуть,
Готов я в хлеву прозябать,
Лишь воздух отчизны позволь мне вдохнуть,
Отчизну увидеть опять!

А если ты гневен, то зря не грози,
Умру я в отческом стане:
Широким мечом мое сердце пронзи,
Оно благодарно заране!»

Иаков-король с коня соскочил.
Он выслушал скорбную речь,
Гнев больше чела его не мрачил.
Он графу вручил свой меч:

«Возьми этот меч, закаленный в огне,
Возьми — он достоин тебя:
Я знаю — до гроба ты предан мне,
Отчизну душою любя.

Садись на коня — ты покончил с бедой,
Поскачем с тобой в Линлитгов.
Там вспомним бывшее, мой старый седой
Охотник и рыболов!»

ИОЗЕФ КРИСТИАН**ФОН** *ЦЕДЛИЦ***ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ**

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в зыбучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристает.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет, и к рулю он садится,
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один —

Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок.

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь.
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

НОЧНОЙ СМОТР

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик;
И ходит он взад и вперед,
И бьет он проворно тревогу.
И в темных гробах барабан
Могучую будит пехоту;
Встают молодцы егеря,
Встают старики гренадеры,
Встают из-под русских снегов,
С роскошных полей италийских,
Встают с африканских степей,
С горячих песков Палестины.

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы;
И скачет он взад и вперед,
И громко трубит он тревогу.
И в темных могилах труба
Могучую конницу будит:
Седые гусары встают,
Встают усачи кирасиры;
И с севера, с юга летят,
С востока и с запада мчатся
На легких воздушных конях
Один за другим эскадроны.

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает полководец;
На нем сверх мундира сюртук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом
Он медленно едет по фрунту;
И маршалы едут за ним,
И едут за ним адъютанты;
И армия честь отдает.
Становится он перед нею;
И с музыкой мимо его
Проходят полки за полками.

И всех генералов своих
Потом он в кружок собирает,
И ближнему на ухо сам
Он шепчет пароль свой и лозунг;
И армии всей отдают
Они и пароль тот и лозунг:
И *Франция* — тот их пароль,
Тот лозунг — *Святая Елена*.
Так к старым солдатам своим
На смотр генеральный из гроба
В двенадцать часов по ночам
Встает император усопший.

НИКОЛАУС

ЛЕНА

ТРИ ИНДЕЙЦА

Буря в небе мчится черной тучей,
Крутит прах, шатает лес дремучий,
Воет и свистит над *Ниагарой*,
Тонкой плетью молнии лиловой
Люто хлещет вал белоголовый,
И бурлит он, полон злобы ярой.

Три индейских воина у берега
Молча внемлют реву водобега,
Озирают гребни скал седые.
Первый — воин много испытывавший,
Много в жизни бурь перевидававший,
Рядом с ним — два сына молодые.

На сынов глядит старик с любовью,
С тайной болью видит мощь сыновью,
В гордом сердце та же мгла и буря.
Словно туча, что чернее ночи,
Дико блещут молниями очи.
Говорит он, гневно брови хмурия:

«Белые! Проклятье вам вовеки!
Вам проклятье, голубые реки,—
Вы дорогой стали нищей своре!
Сто проклятий звездам путеводным,
Буйным ветрам и камням подводным,
Что воров не потопили в море!

Их суда — отравленные стрелы —
Вторглись в наши древние пределы,
Обрекли свободных рабской доле.
Все, чем мы владели, им досталось,
Нам лишь боль и ненависть остались.
Так умрем, умрем по доброй воле!»

И, едва то слово прозвучало,
Отвязали лодку от причала,
Отгребли они на середину.
Обнялись, чтоб умереть не розно,
И запели песню смерти грозно,
Весла кинув далеко в пучину.

Гром гремит, и молния змеится,
Лодка смерти по реке стремится,—
То-то чайкам-хищницам отрада!
И мужчины, гибели навстречу,
С песней, будто в радостную сечу,
Устремились в бездну водопада.

МЕСТЬ

Все спит на берегу. Порой
Пройдет над морем тучек рой,
Чтоб тень послать далеким странам,
Покрыть их влагой и туманом.
А здесь — ни шороха в листьях,
Недвижен и легчайший прах.
Все придавил тяжелый зной.
По мертвой глади водяной
Паук и тот пройдет, пожалуй,
Не ощутив и зыби малой.
И чайке, нехотя летящей,
Лень потревожить воздух спящий.

Купаньем услаждая роздых,
Поют матросы, чтобы воздух
Расшевелить. Без ветерка
Какая жизнь для моряка?
Уж он-то знает, что за горе
Сулит безветренное море.
Но все ж, на отдых осужден,
Ирландскую затаяет он,
И пир горой! Монеты звонки,
Смешливы шальные девчонки —
Гуляй да сердце весели!

Но что там? Чей-то крик вдали!
Все смотрят. С нами божья сила!
Акула одного схватила!
Сменяясь, борются в сердцах
И гнев, и боль, и тайный страх.

Но гнева страх не превозмог.
Матрос выходит на песок,
Матрос приносит нож и в море
Кидается с грозой во взоре.
Сюда! Где ты? — И он плывет,
На суд убийцу он зовет,
Он дерзко ищет: где акула?
Вдруг пасть огромная сверкнула,
И зубы, как кинжалов ряд,
Безумцу гибелью грозят.
Но, о себе не помышляя, —
О мечь за друга, мечь святая! —
С чудовищем во мгле морской
Он принимает смертный бой,
Бой бездыханный, тихий, лютый.
Один умрет, но с той минуты
Безмолвней стать не сможет он.
Так кто же будет побежден?
Ужасны зубы, нож остер,
Вперился грозно взор во взор.

На берегу безмолвно стоя,
Другие ждут исхода боя.
«На помощь! — их сердца стучат. —
Один там бьется наш собрат!»
Но подло шепчет страх в ответ:
«Ты опоздал, его уж нет!»
И вдруг по волнам кровь мелькнула.
Кто — человек или акула?

Она неслась, разинув пасть,
И, чтоб на зубы не попасть,
Он прынул в сторону, но вдруг
Вернулся, сделал новый круг,
Нырнул, подплыл, напруг всю силу
И в брюхо, в братнюю могилу
Всадил свой нож и сталь кругом
Веселым повернул рывком.
И, словно молния сверкнула.
От боли выгнулась акула,
Умчалась книзу — и назад.
И зубы вновь ему грозят,
И скалятся в великой злобе.

И вновь по вздувшейся утробе,
Могучим ускользнув броском,
Он грозным полоснул клинком.
Она раскрыла шире зев,
Перевернулась, околев,
Но ярость гаснущего взора
Забить сумеет он не скоро.

Моряк почти без чувств, без сил
На воздух, к свету, к солнцу всплыл —
Махнул товарищам рукой...
Они кричат: «Герой! Герой!»
«Ура» гремит веселым эхом.
Шатаясь, к ним выходит он
И отвечает громким смехом,
Своей победой упоен.

ИОАНН НЕПОМУК

ВОТЪ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Из дальних краев, из страны чужой
Подмастерье бродячий вернулся домой.
Он пылью покрыт, солнцем он опален.
Ах, будет ли узнан в городе он?
Вот он к городским воротам идет,
Стоит сборщик пошлыны возле ворот —
То старый приятель: в давние дни
Не раз в кабачке сидели они.
Но сборщик дружка не узнал своего —
Так опалило солнце его.
И, с грустью отвесив другу поклон,
Бредет по знакомой улице он,
Невесту свою замечает в окне:
— О, здравствуй, прекрасная! Выйди ко мне!
Не узнала она жениха своего —
Так опалило солнце его.
Он дальше бредет, опустив глаза,
По смуглой щеке скатилась слеза,
И вдруг поднимает на площади взор
И матушку видит у входа в собор.
Лишь «здравствуйте...» он промолвить и смог,
Она же, чуть глянув, вскричала: «Сынок!..» —
Пусть дочерна солнцем сын опален,
Но сразу был узнан матерью он.

АНАСТАЗИУС

ТРЮН

ИЗВЕСТИЕ

С турнира скачет граф домой.
Ему навстречу, сам не свой,
Его слуга идет и плачет.
«Скажи-ка, что все это значит?
Куда направился, дружище?»
«Иду искать себе жилище».
«А что стряслось? Ответь толково».
«Да в общем ничего такого.
Но, испустив последний вздох,
Любимый песик ваш издох».
«Не может быть!.. Совсем щенок!
Он что, внезапно занемог?»
«Его копытом вдарил с маху
Ваш верный конь, поддавшись страху».
«Мой конь всегда был храбр и смел.
Кто напугать его посмел?»
«Сыночек ваш, премилый крошка,
Когда бросался из окошка».
«Но он остался невредим?
Моя супруга, верно, с ним?»
«Да нет. Ее хватил кондрашка,
Когда угробился бедняжка».
«О, горе! Горе мне! О боже!
А дом остался на кого же?»
«Какой там дом! Сгорел дотла.
Там только пепел и зола.
Пожар внезапно начался.
Огонь страшный поднялся.
Он все спалил и все пожег.
А я со всех помчался ног.
И выжил,— господи, прости! —
Чтоб вам сие преподнести».

МОРИЦ

ТАРТИМАН

БЕЛОЕ ПОКРЫВАЛО

1

Позорной казни обреченный,
Лежит в цепях венгерский граф.
Своей отчизне угнетенной
Хотел помочь он; гордый нрав
В нем возмущался; меж рабами
Себя он чувствовал рабом—
И взят в борьбе с могучим злом,
И к петле присужден врагами.

Едва двадцатая весна
Настала для него—и надо
Покинуть мир! Не смерть страшна:
Больному сердцу в ней отрада!
Ужасно в петле роковой
Средь людной площади качаться...
Вороны жадные слетятся,
И над опальной головой
Голодный рой их станет драться.
Но граф в тюрьме, в углу сыром,
Заснул спокойным, детским сном.

Поутру, грустно мать лаская,
Он говорил: «Прощай, родная!
Я у тебя дитя одно;
А мне так скоро суждено
Расстаться с жизнью молодою!
Погибнет без следа со мною
И имя честное мое.
Ах, пожалей дитя свое!
Я в вихре битв не знал боязни,
Я не дрожал в дыму, в огне,
Но завтра, при позорной казни,
Дрожать как лист придется мне».

Мать говорила, утешая:
«Не бойся, не дрожи, родной!
Я во дворец пойду, рыдая:
Слезами, воплем и мольбой
Я сердце разбуду на троне...

И поутру́, как поведут
Тебя на площадь, стану тут,
У места казни, на балконе.
Коль в черном платье буду я,
Знай— неизбежна смерть твоя...
Не правда ль, сын мой! шагом смелым
Пойдешь навстречу ты судьбе?
Ведь кровь венгерская в тебе!
Но если в покрывале белом
Меня увидишь над толпой,
Знай— вымолила я слезами
Пощаду жизни молодой.
Пусть будешь схвачен палачами—
Не бойся, не дрожи, родной!»

И графу тихо, мирно спится,
И до утра он будет спать...
Ему все на балконе мать
Под белым покрывалом снится.

2

Гудит набат; бежит народ...
И тихо улицей идет,
Угрюмой стражей окруженный,
На площадь граф приговоренный.
Все окна настезь. Сколько глаз
Его слезами провожает,
И сколько женских рук бросает
Ему цветы в последний раз!
Граф ничего не замечает:
Вперед на площадь он глядит.
Там на балконе мать стоит—
Спокойна, в покрывале белом.

И заиграло сердце в нем!
И к месту казни шагом смелым
Пошел он... с радостным лицом
Вступил на помост с палачом...
И ясен к петле поднимался...
И в самой петле улыбался!

· Зачем же в белом мать была?
О, ложь святая!.. Так могла
Солгать лишь мать, полна боязнью,
Чтоб сын не дрогнул перед казнью!

АДАМ ГОТЛОБ

ЭЛЬШИЛЕТЕР

КНУД ВЕЛИКИЙ

Великий конунг Кнуд сидел на троне.
 Могуц и властен, доблестен и здрав.
 И золотом сиял в его короне
 Британский, датский и норвежский сплав.
 Его деанья скальд при арфном звоне
 Провозглашал средь пиршественных лав.
 И чтили Кнуда в храмах, как святого,
 Что свет несет учения Христова.

Но дланью подперев чело угрюмо,
 Он в багрянице, сумрачен и блед,
 Сидел, не слыша праздничного шума.
 Он вспоминал дела минувших лет,
 И тяжкая его томила дума,
 И слезный по щекам струился след.
 «Сколь грешен я! — вздыхал он. — Боже, боже!
 Счет прегрешений наших уничтожи!»

«Я смолоду, гордыней обуянный,
 Был дерзок — ах, теперь я плачу здесь!
 Был мною призван Гадрик окаянный,
 Дабы умножить мощь мою и спесь.
 Был смелый Ульф убит не в схватке бранной —
 В том храме кровь на алтаре донесь!
 Не только меч, но ковы и коварство —
 Вот грех мой! — созидали государство».

«Но больше доблесть и булатный меч
 В трудах начальных были мне по нраву.
 Я шел вперед, чтоб древнюю беречь
 И умножать короны датской славу.
 Я был неистов средь кровавых сеч,
 Любя героев ратную забаву.
 Но вот: в душе услышал глас чудесный!
 Грехи простишь ли мне, отец небесный?»

Так он тужил и удержать не мог
Горючих слез, и был он ликом бледен.
Ходил по кругу золоченый рог,
Пир веселился, пьян и многоснеден.
И скальд перед престолом встал и рек:
«Не ты ли, конунг, в мире всепобеден?
Весь гордый север власть твоя объемлет
И все тебе беспрекословно внемлет!»

Бесмыслрой, дерзкой речи Кнуд внимал,
Не гневаясь, в смиренье величавом.
И скальду вторил весь обширный зал,
Все воины, сидевшие по лавам.
Но Кнуд скамью золотую приказал
Снести из зала по зеленым травам
На белый брег, туда, где волны вечно
О сушу бьются мощно и беспечно.

И конунг сам, оставив во дворце
Свой меч в ножнах, украшенных резьбою,
В золотом венце, со скипетром в руке
Он к морю шел неспешною стопою.
Никто не мог читать в его лице,
Что движет им, и шли за ним толпою.
В молчанье Кнуд, одетый в багряницу,
Ступил на белопенную границу.

Скамью золотую на песке средь скал
Поставили не там, где в час отлива
Прибой траву морскую омывал,
Не там, куда стремящийся бурливо
Приливный вал вовек не доставал,
Но посредине, где склонялась ива,
Там он воссел, где редко временами
Земля встречалась с пенными волнами.

Там он сидел, повелевая водам:
«Тобой, о море, мне была дана
Власть над землею этой и народом!
Теперь тебе велю: твоя волна,
Доколе я живу под небосводом,
Стопы моей касаться не должна!
Весь гордый север власть моя объемлет!
Мне все и вся беспрекословно внемлет!»

Но море не внимало речи внятной.
Свободны волны — такова их суть! —
Шли чередой из дали необъятной.
Одна волна другой торила путь.
Шел вал восьмой, за ним девятикратный —
Он конунга достиг, прыгнул на грудь,
И конунг весь, со скипетром, с короной,
Был окроплен морской водой соленой.

И конунг встал, и, оглядевши строго
Соратников, он молвил, господин:
«Воистину! нет власти, кроме бога, —
Об этом должен знать христианин.
Бог создал земь и у ее порога
Заставил море биться — он один
Земле и морю истинный владыка!
Моя же власть пуста и невелика».

Он снял венец — державный груз бесценный
Из золота и камней! — и понес
От моря к церкви, тихий и смиренный,
И в храме божьем, не скрывая слез,
Пред алтарем коленопреклоненный,
При людях покаянье произнес.
Распятого он увенчал короной,
И с той поры не надевал уж оной.

ХАНС КРИСТИАН

АНДЕРСЕН

ГЕФИОН

Вот Гюльфе пирует — король молодой...
Горят рудо-желтые свечи,
Сверкает и пенится мед хмелевой,
Медовые слышатся речи...
Обходит веселая чаша гостей,
И снова идет вкруговую,
А странница с арфой стоит у дверей, —
Сыграет... — «Лады песню другую!»...
Звенит, говорит и рокочет струна,
Срываются звуки каскадом,
Растут словно буря — стеною стена,
Бегут диких буйволов стадом,
И песня бушует, как ветер степей...

Так бьются—за стаю стая—
Студеные волны холодных морей,
Скалистые кручи лобзая!
Все громче и громче... Вот жалобный стон
Впивается в сердце стрелою.
Все тише, все тише... То арфы ли звон,
Иль птицы летят стороною?..
И слушает Гюльфе, не чуя души:
«За песню певиче награда,—
Две пары волов запрягай и паши
Лесную новину, услада!..
Что за день успеет отрезать твой плуг,
Прими в дар из рук из царевых!..
И странница вышла, и смолкли все вдруг
В пиру на скамьях на дубовых...
«Чу, словно запела она на струнах!..
«Нет, буйволлов реву я внемлю!..
«Чу, словно гроза расходилась в горах!..
«Нет, плуг это врезался в землю!..
«Чу, песня опять заиграла — грозна,
Как шум грозового обвала!..
«Нет, это от Скони плугом она
Новину себе отпахала!..
Вот в борозды справа заходит вода,
Вот остров вздымается слева...
Леса и курганы, прощай навсегда!..
Хвала тебе, Гёфион-дева!..»

КОРОЛЕВА МЕТЕЛЕЙ

Темной ночью метель и гудит и шумит,
Под окошком избушки, летая, свистит;
А в избе при огне, у сырого окна,
Ждет красотка кого-то одна.
Все на мельнице стихло... Огонь не горит...
Вышел мельник-красавец, к красотке спешит.
Он и весел, и громко и стройно поет,
И по снежным сугробам идет.
Он и с ветром поет, и с метелью свистит,
По сугробам глубоким к красотке спешит...
Королева метелей на белом коне
Показалась вдали, в стороне.
И завыл ее конь, как израненный зверь,
И запела она: «Мой красавец, теперь —
Ты так молод, прекрасен — со мною пойдем,
Ты не хочешь ли быть королем?»

У меня есть чертоги в горе ледяной,
Блещут радугой стены и пол расписной,
И на мягком сугробе нам быстро постель
Нанесет полуночи метель».

Все темно, и метель и шумит и гудит...
«Мой красавец! Не бойся, что месяц глядит,—
Чтоб не видел он нас—до земли с облаков
Заколеблется полог снегов...»

Ярко солнце блестит в голубых небесах,
И сверкают пылинки на снежных полях,
И на брачной постели покоится он—
Тих и свеж его утренний сон...

ЮХАН СЕБАСТЬЯН

ВЕЛЬХАВЕЖ

ВОДЯНОЙ

К прибрежному камню прильнув щекой,
Я слушал песнь водяного.
Над мирным селеньем царил покой,
И свет дневной
Бежал от мрака ночного.

Кто знает, сколько он перенес?
Он пляшет — знать, горя мало.
Только птичка расскажет в листве берез,
Как много слез
Он, танцуя, пролил на скалы.

Когда над холмами горит луна
И уста вселенной немеют,
Миру лучшая песня его слышна,
И ночь длинна,
И очей он сомкнуть не смеет.

Я долго слушал — уж свет лучей
Пропадал меж деревьев темных,
И стекала на землю роса с ветвей,
И весь ручей
Помрачнел от теней огромных.

Он пропел под арфу несколько слов,
Нехитрую серенаду:
«Спи, роза, лучшая из цветов,
Из всех лесов
К тебе эльфы слететься рады.

И того лишь, кто любит, тебе не жаль,
Чистой, огненной и красивой...
Я весельем хочу заглушить печаль —
Но, ах, как жаль,
Что еще мое сердце живо!»

ПРОТЕСИЛАЙ

В Троянских битвах не было героя,
С кем судьбы обошлись бы так сурово:
Он первым пал у стен враждебной Трои
И оправдал оракулово слово.

Ахейцы в Дельфах, прорицанью внемля,
Познали уготованный им жребий:
«Кто первым ступит на чужую землю,
Тот первым также скроется в Эребе».

«Протесилай!» — воскликнули все хором —
Ужасный жребий пал на это имя.
А он стоял на штевне с гордым взором
И не прощался с рощами родными.

Он гибели в глаза посмотрит прямо.
Возврата нет в Темпес, уже далекий,
Где, в битву уходя, под сенью храма
Он слушал Лаодамии упреки.

И вот пристал корабль Протесилая
На берег тот, где ждали битв дарданы,
Его друзья робели, не желая,
В бой с Гектором вступив, упасть от раны.

Но он удар, назначенный судьбою,
Без гнева принял, не сопротивляясь:
Он на берег ступил, готовый к бою,
И рухнул наземь, кровью обливаясь.

Сверкала сталь, горело битвы пламя,
А он лежал в пыли, добыча тленья,
Никто к его шатру не шел с дарами —
Так десять лет он предан был забвенью.

Ему позднее почести воздали:
В день празднества спешит толпа людская
Почтить героев, что под Троей пали,
И гимны слышит в честь Протесилая.

И к нам доходит из Дельфийской щели
Богов неоспоримое решение:
Кто вышел первым, не достигнет цели,
Его удел — борьба и смерть в сраженье.

ХЕНРИК

ИЛЬСЕН

ГОРНЫЙ КОРОЛЬ

Горный король на далеком пути.
— Скучно в чужой стороне.—
Деву-красавицу хочет найти.
— Ты не вернешься ко мне.—

Видит усадьбу на мшистой горе.
— Скучно в чужой стороне.—
Кирстен-малютка стоит на дворе.
— Ты не вернешься ко мне.—

Он называет невестой ее.
— Скучно в чужой стороне.—
Деве дарит ожерелье свое.
— Ты не вернешься ко мне.—

Дал он ей кольца и за руку взял.
— Скучно в чужой стороне.—
Кирстен-малютку в свой замок умчал.
— Ты не вернешься ко мне.—

Годы проходят, пять лет пронеслось.
— Скучно в чужой стороне.—
Много бедняжке поплакать пришлось.
— Ты не вернешься ко мне.—

Девять и десять умчалось лет.
— Скучно в чужой стороне.—
Кирстен забыла про солнечный свет.
— Ты не вернешься ко мне.

Где-то веселье, цветы и весна.
— Скучно в чужой стороне.—
Кирстен во мраке тоскует одна.
— Ты не вернешься ко мне.—

ПЕР

СИВЛЕ

ОБОРОТЕНЬ

Он родился
в високосный год;
был снег на горах,
на заливах—лед,
в окна и стены
буран бил,
вдруг у ворот
волк завыл.
— Оборотень!
Оборотень!

Младенец спеленутый
в люльке лежит,
волк у люльки
сидит—сторожит.
Мать смотрит на сына,
и чудится ей
зловещий знак
в очертанье бровей.
— Оборотень!
Оборотень!

Растет младенец,
входит в года,
а волк с ним рядом
езде и всегда.
Дых волчий смраден,
побежка легка.
Жуть-то какая!
Жуть и тоска!

А в полночь он
становится сам
волком клыкастым.

И вот по ночам,
нюхом сыскав
свою мерзкую пищу,
грызет мертвецов
на сельском кладбище.
— Оборотень!
Оборотень!

Петух прокричит,
займется денница,
волк в человека
вновь обратится.
Все эти страсти
сном он считал,
но вкус мертвечины
во рту ощущал.
— Оборотень!
Оборотень!

ЭРИК ГУСТАВ

ТЕНЬ

СЫН УГОЛЬЩИКА

«Угли сжигает в лесу отец,
а у матери вертится прялка.
Погоди, подрасту — с молодой под венец
пойду по деревне вразвалку.
Ощерился лес, оцетинился тьмою.

С ранней зари я иду и иду —
засветло путь веселее.
Я дотащу и питье, и еду,
если в лесу не сробею.
Ощерился лес, оцетинился тьмою.

Я не пуглив, и сам черт мне не брат,
и темнота не страшна мне.
Только что это сосны так хмуро глядят,
так недобро топорчатся камни?
Ощерился лес, оцетинился тьмою.

Надо бы песню для храбрости спеть,
свистнуть вдогонку пернатым.
Только что это вздумало эхо гудеть,
отзываясь зловещим раскатом?
Ощерился лес, оцетинился тьмою.

Ох, поскорей бы дойти до отца!
Не медведь ли в кустах копошится?
От этого ражего молодца
никаким силачам не отбиться.
Ощерился лес, оцетинился тьмою.

Будто четыре медвежьих ступни,
тени на кочки ложатся.
Напыжился хворост, насупились пни,
и в вереске тролли кружатся.
Ощерился лес, оцетинился тьмою.

Господи, сколько их! В пеструю сеть
так и тянет меня коротышка!
Машет и шепчет — ну как уцелеть?
Не удерешь — и крышка!
Ощерился лес, оцетинился тьмою.

Ночь все чернее, не видно ни зги,
живым бы до места добраться!
Пни наступают, кивают сучки,
и в вереске тролли резвятся.
Ощерился лес, оцетинился тьмою».

Еле живой, в холодном поту
он упал на отцовском пороге.
«Где же ты был — я давно тебя жду».
«Тролли гнались за мной по дороге!
Ощерился лес, оцетинился тьмою!»

«Сын мой! Хоть хлипок мой старый шалаш,
но хранит меня господа воля —
выкрикнешь нечисти «Отче наш» —
сгинут и черти, и тролли.
Пусть щерится лес и щетинится тьмою!»

ГУСТАВ

РРЭДУЖТ

ЯН ЕРСА И ПЕР ПЕРСА

Ян Ерса — хутор Наккабю, Пер Перса — хутор Баккабю
В селенье Вестра Эд.
Ян Ерса, Пер Перса враждуют много лет.

Овес на диво в Наккабю, пустая нива в Баккабю.
Тут Пера зло берет.
Ругается Пер Перса, и с хохоту Ян Ерса
Чуть рот не раздерет.

Но клевер пышный в Баккабю и никудышный в
Наккабю,—
Бестравье, дикий цвет...
Хихикает Пер Перса, и кулаком Ян Ерса
Грозит ему в ответ.

Когда горюют в Наккабю, всю пируют в Баккабю.
Но в свой черед и срок,
Когда угрюм Пер Перса, на радостях Ян Ерса
Пьет брагу, ест пирог.

Хоть пастор проповедует, что жить по-братски следует,—
И ухом не ведут!
Иск выиграл Ян Ерса, но сызнава Пер Перса
Соседа тащит в суд.

Хоть ближе дело к старости, в сутягах больше ярости.
Когда процесс порой
Выигрывал Пер Перса, спешил воззвать Ян Ерса
К инстанции второй.

Весь век бранились, ссорились, судились, хорохорились...
К сутяжничеству страсть
Сгубила Яна Ерса, а пьянство — Пера Перса.
Пришлось им в бедность впасть.

Конец предвидя вскорости, они от смертной хворости
Смягчиться не смогли.
— Мы встретимся, Ян Ерса! — В суде, в суде, Пер Перса!
И с этим в гроб легли.

«Упрямым, как Ян из Наккабю» и «Зол, как Пер из Баккабю»! —
Навеки в Вестра Эд
Ян Ерса, Пер Перса оставили свой след.

ЛЕШАЧИХА

На опушке роци, в Гуннерудскогене,
Пройдя торфяник, при Бротторпслогене
Аккурат лешачихи жильё!
Взглянуть бы вам на нее!

Она, любовью к мужчинам ужалена,
Парнишку Викбумов из Никласдалена
Кружила, когда отсель
Шел он вечером к Анне, во Фьелль.

Разодета, как пастор в пасхальный день!
Из папоротника венок набекрень,
Юбчонка из хвои, корсаж слюдяной,
И пахнет фиалкой ночной.

Можжевельника гибче, стройней, чем сосна,
Извивалась, юлила, вихлялась она,
Как змея, что пятой раздавлена.
И страх взял Калле из Даллена!

Она, по законам ведьмовской науки,
Творила нечистые фигли и штуки,
Скакала, как дикий козел,
Петляла, что рысь, и—за ствол.

А парень из Даллена спятил, бедняга.
Поньне слоняется он, как бродяга,
Несет околесицу, гиль...
Вот и видно, что все это—быль!

МОШЕННИКИ

Есть в Каттебухульте у нас, возле Бу, мошенники, плуты.
Там гогот услышишь, и брань, и божбу. Разгульное, ^{жулье.} право,
жизть!

В уезде нет хуже, чем этот притон, цыган
Священник и ленсман—для них не закон. На всех ^{черномазых приют.}
отцепенцы плюют.

А старьй цыган по дорогам весной слонялся,
Лихой браконьер, конокрад, записной, хоть ^{шатался в лесу.}
восемьдесят на носу!

Старуха его страхолюдная—страсть, хоть ноги ^{волочит едва.}
Всю осень она побираться и красть ходила, хоть еле жива.

Сейчас они в Каттебухульте тайком без пошщины ^{гонят вино.}
Пройдешь мимо дома—разит кабаком, и всякого сброду ^{полно.}

Все парни у них поножовщики сплошь, пропойцы—чуть ^{свет—за питье!}
У женщин, поверьте, стыда ни на грош: шалит с кем попало ^{бабье.}

Наш ленсман из местности гнал это зло. Расправится с
шайкой одной,
Уйдут — а на смену, глядишь, принесло другую из чащи
лесной.

А тут еще Альстерин, миссионер, к безмозглым таким
загляни!
Всю спину бедняге на лучший манер разделали
дегтем они.

Горбун, говорят, распрямится в гробу. Ягненком не сделаешь
рысь.
Отребье из Каттебухульта, близ Бу, в людей обращать не
берись!

ЧЕРТОВЩИНА

Что значит — чертовщина? Что значит — чертовщина? —
Выспрашиваешь ты.
Узнаешь, дурачина, что значит чертовщина!
Дождись лишь темноты.

Лесовички тенями шевелятся за пнями
Тишком, тишком, тишком.
И за кустом лещины хватает чертовщины:
Вон, вон карга с мешком.

Что там искрится, блазнит, мерцает, ровно дразнит,
Белеет, — вот, вот, вот?
Девчонок в рубашонках и с розами в ручонках
Мелькает хоровод.

С рогами, с рылом диво кривится криво-криво...
Не пьяль, однако, глаз
На эту образину. Спугнешь ты чертовщину —
И пропадет как раз.

Что значит чертовщина? Вся нечисть воедино,
Что проклял наш господь
И повелел: — Являйся, мерещись, представляйся,
Морочь и колобродь!

СКАЛЬД ВЕННЕРБУМ

Ветерок по парку с легким шумом
Следует за скальдом Веннербумом.
Он из богадельни налегке держит путь с бутылкою в руке.
Бульк! — и при глотке улыбается блаженным думам.

Полон сад гуденьем пчел могучим.
Гусеницы ползают по сучьям.
На дорожке — слизней влажный след. На ветвях
пахучий, буйный цвет.
Веннербум, поэт, на траву садится, жаждой мучим.

Свиристыя в густой траве кобылки.
Сумасбродных пташек щебет пылкий
Веннербуму не идет на ум. Нищее вино свое, угрюм,
Тянет Веннербум, как свинья, из блещущей бутылки.

Он твердит, вконец осоловельи:
«Водка пробуждает разум смельи.
Нет надежд — ищи отраду в ней! Хлопнем рюмку
в память юных дней!
Кажется, ей-ей, докачусь я до горячки белой.

Где величье веры, мысли сила?
Это пошло все во мне убило!
Друг бутылка, под гору мой путь! Милое
не вечно — вот в чем суть.
Как тут не всплакнуть? Пьян — и ладно! Черт ли
в том, что было?»

У пустой бутылки легионы
Мурашей проворных; сверху кроны
Сердобольно цедают мягкий свет; осыпается
каштанов цвет:
Веннербум, поэт, спит врасстяжку на траве зеленой.

Он теперь исполнен благодати.
Мук душевных нет, как у дитяти.
Перед ним волшебная страна, сновидений юности
полна.
Он во власти сна, а поспать — всегда поэту кстати!

ДЖОН
ТБИ

БАЛЛАДА

С морей, как злая птица,
Борей летел к земле —
В рыданиях юница
Лежала на скале.
К бушующим лавинам
Стремилась взор, застыв.
Над нею балдахином
Сплетались ветви ив.

«Двенадцать лун сменилось
И десять дней прошло.
Мой милый, что случилось?
О, как ты, море, зло!
В твоей пучине, море,
Найдет ли милый путь?
Что буря на просторе
Пред бурей, рвущей грудь?»

Купцы, дрожа за золото,
На бег валов глядят —
Но что казны утрата
Пред худшей из утрат?
Ты, верно, брошен бурей
В чертог затейниц-фей —
Но что затеи гурий
Пред страстию моей?

Нас учат, что Природа
Со смыслом все творит.
Тогда зачем под воды
Укрылся скал гранит?
Ужель скала таится
В подводной глубине,
Чтоб милому разбиться
И чтобы плакать мне?»

Она, застыв от горя,
Бранила жребий свой,
Борею вздохом вторя,
Кропя волну слезой.
Когда на гребне тело
Волна пред ней взнесла,
Склонясь лилеей белой,
Юница умерла.

ДАВИД

МАМЕТИ

ЭЛЬВИНА И ЭДВИН

В излучины долины сокровенной,
Там, где блестит под рощею поток,
Стояла хижина, смиренный
Покою уголок.

Эльвина там красавица таилась,—
В ней зрела мать подпору дряхлых дней,
И только об одном молилась:
«Все блага жизни ей».

Как лилия, была чиста душою,
И пламенел румянец на щеках—
Так разливается весною
Денница в облаках.

Всех юношей Эльвина восхищала;
Для всех подруг красой была страшна,
И, чудо прелестей, не знала
Об них одна она.

Пришел Эдвин. Без всякого искусства
Эдвинова пленяла красота:
В очах веселых пламень чувства,
А в сердце простота.

И заключен святой союз сердцами:
Душе легко в родной душе читать;
Легко, что сказано очами,
Устами досказать.

О! сладко жить, когда душа в покое
И с тем, кто мил, начав, кончаешь день;
Вдвоем и радости все вдвое...
Но ах! они как тень.

Лишь золото любил отец Эдвина;
Для жалости он сердца не имел;
Эльвине же дала судьбина
Одну красу в удел.

С холодностью смотрел старик суровый
На их любовь—на счастье двух сердец.
«Расстаньтесь!»—роковое слово
Сказал он наконец.

Увы, Эдвин! В какой борьбе в нем страсти!
И ни одной нет силы победить...
Как не признать оццовской власти?
Но как же не любить?

Прелестный вид, пленительные речи,
Восторг любви—все было только сон;
Он розно с ней; он с ней и встречи
Бояться осужден.

Лишь по утрам, чтоб видеть след Эльвины,
Он из кустов смотрел, когда она
Шла по излучине долины,
Печальна и одна;

Или, когда являя месяц роги
Туманный свет на рощи наводил,
Он, грустен, вдоль большой дороги
До полночи бродил.

Задумчивый, он часто по кладбищу
При склоне дня ходил среди крестов:
Его тоске давало пищу
Спокойствие гробов.

Знать, гроб ему предчувствие сулило!
Уже ланит румяный цвет пропал;
Их горе бледностью покрыло...
Несчастный увядал.

И не спасут его младые леты;
Вотще в слезах над ним его отец;
Вотще и вопли и обеты!..
Всему, всему конец.

И молит он: «Друзья, из сожаленья!..
Хотя бы раз мне на нее взглянуть!..
Ах! дайте, дайте от мученья
При ней мне отдохнуть».

Она пришла; но взор любви всесильный
Уже тебя, Эдвин, не воскресит:
Уже готов покров могильный,
И гроб уже открыт.

Смотри, смотри, несчастная Эльвина,
Как изменил его последний час:
Ни тени прежнего Эдвина;
Лик бледный, слабый глас.

В знак верности он подает ей руку
И на нее взор томный устремил:
Как сильно вечную разлуку
Сей взор изобразил!

И в тьме ночной, покинувши Эдвина,
Домой она вблизи кладбища шла,
Души не чувствуя, Эльвина;
Кругом густела мгла.

От севера подьемаясь, ветер хладный
Качал, свистя во мраке, дерева;
И выла на стене оградной
Полночная сова.

И вся душа в Эльвине замирала;
И взор ее во всем его встречал;
Казалось — тень его летала;
Казалось — он стонал.

Но... вот и въявь уж слышится Эльвине:
Вдали провыл уныло тяжкий звон;
Как смерти голос, по долине
Промчавшись, стихнул он.

И к матери без памяти вбежала —
Бледна, и свет в очах ее темнел.
«Прости, все кончилось! (сказала) —
Мой ангел улетел!

Благослови... зовут... иду к Эдвину...
Но для тебя мне жаль покинуть свет».
Умолкла... мать зовет Эльвину...
Эльвины больше нет.

ОЛИВЕР

ГОЛДЕМЧИТ

ПУСТЫННИК

«Веди меня, пустыни житель,
Святой анахорет;
Близка желанная обитель;
Приветный вижу свет.

Устал я: тьма кругом густая;
Запал в глуши мой след;
Безбрежной, мнится, степь пустая,
Чем дале я вперед».

«Мой сын (в ответ пустыни житель),
Ты призраком прельщен:
Опасен твой путеводитель —
Над бездной светит он.

Здесь чадам нищеты бездомным
Отверзта дверь моя,
И скудных благ уделом скромным
Делюсь от сердца я.

Войди в гостеприимну келью;
Мой сын, перед тобой
И брашно с жесткою постелью
И сладкий мой покой.

Есть стадо... но безвинных кровью
Руки я не багрил:
Меня творец своей любовью
Щадить их научил.

Обед снимаю непорочный
С пригорков и полей;
Деревья плод дают мне сочный;
Питье дает ручей.

Войди ж в мой дом — забот там чужды;
Нет блага в суете:
Нам малые даны здесь нужды;
На малый миг и те».

Как свежая роса денницы,
Был сладок сей привет;
И робкий гость, склоня зеницы,
Идет за старцем вслед.

В дичи глухой, непроходимой
Его таился кров —
Приют для сироты гонимой,
Для странника покров.

Непышны в хижине уборы,
Там бедность и покой;
И скрипнули дверей растворы
Пред мирною четой.

И старец зрит гостеприимный,
Что гость его уныл,
И светлый огонек он в дымной
Печурке разложил.

Плоды и зелень предлагает
С приправой добрых слов;
Беседой скуку озлащает
Медлительных часов.

Кружится резвый кот пред ними;
В углу кричит сверчок;
Трещит меж листьями сухими
Блестящий огонек.

Но молчалив пришлец угрюмый;
Печаль в его чертах;
Душа полна прискорбной думы;
И слезы на глазах.

Ему пустынный отвечает
Сердечною тоской.
«О юный странник, что смущает
Так рано твой покой?»

Иль быть убогим и бездомным
Творец тебе судил?
Иль предан другом вероломным?
Или вотще любил?

Увы! спокой себя: презренны
Утехи благ земных;
А тот, кто плачет, их лишенный,
Еще презренной их.

Приманчив дружбы взор лукавьи:
Но ах! как тень, вослед
Она за счастьем, за славой,
И прочь от хилых бед.

Любовь... любовь, Прелест игрою
Отрава сладких слов,
Незрима в мире; лишь порою
Живет у голубков.

Но, друг, ты робостью стыдливой
Свой нежный пол открыл».
И очи странник торопливый,
Краснея, опустил.

Краса сквозь легкий проникает
Стыдливости покров;
Так утро тихое сияет
Сквозь завес облаков.

Трепещут перси; взор склоненный;
Как роза, цвет ланит...
И деву-прелесть изумленный
Отшельник в госте зрит.

«Простишь ли, старец, дерзновење,
Что робкою стопой
Вошла в твое уединенье,
Где бог один с тобой?»

Любовь надежд моих губитель,
Моих виновник бед;
Ищу покоя, но мучитель
Тоска за мною вслед.

Отец мой знатностию, славой
И пышностью гремел;
Я дней его была забавой;
Он все во мне имел.

И рыцари стеклись толпою;
Мне предлагали в дар
Те чистый, сходный с их душою,
А те притворный жар.

И каждый лестью вероломной
Привлечь меня мечтал..
Но в их толпе Эдвин был скромный;
Эдвин, любя, молчал.

Ему с смиренной ницетою
Судьба одно дала:
Пленять высокою душою:
И та моей была.

Роса на розе, цвет душистый
Фиалки полевой
Едва сравниться могут с чистой
Эдвиновой душой.

Но цвет с небесною росой
Живут единый миг:
Он одарен был их красой,
Я легкостию их.

Я гордой, хладною казалась;
Но мил он втайне был;
Увы! любя, я восхищалась,
Когда он слезы лил.

Несчастный! он не снес презренья;
В пустыню он помчал
Свою любовь, свои мученья —
И там в слезах увял.

Но я виновна; мне страданье;
Мне увядать в слезах;
Мне будь пустыня та изгнанье,
Где скрыт Эдинов прах.

Над тихою его могилой
Конец свой встречу я —
И приношеньем тени милой
Пусть будет жизнь моя».

«Мальвина!» — старец восклицает,
И пал к ее ногам..
О чудо! их Эдвин лобзает;
Эдвин пред нею сам.

«Друг незабвенный, друг единый!
Опять навек я твой!
Полна душа моя Мальвиной —
И здесь дышал тобой.

Забудь о прошлом; нет разлуки;
Сам бог вещает нам:
Всё в жизни, радости и муки,
Отныне пополам.

Ах! будь и самый час кончины
Для двух сердец один:
Да с милой жизнью Мальвины
Угаснет и Эдвин».

УИЛЬЯМ

БЛЕЙЖ

КОРОЛЬ ГВИН

Баллада

Внемлите песне, короли!
Когда норвежец Гвин
Народов северной земли
Был грозный властелин,

В его владеньях нищету
Обкрадывала знать.
Овцу последнюю — и ту
Старалась отобрать.

«Не кормит нищая земля
Больных детей и жен.
Долой тирана-короля,
Пускай покинет трон!»

Проснулся Гбрдред между скал,
Тирана лютой враг.
И над землей затрепетал
Его мятежный стяг.

За ним идут сыны войны
Лавиною сплошной,
Как львы, сильны и голодны,
На промысел ночной.

Через холмы их путь лежит,
Их клич несется ввысь.
Оружья лязг и дробь копыт
В единый гул слились.

Идет толпа детей и жен
Из сел и деревень,
И яростью звучит их стон
В железный зимний день.

Звучит их стон, как волчий вой.
В ответ гудит земля.
Народ идет за головой
Тирана-короля.

От башни к башне мчится весть
По всей большой стране:
«Твоих противников не счесть.
Готовься, Гвин, к войне!»

Норвежец щит подымлет свой
И витязей зовет,
Подобных туче грозовой,
В которой гром живет.

Как плиты, что стоймя стоят
На кладбище немом,
Стоит бойцов безмолвный ряд
Пред грозным королем.

Они стоят пред королем,
Недвижны, как гранит,
Но вот один взмахнул копьем,
И сталь о сталь звенит.

Оставил земледелец плуг,
Рабочий — молоток,
Сменил свирель свою пастух
На боевой рожок.

Король войска свои ведет,
Как грозный призрак тьмы,
Как ночь, которая несет
Дыхание чумы.

И колесницы и войска
Идут за королем,
Как грозные облака,
Скрывающие гром.

— Остановитесь! — молвил Гвин
И указал вперед.—
Смотрите, Гёрдред-исполин
Навстречу нам идет! —

У. Х. РОБИНСОН

Стоят два войска, как весы,
Послушные судьбе.
Король, последние часы
Отпущены тебе.

Настало время — и сошлись
Заклятых два врага,
И конница взмывает ввысь
Сыпучие снега.

Вся содрогается земля
От грохота шагов.
Людская кровь поит поля —
И нет ей берегов.

Летают голод и нужда
Над грудой мертвых тел.
Как много горя и труда
Для тех, кто уцелел!

Король полки бросает в бой.
Сверкают их мечи
Лучом кометы огневой,
Блуждающей в ночи.

Живые падают во прах,
Как под серпом жнецов.
Другие бьются на костях
Бессчетных мертвецов.

Вот конь под всадником убит.
И падают, звеня,
Конь на коня, и щит на щит,
И на броню броня.

Устал кровавый бог войны.
Он сам от крови пьян.
Смердящий пар с полей страны
Восходит, как туман.

О, что ответят короли,
Представ на Страшный суд,
За души тех, что из земли
О мести вопиют!

Не две хвостатые звезды
Столкнулись меж собой,
Рассыпав звезды, как плоды
Из чаши голубой.

То Гóрдред, горный исполин,
Шагая по телам,
Настиг врага — и рухнул Гвин,
Разрублен пополам.

Исчезло воинство его.
Кто мог, живым ушел.
А кто остался, на того
Косматый сел орел.

А реки кровь и снег с полей
Умчали в океан,
Чтобы оплакал сыновей
Бурливый великан.

ЗЛАТАЯ СЕТЬ

Три девы в предрассветный час:
«Куда ты, юноша, от нас?
О горе, горе!» Из очей
У каждой хлынул слез ручей.
Одна — огнем одела стан,
Другой — наряд железный дан,
На третьей — полное сиянья,
Из слез и вздохов одеянье.
И сеть из пряжи золотой
Несут, рыдая, в лес густой.
Заплакав с ними, я узрел
Любви и Красоты удел:
Они двойным огнем палимы.
Желанья их неутолимы.
До слез я жаждал им помочь, --
Одетым в слезы день и ночь.
Тут вызвал я у них улыбку,
Что небеса ввела б в ошибку, --
Улыбку, что златую сеть
Заставила, как пух, взлететь
И захлестнуть начало дней
Моих, чтоб я блуждал под ней.
Взываю к Ярому Огню,
Молю Железную Броню,
Слезам и Вздохам говорю:
— Когда увижу я зарю?

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЧЕРТОГ

На вольной воле я блуждал
И юной девой взят был в плен.
Она ввела меня в чертог
Из четырех хрустальных стен.

Чертог светился, а внутри
Я в нем увидел мир иной:
Была там маленькая ночь
С чудесной маленькой луной.

Иная Англия была,
Еще неведомая мне,—
И новый Лондон над рекой,
И новый Тауэр в вышине.

Не та уж девушка со мной,
А вся прозрачная, в лучах.
Их было три—одна в другой.
О сладкий, непонятный страх!

Ее улыбкою тройной
Я был, как солнцем, освещен.
И мой блаженный поцелуй
Был троекратно возвращен.

Я к сокровеннейшей из трех
Простер объятья—к ней одной.
И вдруг распался мой чертог.
Ребенок плачет предо мной.

Лежит он на земле, а мать
В слезах склоняется над ним.
И, возвращаясь в мир опять,
Я плачу, горестью томим.

СЕРЫЙ МОНАХ

Мать причитает:— Нам конец!
Замучен в крепости отец.
Ни крошки в доме... Дети, спать!—
Монах садится на кровать.

На лбу его кровавый шрам.
Кровь лужей натекла к ногам.
Как молнией спаленный дуб,
Он полужив и полутруп.

Но ни слезы в его очах...
Вздохнувши горестно, монах
Собрался из последних сил
И с жалким криком возгласил:

— Когда господь моей руке
Велел писать о злой тоске,
Он рек: быть этому письму
Проклятьем роду твоему.

Был брат мой в крепость заточен.
Несчастных сирот слыша стон,
Я — сам истерзан и в цепях, —
Смеясь, преодолевал свой страх.

Отец твой рать свою созвал,
Ей путь на Север указал;
Твой брат с дружиною своей
Отмстил за плач твоих детей.

Но тщетна хитрость, хрупок меч,
Бойцов отважных губит сечь,
А торжествует только тот,
Кто молится и слезы льет.

Пусть вдов и мучеников плач
С издевкой слушает палач.
Но воинство невинных слез
Ведет в сражение Христос!

Рука Возмездия найдет
Того, кто в Пурпуре цветет,
Но мститель, пусть он справедлив,
Убийцей станет, отомстив.

ВИЛЬЯМ БОНД

Я поражаюсь безумью Дев,
Я поражаюсь их жажде крови,
И я поражаюсь: Вилли Бонд жив,
Хотя пошатнулось его здоровье!

Он в церковь майским утром пошел;
Одна, две, три — замелькали Феи,
Но Ангелы Провиденья спугнули Фей,
И Вилли домой повернул, мрачней.

Не пошел он пасти овец,
Не пошел он пахать землю —
Чернее тучи пришел домой,
Чернее тучи в постель ложится.

Ангел Провиденья встал в ногах,
Ангел Провиденья стерег изгололье,
А посредине — тучи черней —
Мрачный Мужлан помирать наготове.

Одесную встала Мэри Грин,
Ощую встала его сестра,
Но плач непритворный над тучей черной
Не поднял страдальца с его одра.

«О Вильям, ежели ты разлюбил,
Ежели полюбил другую. —
Поди и в Жены ее возьми,
И к вам служанкой тогда пойду я!»

«Вот в этом, Мэри, ты права.
Ты занимаешь чужое место.
Другую в жены я возьму,
Так что же мне в тебе, Невеста?»

Ты пуглива, и ты бледна,
Лунный хлад на челе витает,
А она — горяча, смела,
Пламя солнца в очах блистает!»

Мэри внемлет, и Мэри зрит,
Мэри падает, где стояла;
Бездыханную с половиц
Переносят под одеяло.

Но едва очнулась она —
Обнаружила, торжествуя,
Что положена на кровать,
От желанного одесную.

Феи, спугнутые с утра,
Воротились и заплясали
На подушках вокруг нее.
Ангелы Провиденья пропали.

Любовь, я думал,— жар и свет.
А вышло — полутьма и трепет.
Любовь, я думал,— Солнца Смех.
А вышло — тихий лунный лепет.

Ищите в горестях Любовь,
В слезах, в участии, в заботе,
Во тьме, в снегах, среди нагих
И сырых. Там ее найдете!

РОБЕРТ

БЕРНС

ДЖОН ЯЧМЕННОЕ ЗЕРНО

Три короля из трех сторон
Решили заодно:
— Ты должен согнуть, юный Джон
Ячменное Зерно!

Погибни, Джон...— в дыму, в пыли
Твоя судьба темна!
И вот взрывают короли
Могилу для зерна...

Весенний дождь стучит в окно
В апрельском гуле гроз,
И Джон Ячменное Зерно
Сквозь перегной пророс...

Весенним солнцем обожжен
Набухший перегной,—
И по ветру мотает Джон
Усатой головой...

Но душной осени дано
Свой выполнить урок,—
И Джон Ячменное Зерно
От груза занемог...

Он ржавчиной покрыт сухой,
Он — в полевой пыли...
— Теперь мы справимся с тобой! —
Ликуют короли.

Косою звонкой срезан он,
Сбит с ног, повергнут в прах,
И, скрученный веревкой, Джон
Трясется на возах...

Его цепами стали бить,
Кидали вверх и вниз,
И, чтоб вернее погубить,
Подошвами прошлись...

Он в ямине с водой—и вот
Пошел на дно, на дно...
Теперь, конечно, пропадет
Ячменное Зерно!..

И плоть его сожгли сперва,
И дымом стала плоть,
И закружились жернова,
Чтоб сердце размолоть.

Готовьте благородный сок!
Ободьями скреплен
Бочонок, сбитый из досок,—
И в нем бунтует Джон...

Три короля из трех сторон
Собрались заодно,—
Пред ними в кружке ходит Джон
Ячменное Зерно...

Он брызжет силой дрожжевой,
Клокочет и поет,
Он ходит в чаше круговой,
Он пену на пол льет...

Пусть не осталось ничего,
И твой развеян прах,
Но кровь из сердца твоего
Живет в людских сердцах!..

Кто, горьким хмелем упоен,
Увидел в чаше дно—
Кричи:
— Вовек прославлен Джон
Ячменное Зерно!

МАЛЕНЬКАЯ БАЛЛАДА

Где-то девушка жила.
Что за девушка была!
И любила парня славного она.

Но расстаться им пришлось
И любить друг друга врозь,
Потому что началась война.

За морями, за холмами—
Там, где пушки мечут пламя,—
Сердце воина не дрогнуло в бою.

Это сердце трепетало
Только ночью в час привала,
Вспоминая милую свою!

УИЛЬЯМ

ВОРДСВОРТ

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ СТАДА

Прошла в скитаньях жизнь моя,
Но очень редко видел я,
Чтобы мужчина, полный сил,
Так безутешно слезы лил,
Как тот, какого повстречал
Я на кругах родной земли:
Он по дороге шел один,
И слезы горькие текли.
Он шел, не утирая слез,
И на плечах ягненка нес.

Своею слабостью смущен,
Стыдясь, отворотился он,
Не смея поглядеть в упор,
И рукавом глаза утер.
— Мой друг,— сказал я,— что с тобой?
О чем ты, что тебя гнетет?
— Заставил плакать, добрый сэр,
Меня ягненок этот вот,
Последний,— с нынешнего дня
Нет больше стада у меня...

Я смолоду беспечен был;
Но образумившись, купил
Овцу — не зная, есть ли прок
В таких делах, но в должный срок
Моя овца, на радость мне,
Хороших принесла ягнят;
Желания мои сбылись —
Женился я и стал богат.
Плодились овцы; что ни год
Со стадом вместе рос доход.

От лета к лету время шло,
И все росло овец число,
И вот их стало пятьдесят,
Отборных маток и ягнят!
Для них был раем горный луг,
Для нас был раем наш очаг...
Один ягненок уцелел —
Его несу я на плечах,
И пусть нам сгинуть суждено
От нищеты — мне все равно.

Я шестерых детей кормил,
На это не хватило сил
В неурожайный, горький год —
Я попросил помочь приход.
А мне сказали: «Ты богат —
Богатство на лугу твоём,
А хочешь хлеба — обходись
Своим нетронутым добром.
Приходский хлеб — для бедноты,
Его просить не смеешь ты!»

Овцу я продал, и моя
Досьга стала есть семья,
Окрепли дети — мне ж кусок
И горек был, и шел не впрок.
Настала страшная пора,
Смятение вошло в мой дом:
Овечье стадо — мой оплот,
Моим же созданный трудом, —
Как снег растаяло, и нас
Настиг беды и скорби час.

Еще овца, еще одна
Покинуть пастбище должна!
И каждая из них была,
Как капля крови. Кровь текла
Из ран моих— вот так пустел
Мой луг, и сколько там в живых,
Я не считал— я лишь мечтал,
Чтоб не осталось вовсе их,
Чтоб волю дать судьбе слепой,
Чтоб кончить горький этот бой!

Я замкнут стал, я стал угрюм,
Мутился ум от черных дум,
В грехах подозревая всех,
Я сам способен стал на грех.
Печален дом, враждебен мир,
И навсегда ушел покой,
Устало к своему концу
Я шел, охваченный тоской;
Порой хотелось бросить дом
И жить в чащобах, со зверьем.

Таких овец не видел свет,
Цены им не было и нет;
Клянусь, я поровну любил
Детей— и тех, кто их кормил,—
Моих овец... И вот, молясь,
Я думал, что, наверно, бог
Карал за то, что больше я
Своих детей любить бы мог...
Редело стадо с каждым днем,
Овец все меньше было в нем.

Все горше было их считать!
Вот их пятнадцать, десять, пять,
Их три,— уж близко до конца! —
Ягненок, валух и овца...
Из стада в пятьдесят голов
Один остался, да и тот,
Оставшийся, из рук моих
В чужие руки перейдет,
Последний,— с нынешнего дня
Нет больше стада у меня...

ВАЛЬТЕР

СКОТТИ

ЗАМОК СМАЛЬГОЛЬМ,
ИЛИ
ИВАНОВ ВЕЧЕР

До рассвета поднявшись, коня оседлал
Знаменитый Смальгольмский барон;
И без отдыха гнал, меж утесов и скал,
Он коня, торопясь в Бротерстон.

Не с могучим Боклю совокупно спешил
На военное дело барон;
Не в кровавом бою переведаться мнил
За Шотландию с Англией он.

Но в железной броне он сидит на коне;
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом, и топор за седлом
Укреплен двадцатифунтовой.

Через три дни домой возвратился барон,
Отуманен и бледен лицом;
Через силу и конь, опенен, запылен,
Под тяжелым ступал седоком.

Анкрамморския битвы барон не видал,
Где потоками кровь их лилась,
Где на Эверса грозно Боклю напирал,
Где за родину бился Дуглас;

Но железный шелом был иссечен на нем,
Был изрублен и панцирь и щит,
Был недавнею кровью топор за седлом,
Но не английской кровью покрыт.

Соскочив у часовни с коня за стеной,
Притаясь в кустах, он стоял;
И три раза он свистнул — и паж молодой
На условленный свист прибежал.

«Подойди, мой малютка, мой паж молодой,
И присядь на колена мои;
Ты младенец, но ты откровенен душой,
И слова непритворны твои.

Я в отлучке был три дни, мой паж молодой;
Мне теперь ты всю правду скажи:
Что заметил? Что было с твоей госпожой?
И кто был у твоей госпожи?»

«Госпожа по ночам к отдаленным скалам,
Где маяк, приходила тайком
(Ведь огни по горам зажжены, чтоб врагам
Не прокрасться во мраке ночном).

И на первую ночь непогода была,
И без умолку филин кричал;
И она в непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скал.

Тихомолком подкрался я к ней в темноте;
И сидела она — я узрел:
Не стоял часовой на пустой высоте;
Одиноко маяк пламенел.

На другую же ночь — я за ней по следам
На вершину опять побежал, —
О творец, у огня одинокого там
Мне неведомый рыцарь стоял.

Подпершись мечом, он стоял пред огнем,
И беседовал долго он с ней;
Но под шумным дождем, но при ветре ночном
Я расслушать не мог их речей.

И последняя ночь безненастна была,
И порывистый ветер молчал;
И к маяку она на свиданье пошла;
У маяка уж рыцарь стоял.

И сказала (я слышал): «В полуночный час,
Перед светлым Ивановым днем,
Приходи ты; мой муж не опасен для нас;
Он теперь на свиданье ином;

Он с могучим Боклю ополчился теперь;
Он в сраженье забыл про меня —
И тайком отопру я для милого дверь
Накануне Иванова дня».

«Я не властен прийти, я не должен прийти,
Я не смею прийти (был ответ);
Пред Ивановым днем одиноким путем
Я пойду... мне товарища нет».

«О, сомнения прочь! безмятежная ночь
Пред великим Ивановым днем
И тиха и темна, и свиданьям она
Благосклонна в молчанье своем.

Я собак привяжу, часовых уложу,
Я крыльцо пересыплю травой,
И в приюте моем, пред Ивановым днем,
Безопасен ты будешь со мной».

«Пусть собака молчит, часовой не трубит,
И трава не слышна под ногой,—
Но священник есть там; он не спит по ночам;
Он приход мой узнает ночной».

«Он уйдет к той поре: в монастырь на горе
Панихиду он позван служить:
Кто-то был умерщвлен; по душе его он
Будет три дни поминки творить».

Он нахмурился глядел, он как мертвый бледнел,
Он ужасен стоял при огне.

«Пусть о том, кто убит, он поминки творит:
То, быть может, поминки по мне.

Но полуночный час благосклонен для нас:
Я приду под защитою мглы».

Он сказал... и она... я смотрю... уж одна
У маяка пустынной скалы».

И Смальгольмский барон, поражен, раздражен,
И кипел, и горел, и сверкал.

«Но скажи наконец, кто ночной сей пришлец?
Он, клянусь небесами, пропал!»

«Показалось мне при блестящем огне:
Был шелом с соколиным пером,
И палаш боевой на цепи золотой,
Три звезды на щите голубом».

«Нет, мой паж молодой, ты обманут мечтой;
Сей полуночный мрачный пришлец
Был не властен прийти: он убит на пути;
Он в могилу зарыт, он мертвец».

«Нет! не чудилось мне; я стоял при огне,
И увидел, услышал я сам,
Как его обняла, как его назвала:
То был рыцарь Ричард Кольдингам».

И Смальгольмский барон, изумлен, поражен,
И хладел, и бледнел, и дрожал.
«Нет! в могиле покой; он лежит под землей,
Ты неправду мне, паж мой, сказал».

Где бежит и шумит меж утесами Твид,
Где подьмелется мрачный Эльдон,
Уж три ночи, как там твой Ричард Кольдингам
Потаенным врагом умерщвлен».

Нет! сверканье огня ослепило твой взгляд;
Оглушен был ты бурей ночной;
Уж три ночи, три дня, как поминки творят
Чернецы за его упокой».

Он идет в ворота, он уже на крыльце,
Он взошел по крутым ступеням
На площадку, и видит: с печалью в лице
Одиноко-унылая, там

Молодая жена — и тиха, и бледна,
И в мечтании грустном глядит
На поля, небеса, на Мертонски леса,
На прозрачно бегущую Твид».

«Я с тобою опять, молодая жена».
«В добрый час, благородный барон.
Что расскажешь ты мне? Решена ли война?
Поразил ли Боклю иль сражен?»

«Англичанин разбит; англичанин бежит
С Анкрамморских кровавых полей;
И Боклю наблюдать мне маяк мой велит
И беречься недобрых гостей».

При ответе таком изменилась лицом
И ни слова... ни слова и он;
И пошла в свой покой с наклоненной главой
И за нею суровый барон.

Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Он вздыхал, он с собой говорил:
«Не пробудится он; не подымется он;
Мертвецы не встают из могил».

Уж заря занялась; был таинственный час
Меж рассветом и утренней тьмой;
И глубоким он сном пред Ивановым днем
Вдруг заснул близ жены молодой.

Не спалось лишь ей, не смыкала очей...
И бродящим, открытым очам
При лампадном огне, в шишаке и броне
Вдруг явился Ричард Кольдинггам.

«Воротись, удалися»,— она говорит.
«Я к свиданью тобой приглашен;
Мне известно, кто здесь, неожиданный, спит—
Не страшись, не услышит нас он.

Я во мраке ночном потаенным врагом
На дороге изменой убит;
Уж три ночи, три дня, как монахи меня
Поминают—и труп мой зарыт.

Он с тобой, он с тобой, сей убийца ночной!
И ужасный теперь ему сон!
И надолго во мгле на пустынной скале,
Где маяк, я бродить осужден;

Где видалися мы под защитою тьмы,
Там скитаюсь теперь мертвецом;
И сюда с высоты не сошел бы... но ты
Заклинала Ивановым днем».

Содрогнулась она и, смятенья полна,
Вопросила: «Но что же с тобой?
Дай один мне ответ—ты спасен или нет?..»
Он печально потряс головой.

«Выкупается кровью пролитая кровь,—
То убийце скажи моему.
Беззаконную небо карает любовь,—
Ты сама будь свидетель тому».

Он тяжелою шуйцей коснулся стола;
Ей десницею руку пожал—
И десница как острое пламя была,
И по членам огонь пробежал.

И печать роковая в столе вожжена:
Отразились пальцы на нем;
На руке ж—но таинственно руку она
Закрывала с тех пор полотном.

Есть монахиня в древних Драйбургских стенах:
И грустна и на свет не глядит;
Есть в Мельрозской обители мрачный монах:
И дичится людей и молчит.

Сей монах молчаливый и мрачный—кто он?
Та монахиня—кто же она?
То убийца, суровый Смальгольмский барон,
То его молодая жена.

ПЕСНЯ

Красив Бригнала брег крутой,
И зелен лес кругом;
Цветы над быстрою рекой
Раскинуты ковром.

Вдоль замка Дальтон на коне
Я ехал не спеша;
Навстречу пела с башни мне
Красавица-душа:

«Красив Бригнала брег крутой,
И зелен лес кругом;
Мне с другом там приют лесной
Милей, чем царский дом».

— «Ты хочешь, дева, быть моей,
Забуть свой род и сан;
Но прежде разгадать сумей,
Какой мне жребий дан.

И если скажешь мне, любя,
Загадки слово ты,—
Приму в дубраве я тебя
Царицей красоты».

Она поет: «Свеж брег крутой,
И зелен лес кругом;
Мне с другом там приют лесной
Милей, чем царский дом.

Со звонким рогом в кушаке
Ты скачешь чрез поля;
Ты, знать, в дубраве на реке
Лесничий короля?»

— «Лесничий зоркий короля
В свой рог трубит с утра;
Но как покрыта мглой земля,
То мне трубить пора».

Она поет: «Свеж брег крутой,
И зелен лес кругом;
Хочу царицею лесной
Жить с другом там вдвоем.

На быстроногом рысаке,
Как ратник, ты готов,
С мечом в ножнах, с ружьем в руке,
На барабанный зов».

— «Нейду на барабанный зов,
Нейду на трубный звук;
Но как зовут нас крики сов,
Мы все готовы вдруг.

И свеж Бригнала брег крутой,
И зелен лес кругом,
Но деве смелой лишь со мной
Царить в лесу моем.

О дева! друг недобрый я!
Глухих пустынь жилец;
Безвестна будет жизнь моя,
Безвестен мой конец!

У. Х. БРЭДЛИ

Как мы сойдемся, гости тьмы,
То должно нам, поверь,
Забывать, что прежде были мы,
Забывать, что мы теперь».

Но свеж Бригнала брег крутой,
И зелен лес кругом,
И пышно блещут над рекой
Цветы живым ковром.

РЕЗНЯ В ГЛЕНКО

— Зачем ты песнь свою завел
В Гленко? Зачем сюда забрел?
Зачем пал плач на тихий дол—
Он здесь сочувствия не същует.
Кто слушает тебя в Гленко?
Олень, ступающий легко?
Иль туча в небе высоко?
Иль коршун, что в полнебе рыщет?

— О нет! Их жребий—хоть куда!
Найдет ли в логове беда?
Падет ли птица из гнезда?
Иль тучам нет в горах приюта?
А тех, пою сейчас по ком,
Ни горный кряж, ни отчий дом,
Ни непролазный бурелом
Не скрыли от злодейской смуты.

Водой не заливали ров,
Злых не отвязывали псов,
И языки колоколов
Опасности не возвестили.—
Рой женщин был приветлив, мил,
Оружье воин позабыл,
Не порох в полных бочках был,
Когда гостей они впустили.

Какой был пир!.. Но в час теней
Злодеям кинул клич злодей,
И, бросив кубки, рать гостей
Стремглав схватилась за оружие.

Растерянных хозяев стон
Был сталью смят со всех сторон,
Затем был замок подожжен
И окружен врагом снаружи.

Из-за пылающей стены
Рыданья были там слышны.
Но гибли, гибли без вины
И тщетно к жалости вzywали.
Потом был ветер, ураган,
Метель, беспутица, буран,
Но те, в Гленко, несчастный клан,
Уже об этом не узнали.

Что арфа!.. Некогда напев
Лился, пленяя юных дев.—
Откуда ж взялся этот гнев,
Певцу неведомый когда-то?
Да, гнев! Серебряной струной
Стань нынче каждый волос мой,
Чтоб прогремело над страной:
Расплаты, Родина! Расплаты!

БЕВЕРЛЕЙ

С младым Беверлеем кто равен красой?
Стрелою несется с ним конь вороной,
Он скачет бесстрашно, он скачет один,
С ним только меч острый—надежда дружин;
В любви всех вернее, а в битвах смелей,
Меж витязей славен младый Беверлей.

В лесу нет преграды, утес невысок,
Бушует ли буря—он вплавь чрез поток;
Но в Нетерби витязь на горе скакал:
Невеста склонилась—жених опоздал!
Соперник бездушный с Матильдой твоей
Идет уж венчаться, младый Беверлей!

Он в замке, он видит: пирует семья,
Шумят, веселятся родные, друзья;
Жених торопливый, бледнея, молчит;
За меч ухватятся, отец говорит:
«У нас ты на свадьбе как друг иль злодей?
На брань иль на танцы, младый Беверлей?»—

Р. АННИНГБЕЛЛ

«От вас мне награда в любви не дана;
Любовь рекой льется, кипит, как волна;
Мила мне Матильда,—но с вами равно
Готов я на танцы, готов на вино;
Есть много пригожих; невесту нежней,
Быть может, достанет младый Беверлей».

Бокал с поцелуем у девы он взял,
Вино выпил разом,—и бросил бокал.
Невеста вздохнула, огонь на щеках,
Улыбки искала, а слезы в очах;
И мать хоть сердилась,—взяв руку у ней,
Ведет ее в танцы младый Беверлей.

И все любовались прелестной четой:
Его ловким станом, ее красотой;
Родные же смотрят с досадой на них,—
С пером своей шляпы играет жених;
И шепчут подруги: «О, если бы ей
Прекрасный был мужем младый Беверлей!»

Он жмет ее руку, он что-то сказал,—
И вдруг оба вышли, а конь поджидал.
Проворно он с нею вскочил на коня:
«Теперь не догонят злодеи меня!
Матильда, друг милый, навек ты моей!» —
И вихрем помчался младый Беверлей.

В погоню гнались по рвам, по холмам
И Мюсгрев, и Форстер, и Фенвик, и Грамм;
Скакали, искали вблизи и вдали—
Пропадной невесты нигде не нашли.
В любви всех вернее, а в битвах смелей—
Таков был отважный младый Беверлей!

КЛЯТВА МОЙНЫ

Вот клятва Мойны молодой:
«Не буду графу я женой!
Хотя б от всех людских племен
Остались в мире я да он,
Хотя б он мне в награду дал
Алмазы, жемчуг и коралл,
Хотя б владел он всей страной,—
Не буду графу я женой!»

— «Обеты дев,—сказал старик,—
Все вмиг даны, забыты вмиг;
Обвив крутые высоты,
Алеют вереска цветы,
И скоро ветер с утеса прочь
Их унесет в осеннюю ночь;
Но Мойна, прежде ночи той,
Уж может графу быть женой».

— «Пусть лебедь,—Мойна говорит,—
В гнездо орлиное взлетит,
Назад пойдут потоки гор,
Пусть упадет утес Бенмор
И битвы в час наш грозный клан
Пусть побежит от англичан,—
Но я не изменюсь душой:
Не буду графу я женой!»

Еще доселе в тростнике
Гнездится лебедь на реке,
Бенмор огромный не падет,
Крутой поток бежит вперед,
Клан все слывет, каким он слыл,
И пред врагом он не дал тыл,—
Но Мойна любит всей душой,
И Мойну граф зовет женой.

РОЗАБЕЛЛА

Не расскажу вам, красотам,
О богатырском, бранном деле:
Песнь грустную спою я вам,
Спою вам песнь о Розабелле.

«Назад, гребцы, назад с ладьей!
Останься в верном замке, дева!
Не отправляйся в путь ночной,
Не искушай морского гнева!

Белеет пеной край зыбей,
Летят к приюту птицы роем:
Стращал недавно рыбарей
Дух волн своим зловецим воем.

И зрел вещун седой в ту ночь
Одету в мокрый саван деву;
Так что ж неволит лорда дочь
Себя вверять морскому гневу?»

— «Не то, что будет граф Линдсей
На пышном празднике в Росслине;
Но скучно матери моей
Одной там оставаться ныне.

Не то, что все глядят в окно,
Как с графом конь несется белый;
Но мой отец хулит вино,
Не налитое Розабеллой».

В течение грозной ночи сей
Чудесный свет пылал средь мрака,
Сиянья лунного красней,
Светлее пламени маяка.

Росслина башни озарял,
Их погружая в блеск кровавый,
Был виден с гаторнденских скал,
Сиял до дрейденской дубравы.

Горел и в сводах он святых,
Где улеглись под иконы,
Все в латах кованых своих,
Росслина храбрые бароны.

Алтарь сиял весь как в огне,
Весь как в огне был свод богатый,
Иконы рдели на стене,
И мертвецов сверкали латы.

Пылали роковым огнем
Утес, и замок, и долина,—
Так пламенеет все кругом,
Как быть беде в стенах Росслина.

Там двадцать доблестных вождей
Хранит богатая капелла,
И каждый там в семье своей,
А в безднах моря—Розабелла.

В капеллу клал, их отпевал
С надгробным звоном клирос целый;
Но бурный ветер и шумный вал
Над мертвой пели Розабеллой.

СЭМЮЕЛ ТЕЙЛОР

КОЛЬРИДЖ

ЭЛИС ДЮ КЛО,
ИЛИ РАЗДВОЕННЫЙ ЯЗЫК

Баллада

Двусмысленное слово — щит и стрела
предателя; и раздвоенный язык да
будет его гербом.

Кавказская пословица

«Еще не встало солнце,
Но заря разлилась по лугам.
Лорд Джульен сбежал от своих ловцов,
Он вышел навстречу вам.
Накиньте ваш зеленый плащ,
Возьмите ваш колчан;
Лорд Джульен не любителъ ждaть,
Он тороплив и рьян.
Он скоро женится на вас,
Я в этом убежден,
И будет, леди, ваш супруг
И повелитель он.
Оставьте вашу книгу тут!
Боюсь, там сердятся и ждудт».

Внимала Элис, дочь Дю Кло,
Докладу сэра Хью, посла,
Так непорочно, так светло
Воздушна и мила,
Как лань в ее гербе, с звездой между глаз,—
В беседке сидя в ранний час,
Когда еще и птицы спят,
В широком платье снеговом,
С полуопущенным лицом,
Подснежник между снежных гряд.
Представьте мысленно на миг
В саду любительницу книг,—
Предутренный цветок,—
Меж тем, как из небесных сфер
Алмазный блещет Люцифер,
Венчающий восток;

Среди смятенных полчищ звезд,
Надменный, только он
Остался встретить рать лучей,
Объяввших небосклон.

О, Элис знала много книг,
И был в руках у ней
Рассказ Назона про богов
И смертных и зверей.
Язвительная речь посла
Отравой душу ей прожгла;
Но Элис от страниц
На сэра Хью не подняла
Презрительных ресниц.
«Предатель, прочь! Твой взор нечист
Перед моим лицом!
И как лорд Джульен мог ко мне
Прислать тебя гонцом?

Стрелку проворному ответь,
Что тихий путь верней;
Я ставлю здесь другую сеть,
И для других зверей».

С улыбкой мрачной отошел
От девушки вассал,
Как средь пучин от корабля
Отходит грузный вал.

И тот, ныряя вглубь, замрет,
Ударом сотрясен,
И тяжко продолжает путь,
И скрип его — как стон.

Казалась Элис смущена
Насмешкой колкой болтуна;
Но отлетел дурман,
И вот уже в плаще она
И за плечом колчан.

Терновый куст стоит в цвету,
Мы видим веток черноту
В туманный ранний час;
Но в солнце тающая мгла
Стоцветным блеском расцвела,
И каждый лист — алмаз!

Слеза в улыбку перешла,
И снова Элис весела,
Ей сладок клич погонь.
«Хип! Флорьен, хип! Коня, коня!
Где мой любимьй конь?»

Они уж вышли зверя гнать.
Мой мальчик, торопись!
Лорд Джульен не любителъ ждатель:
Кто опоздал, держись!»

Тот Флорьен был испанский паж,
Красив лицом и смел.
Он горд и счастлив был вполне,
Скача за Элис на коне,
Но, шлейф неся, краснел.

И вот они летят вдвоем.
Светло вокруг. У Элис лук
И вырезной колчан.
За нею с радостным лицом
Играет в воздухе копьем
Веселый мальчуган.

И если бы на миг она
Не задержала скакуна,
Взглянуть навстречу дню,
Как солнце приняло вдали
Прощальный поцелуй земли,
Они б настигли Хью.

Случилось, что по той тропе,
Где Джульен поджидал,
Соседний рыцарь, запоздав,
К охотникам скакал.
И Джульен должен был в сердцах
Сопутствовать ему:
С невестой только сговорен,
Не мог найти предлога он
Остаться одному.

Он мял перчатку, хмурил бровь,
Кусая губы чуть не в кровь,
Не в силах изобрести исход.
Увы, но так уж повелось:
Любовь и гордость ходят врозь.
А всякой гордости любовь
Простую смелость предпочтет!

Был у опушки свод дерев
Просторен и высок.
Там, как в обители монах,
Шагая, петь бы мог.
Из-под его густой листвы,
Где полумгла и тень,
Манил зеленый шелк травы,
Зеленый, светлый день.

И здесь лорд Джульен сел в седло;
Поодаль стали в круг
Вассалы и домашний люд;
Псы в нетерпении своры рвут,
Копыта топчут луг.

Доехав до поляны, Хью
Пришпорил между трав
И стал за Джульеном в строю,
Ни слова не сказав.
Лорд Джульен повернул коня.
«Что? Элис не склонна
Принять любезный наш покров?
Иль на поле, боясь лесов,
Подъедет к нам она?»

Ему угрюмо отвечал,
Косясь по сторонам, вассал:
«Нет, нам не стоит ждать!
Ее ответ и мой рассказ
Навряд ли позабавят вас,
И я бы рад молчать.
Я прибыл рано. У ворот
Еще висел засов.
Я только две живых души
Застал в тени садов.

Меня не ждали; и меня
Не встретили тепло;
В густой беседке я нашел
Дочь старого Дю Кло.

Да что там! Небогатый клад
Не жалко и терять.
Не мне девичью болтовню
Пред вами повторять».

«В чем дело?» — вскрикнул Джульен; боль
Свела черты его лица.
И речь коварную вассал
С притворным гневом продолжал:
«Не хмурьтесь; кто к чему готов:
Умею вабить соколов,
    Не женские сердца.

Она сказала мне: «Ответь,
    Что тихий путь верней.
Я ставлю здесь другую сеть,
    И для других зверей».

Но я игру прелестных глаз,
Ей-богу, разгадал тотчас:
Простился, уйду,
Оглядываюсь наугад,—
Миледи дарит долгий взгляд
    Нарядному пажу».

Едва предательских речей
    Последний звук умолк,—
Меж двух дубов, от смеха пьян,
Веселый мчится мальчуган,
    Одетый в черный шелк.

Конь непокорен седоку,
А тот кричит на всем скаку,
    Оборотясь туда,
Где слышен чей-то звонкий смех:
«Не мой, миледи, это грех,
    Конь захотел сюда».

И вот за ним, во весь опор—
Смотрите! Что за ясный взор!
    Какое гордое чело!
Тебе бы только серп луны,
Чтоб стать Дианой старины,
    Дочурка славного Дю Кло.

Темнее сна, лорд Джульен ждал,
Быстрее сна, к нему скакал
    Конь Элис в блеске дня!
Пропела меткая стрела,
Не вскрикнув, Элис замерла
И покатилась из седла,
    В крови, к ногам коня.

РОБЕРТ

САУТИ

АДЕЛЬСТАН

День багрянил, померкая,
Скат лесистых берегов;
Реин, в зареве сияя,
Пышен тек между холмов.

Он летучей влагой пены
Замок Аллен орошал;
Терема, зубчаты стены
Он в потоке отражал.

Девы красные толпою
Из растворчатых ворот
Вышли на́ берег — игрою
Встретить месяца восход.

Вдруг плывет, к ладье прикован,
Белый лебедь по реке,
Спит, как будто очарован,
Юный рыцарь в челноке.

Алым парусом играет
Легкокрылый ветерок,
И ко берегу приплывает
С спящим рыцарем челнок.

Белый лебедь встрепенулся,
Распустил криле свои;
Дивный плаватель проснулся —
И выходит из ладьи.

И по Реину обратно
С очарованной ладьей
Поплыл тихо лебедь статный
И сокрылся из очей.

Рыцарь в замок Аллен входит:
Все в нем прелесть — взор и стан;
В изумленье всех приводит
Красотою Адельстан.

Меж красавицами Лора
В замке Аллене была
Видом ангельским для взора,
Для души душой мила.

Графы, герцоги толпою
К ней стеклись из дальних стран—
Но умом и красотой
Всех был краше Адельстан.

Он у всех залог победы
На турнирах похищал;
Он вечерние беседы
Всех милее оживлял.

И приветны разговоры
И приятный блеск очей
Влили нежность в сердце Лоры—
Милый стал супругом ей.

Исчезает сновиденье—
Вслед за днями мчатся дни:
Их в сердечном упоенье
И не чувствуют они.

Лишь случается порою,
Что, на воды взор склонив,
Рыцарь бродит над рекою,
Одинок и молчалив.

Но при взгляде нежной Лоры
Возвращается покой;
Оживают тусклы взоры
С оживленною душой.

Невидимкой пролетает
Быстро время—наконец,
Улыбаясь, возвещает
Другу Лора: «Ты отец!»

Но безмолвно и уныло
На младенца смотрит он,
«Ах! — он мыслит,— ангел милый,
Для чего ты в свет рожден?»

И когда обряд крещенья
Патер должен был свершить,
Чтоб водою искупленья
Душу юную омьить:

Как преступник перед казнью,
Адельстан затрепетал;
Взор наполнился боязнью;
Хлад по членам пробежал.

Запинаясь, умоляет
День обряда отложить.
«Сил недуг меня лишает
С вами радость разделить!»

Солнце спряталось за гору;
Окропился луг росой;
Он зовет с собою Лору
Встретить месяц над рекой.

«Наш младенец будет с нами:
При дыханье ветерка
Тихоструйными волнами
Усыпит его река».

И пошли рука с рукою...
День на холмах догорал;
Молча, сумрачен душою
Рыцарь сына лобызал.

Вот уж поздно; солнце село;
Отуманился поток;
Черен берег опустельй;
Холодеет ветерок.

Рыцарь все молчит, печален;
Все идет вдоль по реке;
Лоре страшно; замок Аллен
С час как скрылся вдалеке.

«Поздно, милый, уж седеет
Мгла седая над рекой;
С вод холодный ветер веет;
И дрожит младенец мой».

«Тише, тише! Пусть седеет
Мгла седая над рекой;
Грудь моя младенца греет;
Сладко спит младенец мой».

«Поздно, милый; поневоле
Страх в мою теснится грудь;
Месяц бледен; сыро в поле;
Долог нам до замка путь».

Но молчит, как очарован,
Рыцарь, глядя на реку...
Лебедь там плывет, прикован
Легкой цепью к челноку.

Лебедь к берегу — и с сыном
Рыцарь сесть в челнок спешит;
Лора вслед за паладином;
Обомлела и дрожит.

И, осанясь, лебедь статный
Легкой цепью повлек
Вдоль по Рейну обратно
Очарованный челнок.

Небо в Рейне дрожало,
И луна из дымных туч
На ладью сквозь парус альый
Проливала темный луч.

И плывут они, безмолвны;
За кормой струя бежит;
Тихо плещут в лодку волны;
Парус вздулся и шумит.

И на берегу молчанье;
И на месяце туман;
Лора в робком ожиданье;
В смутной думе Адельстан.

Вот уж ночи половина:
Вдруг... младенец стал кричать.
«Адельстан, отдай мне сына!» —
Возопила в страхе мать.

«Тише, тише; он с тобою.
Скоро... ах! кто даст мне сил?
Я ужасною ценою
За блаженство заплатил.

Спи, невинное творенье;
Мучит душу голос твой;
Спи, дитя; еще мгновенье,
И навек тебе покой».

Лодка к берегу — рыцарь с сыном
Выйти на берег спешит;
Лора вслед за паладином,
Пуще млеет и дрожит.

Страшен берег обнаженный;
Нет ни жила, ни древес;
Черен, дик, уединенный,
В стороне стоит утес.

И пещера под скалою —
В ней не зрело око дна;
И чернеет пред луною
Страшным мраком глубина.

Сердце Лоры замирает;
Смотрит робко на утес.
Звучно к бездне восклицает.
Паладин: «Я дань принес».

В бездне звуки отразились;
Отзыв грянул вдоль реки;
Вдруг... из бездны появились
Две огромные руки.

К ним приблизил рыцарь сына...
Цепенеющая мать,
Возопив, у паладина
Жертву бросилась отнять

И воскликнула: «Спаситель!..»
Глас достигнул к небесам:
Жив младенец, а губитель
Ниспровергнут в бездну сам.

Страшно, страшно застонало
В грозных, сжавшихся когтях...
Вдруг все пусто, тихо стало
В глубине и на скалах.

СУД БОЖИЙ НАД ЕПИСКОПОМ

Были и лето и осень дождливы;
Были потоплены пажити, нивы;
Хлеб на полях не созрел и пропал;
Сделался голод; народ умирал.

Но у епископа милостью неба
Полны амбары огромные хлеба;
Жито сберег прошлогоднее он:
Был осторожен епископ Гаттон.

Рвутся толпой и голодный и нищий
В двери епископа, требуя пищи;
Скуп и жесток был епископ Гаттон:
Общей бедою не тронулся он.

Слушать их вопли ему надоело;
Вот он решился на страшное дело:
Бедных из ближних и дальних сторон,
Слышно, скликает епископ Гаттон.

«Дожили мы до нежданного чуда:
Вынул епископ добро из-под спуда;
Бедных к себе на пирушку зовет»,—
Так говорил изумленный народ.

К сроку собрались званые гости,
Бледные, чахлые, кожа да кости;
Старый, огромный сарай отворён:
В нем угостит их епископ Гаттон.

Вот уж столпились под кровлей сарая
Все пришлецы из окружного края...
Как же их принял епископ Гаттон?
Был им сарай и с гостями сожжен.

Глядя епископ на пепел пожарный
Думает: «Будут мне все благодарны;
Разом избавил я шуткой моей
Край наш голодный от жадных мышей».

В замок епископ к себе возвратился,
Ужинать сел, пировал, веселился,
Спал, как невинный, и снов не видал...
Правда! но боле с тех пор он не спал.

Утром он входит в покой, где висели
Предков портреты, и видит, что съели
Мыши его живописный портрет,
Так, что холстины и признака нет.

Он обомлел; он от страха чуть дышит...
Вдруг он чудесную ведомость слышит:
«Наша округа мышами полна,
В житницах съеден весь хлеб до зерна».

Вот и другое в ушах загремело:
«Бог на тебя за вчерашнее дело!
Крепкий твой замок, епископ Гаттон,
Мыши со всех осаждают сторон».

Ход был до Рейна от замка подземный;
В страхе епископ дорогою темной
К берегу выйти из замка спешит:
«В Рейнской башне спасусь» (говорит).

Башня из реинских вод подымалась;
Издали острым утесом казалась,
Грозно из пены торчащим, она;
Стены кругом отражала волна.

В легкую лодку епископ садится;
К башне причалил, дверь запер и мчится
Вверх по гранитным крутым ступеням;
В страхе один затворился он там.

Стены из стали казались слиты,
Были решетками окна забиты,
Ставни чугунные, каменный свод,
Дверью железною запертый вход.

Узник не знает, куда приютиться;
На пол, зажмурив глаза, он ложится...
Вдруг он испуган стенаньем глухим:
Вспыхнуло ярко два глаза над ним.

Смотрит он... кошка сидит и мяучит;
Голос тот грешника давит и мучит;
Мечется кошка; невесело ей:
Чует она приближенье мышей.

Пал на колени епископ и криком
Бога зовет в исступлении диком.
Воет преступник... а мыши плывут...
Ближе и ближе... доплыли... ползут.

Вот уж ему в расстоянии близком
Слышно, как лезут с роптаньем и писком;
Слышно, как стену их лапки скребут;
Слышно, как камень их зубы грызут.

Вдруг ворвались неизбежные звери;
Сыплются градом сквозь окна, сквозь двери,
Спереди, сзади, с боков, с высоты...
Что тут, епископ, почувствовал ты?

Зубы об камни они наострили,
Грешнику в кости их жадно впустили,
Весь по суставам раздернут был он...
Так был наказан епископ Гаттон.

ВАРВИК

Никто не зрел, как ночью бросил в волны
Эдвина злой Варвик;
И слышали одни берега безмолвны
Младенца жалкий крик.

От подданных погибшего губитель
Владыкой признан был —
И в Ирлингфор уже как повелитель
Торжественно вступил.

Стоял среди цветущия равнины
Старинный Ирлингфор,
И пышные с высот его картины
Повсюду видел взор.

Авон, шумя под древними стенами,
Их пеной орошал,
И низкий берег с лесистыми холмами
В струях его дрожал.

Там пламенел берегов на тихом склоне
Закат сквозь редкий лес;
И трепетал во дремлющем Авоне
С звездами свод небес.

Вдали, вблизи рассыпанные села
Дымились по утрам;
От резвых стад равнина вся шумела,
И вторил лес рогам.

Спешил, с пути прохожий совратясь,
На Ирлингфор взглянуть,
И, красотой картин его пленясь,
Он забывал свой путь.

Один Варвик был чужд красам природы:
Вотще в его глазах
Цветут леса, вися блещут воды,
И радость на лугах.

И устремить, трепещущий, не смеет
Он взора на Авон:
Оттоль зефир во слух убийцы веет
Эдвинов жалкий стон.

И в тишине безмолвной полуночи
Все тот же слышен крик,
И чудятся блистающие очи
И бледный, страшный лик.

Вотще Варвик с родных берегов уходит —
Приюта в мире нет:
Страшилищем ужасным совесть бродит
Везде за ним вослед.

И он пришел опять в свою обитель:
А сладостный покой,
И бедности веселый посетитель,
В дому его чужой.

Часы стоят, окованы тоскою;
А месяцы бегут...
Бегут — и день убийства за собою
Невидимо несут.

Он наступил; со страхом провожает
Варвик ночную тень:
Дрожи! (ему глас совести вещает)
Эдвинов смертный день!

Ужасный день: от молний небо блещет;
Отсюду вихрей стон;
Дождь ливня льет; волнами с воем плещет
Разлившийся Авон.

Вотще Варвик, среди веселий шума,
Цедит в бокал вино:
С ним за столом садится рядом Дума —
Питье отравлено.

Тоскующий и грозный призрак бродит
В толпе его гостей;
Везде пред ним: с лица его не сводит
Пронзительных очей.

И день угас, Варвик спешит на ложе...
Но и в тиши ночной
И на одре уединенном то же;
Там сон, а не покой.

И мнит он зреть прищельца из могилы,
Тень брата пред собой;
В чертах болезнь, лик бледный, взор унылый
И голос гробовой.

Таков он был, когда встречал кончину;
И тот же слышен глас,
Каким молил он быть отцом Эдвину
Варвика в смертный час.

«Варвик, Варвик, свершил ли данно слово?
Исполнен ли обет?
Варвик, Варвик, возмездие готово;
Готов ли твой ответ?»

Воспрянул он — глас смолкнул — разъяренно
Один во мгле ночной
Ревел Авон, — но для души смятенной
Был сладок бури вой.

Но вдруг — и въявь средь шума и волнения
Раздался смутный крик:
«Спеши, Варвик, спасись от потопленья,
Беги, беги, Варвик!»

И к берегу он мчится — под стеною
Уже Авон кипит;
Глухая ночь; одето небо мглою;
И месяц в тучах скрыт.

И молит он с поднятыми руками:
«Спаси, спаси, творец!»
И вдруг — мелькнул челнок между волнами;
И в челноке пловец.

Варвик зовет, Варвик манит рукою —
Не внемля шума волн,
Пловец сидит спокойно над кормою
И правит к берегу челн.

И с трепетом Варвик в челнок садится —
Стрелой помчался он...
Молчит пловец... молчит Варвик... вот, мнится,
Им слышен тяжкий стон.

На спутника уставил кормщик очи:
«Не слышался ли крик?» —
«Нет; просвистел в твой парус ветер ночи, —
Смутась, сказал Варвик. —

Правь, кормщик, правь, не скоро челн домчится,
Гроза со всех сторон».
Умолкнули... плывут... вот снова, мнится,
Им слышен тяжкий стон.

«Младенца крик! Он борется с волною;
На помощь он зовет!» —
«Правь, кормщик, правь, река покрыта мглою,
Кто там его найдет?»

«Варвик, Варвик, час смертный зреть ужасно;
Ужасно умирать;
Варвик, Варвик, младенцу ли напрасно
Тебя на помощь звать?»

Во мгле ночной он бьется меж водами;
Облит он хладом волн;
Еще его не видим мы очами,
Но он... наш видит челн!»

И снова крик слабеющий, дрожащий,
И близко челнока...
Вдруг в высоте рог месяца блестящий
Прорезал облака;

И с яркими слиялася лучами,
Как дым прозрачный, мгла,
Зрят на скале дитя между волнами;
И тонет уж скала.

Пловец гребет; челнок летит стрелою;
В смятении Варвик;
И озарен младенца лик луною;
И страшно бледен лик.

Варвик дрожит — и руку, страха полный,
К младенцу протянул —
И со скалы прыгнув младенец в волны
К его руке прильнул.

И вмиг... дитя, челнок, пловец незримы:
В руках его мертвец;
Эдвинов труп, холодный, недвижимый,
Тяжелый, как свинец.

Утихло все — и небеса и волны:
Исчез в водах Варвик;
Лишь слышали одни берега безмолвны
Убийцы страшный крик.

БАЛЛАДА,
в которой описывается,
как одна старушка ехала на черном коне вдвоем
и кто сидел впереди

На кровле ворон дико прокричал —
Старушка слышит и бледнеет.
Понятно ей, что ворон тот сказал:
Слегла в постель, дрожит, хладеет.

И вопит скорбно: «Где мой сын-чернец?
Ему сказать мне слово дайте;
Увы! я гибну; близок мой конец;
Скорей, скорей! не опоздайте!»

И к матери идет чернец святой:
Ее услышать покаянье;
И тайные дары несет с собой,
Чтоб утолить ее страданье.

Но лишь пришел к одру с дарами он,
Старушка в трепете завьла;
Как смерти крик ее протяжный стон...
«Не приближайся! — возопила.—

Не подноси ко мне святых даров;
Уже не в пользу покаянье...»
Был страшен вид ее седых волос
И страшно груди колыханье.

Дары святые сын отнес назад
И к страждущей приходит снова;
Кругом бродил ее потухший взгляд;
Язык искал, немея, слова.

«Вся жизнь моя в грехах погребена,
Меня отвергнул искупитель;
Твоя ж душа молитвой спасена,
Ты будь души моей спаситель.»

Здесь вместо дня была мне ночи мгла;
Я кровь младенцев проливала,
Власы невест в огне волшебном жгла
И кости мертвых похищала.

И казнь лукавый обольститель мой
Уж мне готовит в адской злобе;
И я, смутив чужих гробов покой,
В своем не успокоюсь гробе.

Ах! не забудь моих последних слов:
Мой труп, обвитый пеленою,
Мой гроб, мой черный гробовой покров
Ты окропи святой водою.

Чтоб из свинца мой крепкий гроб был слит,
Семью окован обручами,
Во храм внесен, пред алтарем прибит
К помосту крепкими цепями.

И цепи окропи святой водой;
Чтобы священники собором
И день и ночь стояли надо мной
И пели панихиду хором;

Чтоб пятьдесят на крылосах дьячков
За ними в черных рясах пели;
Чтоб день и ночь свечи у образов
Из воску ярого горели;

Чтобы звучней во все колокола
С молитвой день и ночь звонили;
Чтоб заперта во храме дверь была;
Чтоб дьяконы пред ней кадили;

Чтоб крепок был запор церковных врат;
Чтобы с полуночного бденья
Он ни на миг с растворов не был снят
До солнечного восхожденья.

С обрядом тем молитесь три дня,
Три ночи сряду надо мною:
Чтоб не достиг губитель до меня,
Чтоб прах мой принят был землею».

И глас ее быть слышен перестал;
Померкши очи закатились;
Последний вздох в груди затрепетал;
Уста, охолодев, раскрылись.

И хладный труп, и саван гробовой,
И гроб под черной пеленою
Священники с приличною мольбой
Опрыскали святой водою.

Семь обручей на гроб положены;
Три цепи тяжкими винтами
Вонзились в гроб и с ним утверждены
В помост пред царскими дверями.

И вспрыснуты они святой водой;
И все священники в собрание:
Чтоб день и ночь душе на упокой
Свершать во храме поминанье.

Поют дьячки все в черных стихарях
Медлительными голосами;
Горят свечѣ надгробны в их руках,
Горят свечѣ пред образами.

Протяжный глас и бледный лик певцов,
Печальный, страшный сумрак храма,
И тихий гроб, и длинный ряд попов
В тумане зыбком фимиама,

И горестный чернец пред алтарем,
Творящий до земли поклоны,
И в высоте дрожащим свеч огнем
Чуть озаренные иконы...

Ужасный вид! колокола звонят;
Уж час полуночного бденья...
И заперлись затворы тяжких врат
Перед начатием моления.

И в первую ночь от свеч веселый блеск.
И вдруг... к полночи за вратами
Ужасный вой, ужасный шум и треск;
И слышалось: гремят цепями.

Железных врат запор, стуча, дрожит;
Звонят на колокольне звонче;
Молитву клир усерднее творит,
И пение поющих громче.

Гудят колокола, дьячки поют,
Попы молитвы вслух читают,
Чернец в слезах, в кадилах ладан жгут,
И свечи яркие пылают.

Запел петух... и, смолкнувши, бегут
Враги, не совершив ловитвы;
Смелей дьячки на крылосах поют,
Смелей попы творят молитвы.

В другую ночь от свеч темнее свет,
И слабо теплятся кадилы,
И гробовой у всех на лицах цвет,
Как будто встали из могилы.

И снова рев, и шум, и треск у врат;
Грызут замок, в затворы рвутся;
Как будто вихрь, как будто шумный град,
Как будто воды с гор несутся.

Пред алтарем чернец на землю пал,
Священники творят поклоны,
И дым от свеч туманных побежал,
И потемнели все иконы.

Сильнее стук — звучней колокола,
И трепетней поющих голос:
В крови их хлад, объемлет очи мгла,
Дрожат колена, дыбом волос.

Запел петух... и прочь враги бегут,
Опять не совершив ловитвы;
Смелей дьячки на крылосах поют,
Попы смелей творят молитвы.

На третью ночь свечи едва горят;
И дым густой, и запах серный;
Как ряд теней, попы во мгле стоят;
Чуть виден гроб во мраке черный.

И стук у врат: как будто океан
Пред бурею ревет и воет,
Как будто степь песчаную оркан
Свистящими крылами роет.

И звонари от страха чуть звонят,
И руки им служить не вольны;
Час от часу страшнее гром у врат,
И звон слабее колокольный.

Дрожа, упал чернец пред алтарем;
Молиться силы нет; во прахе
Лежит, к земле прикинувши лицом;
Поднять глаза не смеет в страхе.

И певчих хор, досель согласный, стал
Нестройным криком от смятенья;
Им чудилось, что церковь зашатал
Как бы удар землетрясенья.

Вдруг затускнел огонь во всех свечах,
Погасли все и закурились;
И замер глас у певчих на устах,
Все трепетали, все крестились.

И раздалось... как будто оный глас,
Который грянет над гробами;
И храма дверь со стуком затряслась
И на пол рухнула с петлями.

И он предстал весь в пламени очам,
Свирепый, мрачный, разъяренный;
И вокруг него огромный божий храм
Казался печью раскаленной!

Едва сказал: «Исчезните!» цепям —
Они рассыпались золою;
Едва рукой коснулся обручам —
Они истлели под рукою.

И вскрылся гроб. Он к телу вопиёт:
«Восстань, иди вослед владыке!»
И проступил от слов сих хладный пот
На мертвом, неподвижном лице.

И тихо труп со стоном тяжким встал,
Покорен страшному призыванью;
И никогда здесь смертный не слышал
Подобного тому стенанью.

И ко вратам пошла она с врагом...
Там зрелся конь чернее ночи.
Храпит и ржет и пышет он огнем,
И как пожар пылают очи.

И на коня с добычей прынул враг;
И труп завыл; и быстротечно
Конь полетел, взвивая дым и прах;
И слух об ней пропал навечно.

Никто не зрел, как с нею мчался он...

Лишь страшный след нашли на праге;
Лишь внемля крик, всю ночь сквозь тяжкий сон
Младенцы вздрагивали в страхе.

КОРОЛЕВА УРАКА И ПЯТЬ МУЧЕНИКОВ

Пять чернецов в далекий путь идут;
Но им назад уже не возвратиться;
В отечестве им боле не молиться:
Они конец меж нехристей найдут.

И с набожной Уракой королевой,
Собравшись в путь, прощаются они:
«Ты нас в своих молитвах помяни,
А над тобой Христос с пречистой девой!

Послушай, три пророчества тебе
Мы, отходя, на память оставляем;
То суд небесный, он неизменяем;
Смирись, своей покорствуя судьбе.

В Марокке мы за веру нашей кровью
Омоем землю, там в последний час
Прославим мы того, кто сам за нас
Мучение приял с такой любовью.

В Коимбру наши грешные тела
Перенесут: на то святая воля,
Дабы смиренных мучеников доля
Для христиан спасением была.

И тот, кто первый наши гробы встретит
Из вас двоих, король иль ты, умрет
В ту ночь: наутро новый день взойдет,
Его ж очей он боле не осветит.

Прости же, королева, бог с тобой!
Вседневно за тебя молиться станем,
Пока мы живы; и тебя помянем
В ту ночь, когда конец настанет твой».

Пять чернецов, один после другога
Благословив ее, в свой путь пошли
И в Африку смиренно понесли
Небесный дар учения Христова.

«Король Альфонзо, знает ли что свет
О чернецах? Какая их судьбина?
Приял ли ум царя Мирамолина
Ученье их? Или уже их нет?»

«Свершилося великое их дело:
В небесную они вступили дверь;
Пред господом стоят они теперь
В венце, в одежде мучеников белой.

А их тела, под зноем, под дождем,
Лежат в пыли, истерзаны мученьем;
И верные почтить их погребеньем
Не смеют, трепеща перед царем».

«Король Альфонзо, из земли далекой
Какая нам о мучениках весть?
Оказана ль им погребенья честь?
Смягчился ли Мирамолин жестокий?»

«Свирепый мавр хотел, чтоб их тела
Без погребенья честного истлели,
Чтоб расклевал их вран иль псы их съели,
Чтоб их костей земля не приняла.

Но божии там молнии пылали;
Но божий гром всечасно падал там;
К почюющим в нетлении телам
Ни пес, ни вран коснуться не дерзали.

Мирамолин, сим чудом поражен,
Подумал: нам такие страшны гости.
И Педро, брат мой, взял святые кости;
Уж на пути к Коимбре с ними он».

Все алтари коимбрские цветами
И тканями богатыми блестят;
Все улицы коимбрские кипят
Шумящими, веселыми толпами.

Звонят в колокола, кадят, поют;
Священники и рыцари в собранье;
Готово все начать торжествованье,
Лишь короля и королеву ждут.

«Пойдем, жена моя Урака, время!
Нас ждут; собрался весь духовный чин».
«Пойди, король Альфонзо, ты один,
Я чувствую болезни тяжкой бремя».

«Но мощи мучеников исцелят
Твою болезнь в единое мгновенье:
За прежнее твое благоволение
Они теперь тебя вознаградят.

Пойдем же им во сретение с ходом;
Не замедляй процессии святой;
То будет грех и стыд для нас с тобой,
Когда мощей не встретим мы с народом».

На белого коня тогда она
Садится; с ней король; они за ходом
Тихонько едут; все кипит народом;
Дорога вся как цепь людей одна.

«Король Альфонзо, назади со мною
Не оставайся ты; спеши вперед,
Чтоб первому, предупредя народ,
Почтить святых угодников мольбою.

Меня всех сил лишает мой недуг,
И нужен мне хоть миг отдохновенья;
Последую тебе без замедленья...
Спеши ж вперед со свитою, мой друг».

Немедленно король коню дал шпоры
И поскакал со свитою вперед;
Уж назади остался весь народ,
Уж вдалеке их потеряли взоры.

Вдруг дикий вепрь им путь перебежал.
«Лови! лови!» (к своим нетерпеливым
Кричит король)—и конь его ретивый
Через поля за вепрем поскакал.

И вепря он гоняет. Той порою
Медлительно во сретенье мощей
Идет Урака с свитою своей,
И весь народ валит за ней толпою.

И вдалеке представился им ход:
Идут, поют, несут святые раки;
Уже они пред взорами Ураки,
И с нею в прах простерся весь народ.

Но где ж король? Увы! Урака плачет:
Исполниться пророчеству над ней!
И вот, глядит... со свитой своей,
Оконча лов, король Альфонзо скачет.

«Угодники святые, за меня
Вступитесь! (она гласит, рыдая)
Мне помощи, о дева пресвятая,
В последний час решительного дня».

И в этот день в Коимбре все ликует;
Народ поет; все улицы шумят;
Нерадостен лишь королевин взгляд;
На празднике она одна тоскует.

Проходит день, и праздник замолчал;
На западе давно уж потемнело;
На улицах Коимбры опустело;
И тихо час полночный наступал.

И в этот час во храме том, где раки
Угодников стояли, был монах:
Святым мощам молился он в слезах;
То был смиренный духовник Ураки.

Он молится... вдруг час полночный бьет;
И поражен чудесным он виденьем;
Он видит: в храм с молитвой, с тихим пеньем
Толпа гостей таинственных идет.

В суровые одеты власяницы,
Веревкою обвязаны простой;
Но блеск от них исходит неземной,
И светятся преображенны лица.

И в сонме том блистательней других
Являлися пять иноков, как братья;
Казалось, кровь их покрывала платья,
И ветви пальм в руках сияли их.

И тот, кто вел пришельцев незнакомых,
Казалось, был еще земли жилец;
Но и над ним горел лучей венец,
Как над святой главою им ведомых.

Пред алтарем они, устроясь в ряд,
Запели гимн торжественно-печальный:
Казалось, свершали погребальный
За упокой души они обряд.

«Скажите, кто вы? (чудом изумленный,
Спросил святых пришельцев духовник)
О ком поет ваш погребальный лик?
О чьей душе вы молитесь блаженной?»

«Угодников святых ты слышишь глас;
Мы братья их, пять чернецов смиренных:
Сопричтены за муки в лик блаженных;
Отец Франциск живой предводит нас.

Исполнили мы королеве данный
Обет: ее теперь возьмет земля;
Поди отсель, уведомя короля
О том, чему ты зритель был избранный».

И скрылось все... Оставив храм, чернец
Спешит к Альфонзу с вестию печальной...
Вдруг тяжело звон раздался погребальный:
Он королевин возвестил конец.

ТОМАС

КЕМПЛЬЕЛ

УЛЛИН И ЕГО ДОЧЬ

Был сильный вихорь, сильный дождь;
Кипя, ярилася пучина;
Ко берегу Рино, горный вождь,
Примчался с дочерью Уллина.

«Рыбак, прими нас в твой челнок;
Рыбак, спаси нас от погони;
Уллин с дружиной недалек:
Нам слышны крики; мчатся кони».

X. Л. БРАУНЕ

«Ты видишь ли, как зла вода?
Ты слышишь ли, как волны громки?
Пускаться плыть теперь беда:
Мой челн не крепок, весла ломки».

«Рыбак, рыбак, подай свой челн;
Спаси нас, сколь ни зла пучина,
Пощада может быть от волн —
Ее не будет от Уллина!»

Гроза сильней, пучина злей,
И ближе ближе шум погони;
Им слышен тяжкий храп коней,
Им слышен стук мечей о брони.

«Садитесь, в добрый час; плывем».
И Рино сел, с ним дева села;
Рыбак отчалил; челноком
Седая бездна овладела.

И смерть отвсюду им: открыт
Пред ними зев пучины жадный;
За ними с берега грозит
Уллин, как буря беспощадный.

Уллин ко берегу прискакал;
Он видит: дочь уносят волны;
И гнев в груди отца пропал,
И он воскликнул, страха полный:

«Мое дитя, назад, назад!
Прощенье! возвратись, Мальвина!»
Но волны лишь ответ шумят
На зов отчаянный Уллина.

Ревет гроза, черна как ночь;
Летает челн между волнами;
Сквозь пену их он видит дочь
С простертыми к нему руками.

«О, возвратися, возвратись!»
Но грозно раздалась пучина,
И волны, челн пожрав, слились
При крике жалобном Уллина.

ГЛЕНАРА

О, слышите ль вы тот напев гробовой?
Толпа там проходит печальной чредой.
Вождь горный Гленара супруги лишен,
Ее хоронить всех родных созвал он.

И первый за гробом Гленара идет,
И клан весь за ним, но никто слез не льет;
Идут они молча чрез поле, чрез бор,
В плащи завернулись, потупили взор.

И молча дошли до равнины одной,
Где рос одинокий дуб, черный, густой.
«Жену хоронить здесь я место избрал,—
Что ж все вы молчите? — Гленара сказал.—

Ответствуйте мне: что же все вы кругом
Плащами закрылись? так мрачны лицом?»
Вождь грозный спросил их: плащ каждый упал,
И в каждой деснице сверкает кинжал.

«Мне снилось о гробе супруги твоей,—
Воскликнул один из угрюмых гостей,—
Гроб этот пустым показался мне он.
Гленара! Гленара! толкуй мне мой сон!»

Гленара бледнеет, и гроб пред толпой
Открыт уж,—и нет в нем жены молодой;
И гость-обвинитель страшней повторил
(Несчастную жертву он тайно любил):

«Мне снились страданья супруги твоей;
Мне снилось, что вождь наш — бесчестный злодей,
Что бросил жену на скале где-то он.
Гленара! Гленара! толкуй мне мой сон!»

Упал на колени преступник во прах,
Открыл, где покинул супругу в слезах.
С пустынной скалы возвратилась она,
И вновь с нею радость друзьям отдана.

ТОМАС

МДЖР

ФЕЯ ГОР

Вдали от страхов и суеты
Жил юный отрок, не зная беды.
Но свет затмился с тех самых пор,
Как ему привиделась Фея Гор.

Когда однажды при свете Луны
Он берегом шел, обходя валуны,
Пред ним на песке проступил узор—
Следы заколдованной Феи Гор.

Когда он лежал, склонясь над водой,
Пронизанной солнцем и золотой,
Его ожег нестерпимый взор—
Он увидел в том зеркале Фею Гор.

Он обернулся, скрывая испуг.
Но дух ускользнул! — и нежнейший звук,
Как птичья трель, огласил простор—
Так пела волшебная Фея Гор.

Однажды, преодолевая бред,
Он, встав в ночи, набросал портрет.
Вгляделся, узнал и тотчас же стер
Черты несравненные Феи Гор.

«О ты, влюбленный во тьму нелюдим! —
Раздался голос, не слышанный им.—
Оглянись и гляди!» — Был горяч и скор
Поцелуй очарованной Феи Гор.

«Все духи земли и глубины морской,—
Он прошептал,— не сравнятся с тобой!
Навещай и впредь сей ветхий шатер,
Неземная, любимая Фея Гор».

У. Х. РОБИНСОН

ДЖОРДЖ ГОРДОН НОЭЛ

БАИРОН

ВИДЕНИЕ ВАЛТАСАРА

Царь на троне сидит;
Перед ним и за ним
С раболепством немым
Ряд сатрапов стоит.
Драгоценный чертог
И блестит и горит,
И земной полубог
Пир устроить велит.
Золотая волна
Дорогого вина
Нежит чувства и кровь;
Звуки лир, юных дев
Сладострастный напев
Возжигают любовь.
Упоен, восхищен,
Царь на троне сидит —
И торжественный трон
И блестит и горит...
Вдруг — неведомый страх
У царя на челе
И унынье в очах,
Обращенных к стене.
Умолкает звук лир
И веселых речей,
И расстроенный пир
Видит (ужас очей!):
Огневая рука
Исполинским перстом
На стене пред царем
Начертала слова...
И никто из мужей,
И царевых гостей,
И искусных волхвов
Силы огненных слов
Изъяснить не возмог.
И земной полубог
Омрачился тоской...
И еврей молодой
К Валтасару предстал
И слова прочитал:
Мани, фекел, фарес!

Вот слова на стене,
Волю бога с небес
Возвещают оне.
Мани значит: *монарх,*
Кончил царствовать ты!
Град у персов в руках —
Смысл средней черты;
Фарес — третья — гласит:
Ныне будешь убит!..
Рек — исчез... Изумлен,
Царь не верит мечте.
Но чертог окружен
И... он мертв на щите!..

ПОРАЖЕНИЕ СЕННАХЕРИБА

1

Ассирияне шли, как на стадо волки,
В багреце их и в злате сияли полки,
И без счета их копы сверкали окрест,
Как в волнах галилейских мерцание звезд.

2

Словно листья дубравные в летние дни,
Еще вечером так красовались они;
Словно листья дубравные в вихре зимы,
Их к рассвету лежали рассеяны тьмы.

3

Ангел смерти лишь на ветер крылья простиер
И дохнул им в лицо — и померкнул их взор,
И на мутные очи пал сон без конца,
И лишь раз поднялись и остыли сердца.

4

Вот расширивший ноздри повергнутый конь,
И не пышет из них гордой силы огонь,
И как хладная влага на бреге морском,
Так предсмертная пена белеет на нем.

5

Вот и всадник лежит, распростертый во прах,
На броне его ржа и роса на власах;
Безответны шатры, у знамен ни раба,
И не свищет копы, и не трубит труба.

И Ассирии вдов слышен плач на весь мир,
 И во храме Ваала низвержен кумир,
 И народ, не сраженный мечом до конца,
 Весь растаял, как снег, перед блеском творца!

БАЛЛАДА

Берегись! берегись! над Бургосским путем
 Сидит один черный монах;
 Он бормочет молитву во мраке ночном,
 Панихиду о прошлых годах.
 Когда мавр пришел в наш родимый дол,
 Оскверняячи церкви порог,
 Он без дальних слов выгнал всех чернецов;
 Одного только выгнать не мог.
 Для добра или зла (я слышал не один,
 И не мне бы о том говорить),
 Когда возвратился тех мест господин,—
 Он никак не хотел уходить.
 Хоть никто не видал, как по замку блуждал
 Монах, но зачем возражать?
 Ибо слышал не раз я старинный рассказ,
 Который страшусь повторять.
 Рождался ли сын— он рыдал в тишине;
 Когда ж прекратился сей род,
 Он по звучным полам при бледной луне
 Бродил и взад и вперед.

ДЖОН

КУИТС

LA BELLE DAME SANS MERCI¹

«Зачем, о рыцарь, бродишь ты,
 Печален, бледен, одинок?
 Поник тростник, не слышно птиц,
 И поздний лист поблек.

Зачем, о рыцарь, бродишь ты,
 Какая боль в душе твоей?
 Полны у белок закрома,
 Весь хлеб свезен с полей.

¹ Беспощадная прекрасная дама (фр.).

Р. АННИНГБЕЛЛ

Смотри: как лилия в росе,
Твой влажен лоб, ты занемог.
В твоих глазах застывший страх.
Увяли розы щек».

Я встретил деву на лугу,
Она мне шла навстречу с гор.
Летающий шаг, цветы в кудрях,
Блестящий дикий взор.

Я сплел из трав душистых ей
Венок, и пояс, и браслет
И вдруг увидел нежный взгляд,
Услышал вздох в ответ.

Я взял ее в седло свое,
Весь долгий день был только с ней.
Она глядела молча вдаль
Иль пела песню фей.

Нашла мне сладкий корешок,
Дала мне манну, дикий мед.
И странно прошептала вдруг:
«Любовь не ждет!»

Ввела меня в волшебный грот
И стала плакать и стенать.
И было дикие глаза
Так странно целовать.

И убаюкала меня,
И на холодной крутизне
Я все забыл в глубоком сне,
В последнем сне.

Мне снились рыцари любви,
Их боль, их бледность, вопль и крип:
La belle dame sans merci
Ты видел, ты погиб!

Из жадных, из разверстых губ
Живая боль кричала мне.
И я проснулся — я лежал
На льдистой крутизне.

И с той поры мне места нет,
Брожу печален, одинок,
Хотя не слышно больше птиц
И поздний лист поблек.

ТОМАС

Т. Д.

ДЖОН ДЕЙ

Патетическая баллада

Краса и гордость кучеров,
Джон Дей был грозно-тучен,
И ширь его смущала всех,
Кто к шири не приучен.

Лишь взгромоздится на задки,
А лошадей шатает:
Легко ли снести такую честь!
Силенок не хватает.

Увы! Никто не убежит
Всевластья Купидона.
И вот коварная стрела
Впилась в жилетку Джона.

Он полюбил. Она была
Служанкой из таверны,
Где он, меняя лошадей,
Служил ей правдой верной.

Прелестниц полон дилижанс,
Рядком сидят снаружи.
А для него — одна она,
Ему никто не нужен.

Раз он вошел — она сидит,
Пивные кружки сушит.
И рухнул Джон, вконец сражен,
Пред нею всею тушей.

Она в ответ: «Ах, сударь, нет!..
Ваш вид уж больно странен.
Такой размах, что просто страх...»
Но Джон был страстью ранен.

Уж он стонал, уж он стenal,
Уж он вздыхал, тоскуя!..
Проходит год, второй идет.
Кокетка — ни в какую.

Уперлась — хоть ты расшибись!
Кричит ему бесстыже:
«Катись ты в Ковентри, толстяк!»
(Хоть Страуд много ближе.)

И он катил под скрип колес,
Упорен и беззлобен:
Непредсказуем путь любви
И трясок от колдобин.

Бедняк ослаб и побледнел,
Он таял, точно свечка.
Ему хотя бы нежный взгляд,
Единое словечко!

«О Мэри, глянь: я сух и тощ,
Вконец от страсти сгину.
И не женат, а потерял
Почти что половину».

Но нет, не трогают мольбы
Ни глаз ее, ни слуха.
А Джона ветром долу гнет,
Крылом сшибает муха.

Он даже больше не тощал,
Усохнув до предела.
И понял Джон, что он смешон,
А жить смешным не дело.

Опасен водный рацион,
И вы в него не верьте:
Бедняга Джон лишь воду пил —
И допился до смерти.

Приходит Мэри поутру,
А к ужасу красоты,
Торчат из бочки во дворе
Лишь мокрые подметки...

Есть слух, что бродит Джонов дух
Округой, безутешен.
Но кто поверит, чтобы Джон
Бродил по свету пешим?

АЛЬФРЕД

МЕЖУНСОН

СТРАНСТВИЯ МАЛЬДУНА

1

Я был предводителем рода — он убил моего отца,
Я созвал товарищей верных — и поклялся мстить до конца,
И каждый царем был по виду, и был благороден и смел,
И древностью рода гордился, и песни геройские пел,
И в битве бестрепетно бился, на беды взирая светло,
И каждый скорее бы умер, чем сделал кому-нибудь зло.
Он жил на острове дальнем, и в море мы чуяли след:
Убил он отца моего перед тем как увидел я свет.

2

И мы увидали тот остров, и он у прибоя стоял.
Но с вихрем в безбрежное море нас вал разъяренный умчал.

3

Мы приплыли на Остров Молчанья, где был берег и тих и
высок,
Где прибой океана безмолвно упал на безмолвный песок,
Где беззвучно ключи золотились и с угрюмых скалистых
громад.
Как застывший в порыве широком, изливался немой
водопад.
И, не тронуты бурей, виднелись кипарисов недвижимых
черты,
И сосна от скалы устремлялась, уходя за предел высоты,
И высоко на небе, высоко, позабывши о песне своей,
Замечтавшийся жаворонок реял меж лазурных бездонных
зыбей.
И собака не смела залаять, и медлительный бык не мычал,
И петух повторительным криком зароженье зари не
встречал,
И мы все обошли, и ни вздоха от земли не умчалось
в твердь,
И все было, как жизнь, лучезарно, и все было спокойно,
как смерть.
И мы проклинали остров прекрасный, и мы проклинали
светлую тишь:

Мы кричали, но нам показалось — то кричала летучая
мышь,
Так был тонок наш голос бессильный, так был слаб наш
обманчивый зов,
И бойцы, что властительным криком поднимали дружины
бойцов,
Заставляя на тысячи копий устремляться, о смерти забыв,
И они, и они онемели, позабыли могучий призыв
И, проникшись взаимной враждою, друг на друга не смели
взглянуть.
Мы покинули Остров Молчанья и направили дальше свой
путь.

4

Мы приблизились к Острову Криков, мы вступили на
землю, и вмиг
Человеческим голосом птицы над утесами подняли крик.
Каждый час лишь по разу кричали, и как только раскат
замолкал,
Умирала колосья на нивах, как подстреленный бык упал,
Бездыханными падали люди, на стадах выступала чума,
И в очаг опускалася крыша, и в огне исчезали дома.
И в сердцах у бойцов эти крики отозвались, зажглись, как
огни,
И протяжно они закричали, и пустились в схватку они,
Но я рознял бойцов ослепленных, устремлявшихся грудью
на грудь,
И мы птицам оставили трупы и направили дальше свой
путь.

5

Мы приплыли на Остров Цветов, их дыханьем дышала
волна,
Там всегда благовонное лето, и всегда молодая весна.
Ломонос голубел на утесах, страстоцвет заплетался в венок,
Мириадами венчиков нежных и мерцал и звездился
вьюнок.
Вместо снега покровы из лилий покрывали покатою гор,
Вместо глетчеров глыбы из лилий уходили в багряный
простор,
Между огненных маков, тюльпанов, миллионов пурпурных
цветов,
Между терна и роз, возникавших из кустов без шипов и
листов.

И уклон искрометных утесов, как поток драгоценных
каменной,
Протянувшись от моря до неба, весь играл переливом
огней,
Мы блуждали по мысам шафрана и смотрели, как остров
блестит,
Возлежали на ложах из лилий и гласили, что Финн
победит.
И засыпаны были мы пылью, золотистою пылью цветов,
И томились мы жгучею жаждой и напрасно искали плодов,
Все цветы и цветы за цветами, все блистают цветы пеленой,
И мы проклинали Остров Цветущий, как мы проклинали
Остров Немой.
И мы рвали цветы и топтали, и не в силах мы были
вздохнуть,
И оставили голые скалы, и направили дальше свой путь.

6

Мы приплыли на Остров Плодов, и плоды золотились,
горя,
Бесконечные сочные гроздья отливались огнем янтаря,
Точно солнце, желтелася дыня на рассыпчатом красном
песке,
И с отлогого берега смоква поднималась, блестя вдалеке,
И гора, как престол, возносилась и роняла оттенки в
залив
От мерцания груш золотистых, от сверкания рдеющих
слив,
И лоза вокруг лозы извивалась, вызревающих ягод полна,
Но в плодах ароматных скрывалась ядовитая радость вина.
И вершина утеса, из яблок, величайших из всех на земле,
Разрасталась без листьев зеленых, и тонула в сверкающей
мгле,
И краснелась нежней, чем здоровье, и румянилась ярче
стыда,
И заря багрянец лучезарный не могла превзойти никогда.
Мы три дня упивались плодами, и безумье нахлынуло
сном,
И друзья за мечи ухватились и рубились в безумье слепом,
Но плоды я вкушал осторожно, и, чтоб разум ослепшим
вернуть,
Я сказал им о мести забытой,—мы направили дальше
свой путь.

Мы приплыли на Остров Огня, он манил нас, блистая в
 воде,
 Он вздымался на целую милю, устремляясь к Полярной
 звезде.
 И едва на ногах мы стояли, созерцая огонь голубой,
 Потому что весь остров качался, как объятый
 предсмертной борьбой,
 И безумны мы были от яда золотых ядовитых плодов,
 И, боясь, что мы бросимся в пламя, натянули мы сеть
 парусов,
 И уплыли скорее подальше, и сокрылась от взоров земля,
 Мы увидели остров подводный, под водою — светлей
 хрустала,
 И глядели мы вниз и дивились, что за рай там блаженный
 блистал,
 Там стояли старинные башни, там вздымался безмолвный
 портал
 Безмятежных дворцов, как виденья, как поля
 невозбранного сна.
 И для сердца была так призывна голубая, как твердь,
 глубина,
 Что из лучших воителей трое поспешили скорей утонуть,—
 Глубь задернулась быстрою зыбью, мы направили дальше
 свой путь.

Мы прибыли на Остров Щедрот, небеса были низки над
 ним,
 И с рассветом лучистые длани облака раздвигали, как дым,
 И для каждого падала пища, чтоб он мог не работать весь
 день,
 До того, как на западе встанет золотая вечерняя тень.
 Еще не был наш дух беспокойный так пленительно-ласков
 и тих,
 И мы пели о Финне могучем и о древности предков своих.
 Мы сидели, покаясь и нежась, у истоков певучих ключей.
 И мы пели звучнее, чем барды, о судьбе легендарных
 царей.
 Но потом утомились мы негой, и вздыхали, и стали роптать,
 И мы проклиjali Остров Блаженный, где могли без помехи
 мечтать,
 И мы проклиjali Остров Зеленый, потому что он наш был
 везде,
 Потому что врага не могли мы — не могли отыскать мы
 нигде.

И мы в шутку швыряли камень, мы как будто играли в шары,
Мы играть захотели в сраженье, захотели опасной игры,
Потому что кипучие страсти нам томили мятежную грудь,
И, насытившись дикой резнею, мы направили дальше свой путь.

9

Мы приплыли на Остров Колдуний, и певучий услышали зов —
«О, придите, придите, придите!» — прозвучало над зыбью валов,
И огнистые тени дрожали, от небес упадая к земле,
И нагая, как небо, колдунья восставала на каждой скале,
И толпы их белели на взморье, словно чайки над пеной валов,
И толпы их резвились, плясали на обломках погибших судов,
И толпы их бросались в волны освежить белоснежную грудь,
Но я знал, в чем опасность, и дальше поскорей мы направили путь

10

И в недоброе время достигли мы до Острова Башен Двойных,
Из камней полированных башня и пред ней из цветов вырезных
Возносились обе высоко, но дрожали пещеры внизу,
Ударялись башни, звенели и гремели, как небо в грозу,
И гудели призывным набатом, точно яростный возглас громов,
И раскаты проникли до сердца разгоревшихся гневом бойцов.
И за башню камней разноцветных, и за башню цветов вырезных
Меж бойцами резня разразилась, — и на Острове Башен Двойных
Вплоть до вечера буря господня лишь смолкала затем, чтоб сверкнуть,
И, оставивши много убитых, мы направили дальше свой путь.

Мы приплыли на Остров Святого, что когда-то с Брэнданом
 уплыл,
 Он на острове жил неотлучно и уж старцем-святителем
 был.
 Еле слышен был голос святого, словно голос далеких
 миров,
 И к ногам борода упала белизною нагорных снегов.
 Он сказал мне: «Ты злое задумал. О Мальдун, ты живешь
 как во сне,
 Ты забыл, что сказал нам всевышний,— он сказал нам:
 «Отмщение — мне».
 Умерщвлен был твой прадед, отмщен был, и за кровь
 пролита была кровь,
 И убийство сменялось убийством, и убийство свершалось
 вновь.
 О, доколе все это продлится? Нет конца помышлениям
 злым.
 Возвращайся же к острову Финна, пусть Былое пребудет
 Былым».
 И края бороды белоснежной мы лобзали, вздохнув от
 борьбы,
 Мы молились, услыша, как старец воссылал пред
 всевышним мольбы,
 И смирил нас преклонный святитель, и главу опустил он
 на грудь,
 Мы печально корабль снарядили и направили дальше свой
 путь.

И мы вновь увидали тот остров, и убийца на взморье
 стоял,
 Но мы мимо проплыли безмолвно, хоть на остров нас вал
 увлекал.
 О, устал я, устал от скитаний, от волнений, борьбы и
 грехов.
 И приблизился к острову Финна только с горстью
 угрюмых бойцов.

РОБЕРТ

БРЕННИ

КАК ПРИВЕЗЛИ ДОБРУЮ ВЕСТЬ ИЗ ГЕНТА В АХЕН

Я — в стремя, а Йорис и Дирк уж в седле.
Хлестнули, взвились и помчались во мгле.
«Дай бог!» — крикнул страж у подъемных ворот.
«Бог!» — гулом ответили стены и свод.
Ворота упали, погасли огни,
И в ночь унеслись мы галопом, одни.

Безмолвны, бок о бок, седло у седла,
Пригнувшись к луке, натянув удила.
К подпруге склоняясь, я ослабил ее,
Уставил во тьму боевое копые,
Испытанный шлем свой надвинул на лоб.
Спокоен был Роланда мощный галоп.

Мы близились к Локерну. Месяц погас.
Петух возвестил нам предутренний час.
Вот Ббoм — и большая звезда в вышине.
Как сладко покоится Дьюфффильд во сне!
Вот Мехельн — три раза на ратуше бьет.
Тут Йорис дал шпоры и крикнул: «Вперед!»

Над Арсхотом брезжил рассвет. У пруда
В белесом тумане чернели стада.
Но вот и заря — и, подобный скале,
Стал виден мой Роланд в редующей мгле.
Как делит скала набегающий вал,
Он в мутные клочья туман разрывал.

Мой смелый! Ты скачешь в степной тишине,
Ты ухом прядешь, обращенным ко мне,
На зов мой скосил ты свой умный, живой,
Свой черный зрачок с голубою каймой,
Клокочет кипящею пеной твой рот,
И каплет с боков остывающий пот.

Мы в Хассельте. «Йорис!» — «Что, Дирк, отстаешь?
Не шпорь понапрасну, гнедой был хорош.
Ты вспомнишь не раз о лихом скакуне.

Но он изменил—по своей ли вине?
Измучен твой конь, он дрожит и храпит,
И мыло на брюхе и бедрах кипит».

Мы скачем вдвоем. О, как чист небосвод!
Мы в Лóозе—мимо! Мы в Тонгре—вперед!
Мы желтое жнивье копытами бьем,
А солнце смеется и жжет нас огнем.
Вон Далем в горячей полдневной пыли.
«Гони!—услыхал я.—То Ахен вдали!»

Так Йорис мне вслед прохрипел, и за мной
Пал камнем на землю его вороной.
Лишь Роланд мой скачет, он Ахен спасет,
Он гибнущим добрую весть принесет,
Хоть кровь выкипает из жарких ноздрей,
Хоть глаз ободки все мутней и красней.

Швырнул я доспехи в клубящийся прах,
Я скинул ботфорты, привстал в стременах,
Трепал его гриву, и с ним говорил,
Молил, заклинал, и ласкал, и корил.
Я пел, я смеялся, кричал и свистел,
И весело в Ахен мой Роланд влетел.

Что было потом—вспоминаю с трудом.
Сидел меж друзей я на пире хмельном.
Мой Роланд прижался ко мне головой—
Вином я поил тебя, конь боевой!
И каждый воздал победителю честь,
Из Гента примчавшему добрую весть.

РОБЕРТ ЛУИС

СТИХОВЕЖЕНОН

ВЕРЕСКОВЫЙ МЕД

Из вереска напиток
Забыт давным-давно.
А был он слаще меда,
Пьянее, чем вино.

В котлах его варили
И пили всей семьей
Малютки-медовары
В пещерах под землей.

Пришел король шотландский,
Безжалостный к врагам,
Погнал он бедных пиктов
К скалистым берегам.

На вересковом поле,
На поле боевом,
Лежал живой на мертвом
И мертвый — на живом.

Лето в стране настало,
Вереск опять цветет,
Но некому готовить
Вересковый мед.

В своих могилках тесных,
В горах родной земли,
Малютки-медовары
Приют себе нашли.

Король по склону едет
Над морем на коне,
А рядом реют чайки
С дорогой наравне.

Король глядит угрюмо:
«Опять в краю моем
Цветет медвяный вереск,
А меда мы не пьем!»

Но вот его вассалы
Приметили двоих
Последних медоваров,
Оставшихся в живых.

Вышли они из-под камня,
Щурясь на белый свет, —
Старый горбатый карлик
И мальчик пятнадцати лет.

К берегу моря крутому
Их привели на допрос,
Но ни один из пленных
Слова не произнес.

Сидел король шотландский
Не шевелясь в седле.
А маленькие люди
Стояли на земле.

Гневно король промолвил:
— Пытка обоих ждет,
Если не скажете, черти,
Как вы готовили мед!—

Сын и отец молчали,
Стоя у края скалы.
Вереск звенел над ними,
В море катились валы.

И вдруг голосок раздался:
— Слушай, шотландский король.
Поговорить с тобою
С глазу на глаз позволь!

Старость боится смерти.
Жизнь я изменой куплю,
Выдам заветную тайну!—
Карлик сказал королю.

Голос его воробьиный
Резко и четко звучал:
— Тайну давно бы я выдал,
Если бы сын не мешал!

Мальчику жизни не жалко,
Гибель ему нипочем.
Мне продавать свою совесть
Совестно будет при нем.

Пускай его крепко свяжут
И бросят в пучину вод—
И я научу шотландцев
Готовить старинный мед!—

Сильный шотландский воин
Мальчика крепко связал
И бросил в открытое море
С прибрежных отвесных скал.

Волны над ним сомкнулись.
Замер последний крик.
И эхом ему ответил
С обрыва отец-старик:

— Правду сказал я, шотландцы,
От сына я ждал беды:
Не верил я в стойкость юных,
Не бреющих бороды.

А мне костер не страшен.
Пускай со мной умрет
Моя святая тайна—
Мой вересковый мед!

РЕДЬЯРД

КИПЛИНГ

ТОМЛИНСОН

И стало так!—усоп Томлинсон в постели на Беркли-сквер,
И за волосы его схватил посланец надмирных сфер.

Схватил его за волосы Дух и черт-те куда повлек,—
И Млечный Путь гудел по пути, как вздутый дождем
поток.

И Млечный Путь отгудел вдали—умолкла звездная марь,
И вот у Врат очутились он», где сторожем Петр-ключарь.

«Предстань, предстань и нам, Томлинсон, четко и ясно
ответь,
Какое добро успел совершить, пока не пришлось помереть;

Какое добро успел совершить в юдоли скорби и зла!»
И стала вмиг Томлинсона душа, что кость под дождями,
бела.

«Оставлен мною друг на земле — наставник и духовник,
Сюда явись он, — сказал Томлинсон, — изложит все
напрямик».

«Отметим: ближний тебя возлюбил, — но это мелкий пример!
Ведь ты же, брат, у Небесных Врат, а это — не
Беркли-сквер;

Хоть будет поднят с постели твой друг, хоть скажет он за
тебя, —
У нас — не двое за одного, а каждый сам за себя».

Горé и долу зрел Томлинсон и не узрел ни черта —
Нагие звезды глумились над ним, а в нем — была пустота.

А ветер, дующий меж миров, взвизгнул, как нож на ребре,
И стал отчет давать Томлинсон в содеянном им добре:

«Про это — я читал, — он сказал, — это — слышал стороной,
Про это думал, что думал другой о русской персоне одной».

Безгрешные души толклись позади, как голуби у летка,
А Петр-ключарь ключами брэнчал, и злость брала старика.

«Думал, читал, слышал, — он сказал, — это все про других!
Во имя бывшей плоти своей реки, о путях своих!»

Вспять и встречь взглянул Томлинсон и не узрел ни черта;
Был мрак сплошной за его спиной, а впереди — Врата.

«Это я знал, это — считал, про это — где-то слышал,
Что кто-то читал, что кто-то писал про шведа, который
пахал».

«Знал, считал, слышал, — ну и ну! — и сразу лезть во Врата!
К чему небесам внимать словесам — меж звезд и так
теснота!»

За добродетели духовника, ближнего или родни
Не обретет господних щедрот пленник земной суетни.

Отыди, отыди ко Князю Лжи, твой жребий не завершен!
И... да будет вера твоей Беркли-сквер с тобою там,
Томлинсон!»

Волок его за волосы Дух, стремительно падая вниз,
И возле Пекла поверглись они, Созвездья Строптивости
близ,

Где звезды красны от гордыни и зла, или белы от
невзгод,
Или черным-черны от греха, какой и пламя неймет.

И длят они путь свой или не длят — на них проклятье
пустынь;
Их ни одна не помянет душа — гори они или стынь.

А ветер, дующий меж миров, так выстудил душу его,
Что адских пламён искал Томлинсон, как очага своего.

Но у решетки Адовых Врат, где гиблых душ не сочтешь,
Дьявол пресек Томлинсонову прыгть, мол, не ломись —
не пройдешь!

«Низко ж ты ценишь мой уголек, — сказал Поверженный
Князь, —
Ежели в ад вознамерился влезть, меня о том не спросясь!

Я слишком с Адамовой плотью в родстве, мной небрегать
не резон,
Я с богом скандалю из-за него со дня, как создан был он.

Садись, садись на изгарь и мне четко и ясно ответь,
Какое зло успел совершить, пока не пришлось помереть».

И Томлинсон поглядел горé и увидел в Адской Дыре
Чрево кроваво-красной звезды, казнимой в жуткой жаре.

И долу Томлинсон поглядел и увидел сквозь Адскую Мглу
Темя молочно-белой звезды, казнимой в жутком пыли.

«В былые дни на земле, — он сказал, — меня обольстила
одна,
И, если ты ее призовешь, на всё ответит она».

«Учтем: не глуп по части прелюб, — но это мелкий пример!
Ведь ты же, брат, у Адовых Врат, а это — не Беркли-сквер;

Хоть свистнем с постели твою любовь — она не придет
небось!
За грех, совершенный двоими вдвоем, каждый ответит
поврозь!»

А ветер, дующий меж миров, как нож его потрошил,
И Томлинсон рассказывать стал о том, как в жизни
грешил:

«Однажды я взял и смерть осмеел, дважды — любовный
искус,
Трижды я господа бога хулил, чтоб знали, каков я
не трус».

Дьявол печеную душу извлек, поплевал и отставил стыть:
«Пустая тцета на блажного шута топливо переводить!

Ни в пошлых шутках не вижу цены, ни в глупом
фиглярстве твоём,
И незачем мне джентльменов будить, спящих у топки
втроем!»

Участия Томлинсон не нашел, встречу воззрившись и
вспять.
От Адовых Врат ползла пустота опять в него и опять.

«Я же слышал,—сказал Томлинсон.—Про это ж была
молва!
Я же в бельгийской книжке читал французского лорда
слова!»

«Слышал, читал, узнал,—ну и ну!—мастер ты бредни
молоть!
Сам ты гордыне своей угождал? Тешил греховную плоть?»

И Томлинсон решетку затряс, вопя: «Пусти меня в Ад!
С женою ближнего своего я плотски был близковат!»

Дьявол слегка улыбнулся и сгреб угли на новый фасон:
«И это ты вычитал, а, Томлинсон?» — «И это!» — сказал
Томлинсон.

Нечистый дунул на ногти, и вмиг отряд бесенят возник,
И он им сказал: «К нам тут нахал мужеска пола проник!

Просеять его между звездных сит! Просеять малейший
прок!
Адамов род к упадку идет, коль вверил такому порок!»

Эмпузина рать, не смея взирать в огонь из-за голизны
И плачась, что грех им не дал утех,—по младости, мол,
не грешны!—

По углям помчалась за сирой душой, копясь в ней без
конца;
Так дети шарят в вороньем гнезде или в ларце отца.

И вот, клочки назад протацив, как дети, натешившись
впрок,
Они доложили: «В нем нету души, какою снабдил его бог!

Мы выбили бред брошюр и газет, и книг, и вздорный
сквозняк,
И уйму краденых душ, но его души не найдем никак!

Мы катали его, мы мотали его, мы пытали его огнем,
И, если как надо был сделан досмотр, душа не находится
в нем!»

Нечистый голову свесил на грудь и басовито изрек:
«Я слишком с Адамовой плотью в родстве, чтоб этого
гнать за порог.

Здесь Адская Пасть, и ниже не пасть, но если б таких я
пускал,
Мне б рассмеялся за это в лицо кичливый мой персонал;

Мол, стало не пекло у нас, а бордель, мол, я не хозяин,
а мот!
Ну, стану ль своих джентльменов я злить, ежели гость —
идиот?»

И дьявол на душу в клочках поглядел, ползущую в самый
пыль,
И вспомнил о Милосердье Святом, хоть фирмы честь
не забыл.

«И уголь получишь ты от меня, и сковородку найдешь,
Коль сам душекрадцем ты выдумал стать»,—и сказал
Томлинсон: «А кто ж?»

Враг Человеческий сплюнул слегка—забот в его сердце
несть:
«У всякой блохи поболе грехи, но что-то, видать, в тебе
есть!»

И я бы тебя бы за это впустил, будь я хозяин один,
Но свой закон Гордыне вменен, и я ей не господин.

Мне лучше не лезть, где Мудрость и Честь, согласно
проклятью сидят!
Тебя ж вдвоем замучат живьем Блудница сия и Прелат.

Не дух ты, не гном ты, не книга, не зверь,—вещал
преисподней Князь,—
И облик земной опять обрети—греховную ипостась.

Я слишком с Адамовой плотью в родстве, шутить мне
с тобой не след.
Ступай, хоть какой заработай грешок! Ты—человек или
нет!

Спеши! В катафалк вороных запрягли. Вот-вот они
с места возьмут.
Ты—скверне открыт, пока не зарыт. Чего же ты
мешкаешь тут?

Даны зеницы тебе и уста, изволь же их отверзать!
Неси мой глагол Человечьим Сынам, пока не уснешь
опять:

За грех, совершенный двоими вдвоем, поврозь подобьют
итог!
И... да поможет тебе, Томлинсон, твой книжный заемный
бог!»

БАЛЛАДА О ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ

*Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им
никогда—
Лишь у подножья престола божья, в день Страшного суда!
Но нет Востока и Запада нет, если двое сильных мужчин,
Рожденных в разных концах земли, сошлись один на один.*

Летит взбунтовать пограничный край со своими людьми
Камал.
Кобылу, гордость полковника, он сегодня ночью украл.

Копыта ей обмотав тряпьем, чтоб не слышен был стук подков,
Из конюшни вывел ее чуть свет, вскочил—и был таков!

Свой взвод разведчиков созвал тогда полковника сын:
«Ужель где прячется Камал, не знает ни один?»

Сын рессалдара, Мохаммед-Хан, встал и сказал в ответ:
«Кто ведает, где ночевал туман,—найдет Камалов пикет!»

В сумерки он абазаев громил, рассвело — в Бонэре ищи!
Но должен объехать он Форт Бакло, чтоб из дому взять харчи.

Если бог поможет, вы, без препон, как птицы, летите вдогон
И его отрежьте от Форта прежде, чем достигнет ущелья он!

Но если теснины джагаев достиг — назад поверните коней!
Не мешкай нимало: людей Камала тьма-тьмуцая прячется
в ней.

Справа скала, слева скала, колючая поросль мелка.
Чуть не в упор щелкнет затвор — но не видать стрелка!»

Полковничий сын прыгнул в седло. Буланый объезжен едва:
Хайло — что колокол, сердце — ад, как виселица — голова!

До Форта полковничий сын доскакал, но к еде душа не лежит:
Тот жаркому не рад, от кого конокрад, вор пограничный
бежит.

Из Форта Бакло во весь опор всадник погнал жеребца
И в ущелье джагаев, коня измаяв, заметил кобылу отца.

Он в ущелье заметил кобылу отца и Камала у ней на хребте.
Ее глаза белок различив, он курок дважды взвел в темноте.

Мгновенье спустя две пули свистя прошли стороной.
«Ты стрелок
Не хуже солдата, — молвил Камал. — Покажи, каков ты
ездок!»

В узкой теснине, как смерч в пустыне, мчались ночной порой.
Кобыла неслась, как трехлетняя лань, конь — как олень
матерой.

Голову кверху Буланый задрал и летел, закусив удила,
За гнедой лошадкой, что, с гордой повадкой, трензелями
играя, шла.

Справа скала, слева скала, колючая поросль мелка.
Трижды меж гор щелкнул затвор, но не видать стрелка.

Зорю дробно копыта бьют. В небе месяц поник.
Кобыла несется, как испугнутый зверь, Буланый, как
раненый бык.

Но рухнул безжизненной грудой в поток Буланый на всем
скаку.

Камал, повернув кобылу, помог выпутаться седоку

И вышиб из рук у него пистолет — как биться в такой тесноте?
«Если доселе ты жив — скажи спасибо моей доброте!

Скалы нет отвесной, нет купы древесной на двадцать миль
кругом,
Где не таился б мой человек со взведенным курком.

Я руку с поводьями к телу прижал, но если б я поднял ее,
Набежали б чекалки, и в неистовой свалке пировало бы нынче
зверье.

Я голову держал высоко, а наклони я лоб,
Вон тот стервятник не смог бы взлететь, набив до отвала зоб».

«От пира,— сказал полковничий сын,— шакалам не будет
беды.
Прикинь, однако, кто придет за остатками еды.

Если тысячу сабель пошлют сюда за моими костями вслед,
Какой ценой пограничный вор оплатит шакалий обед?

Скормим коням хлеб на корню, люди съедят умолот,
Крыши хлевов предадут огню, когда перебьют ваш скот.

Коль скоро сойдемся в цене — пировать братьев зови под утес!
Собачье племя — шакалье семя! Что ж ты не воешь, пес?

Но если в пожитках, зерне и быках цена высока, на твой
взгляд,—
Тогда отдай мне кобылу отца. Я пробью дорогу назад!»

Камал помог ему на ноги встать: «Не о собаках толк
Там, где сошлись один на один бурый и серый волк!

Пусть ем я грязь, когда причиню тебе малейшее зло!
Откуда — из чертовой прорвы — тебя со смертью шутить
принесло?»

Он ответил: «Привержен я крови своей до скончания дней!
Кобылу в подарок прими от отца. Мужчина скакал на ней!»

Сыну полковника ткнулись в грудь ноздри лошадки гнедой.
«Нас двое сильных,— сказал Камал,— но ей милей — молодой!

В приданое даст похититель ей серебряные стремяна,
Узду в бирюзе, седло и чепрак узорный получит она».

Тогда, держа за ствол пистолет, полковника сын говорит:
«К тому, который ты взял у врага, друг тебе пару дарит!»

«Дар за дар,— отозвался Камал,— риск за риск: обычай для
всех один!
Отец твой сына ко мне послал. Пусть едет к нему мой сын!»

Он свистнул сыну, и с гребня скалы обрушился тот стремглав.
Стройнее пики, он был как дикий олень среди весенних трав.

«Вот господин твой!— сказал Камал.— Бок о бок с ним скача,
Запомни, ты— щит, что вечно торчит у левого плеча!

Твоя жизнь— его, и судьба твоя— отвечать за него головой,
Покуда узла не развяжет смерть либо родитель твой!

Хлеб королевы ты должен есть: флаг ее— твой флаг!—
И нападать на владенья отца: враг ее— твой враг!

Ты конником должен стать лихим и к власти путь прорубить.
Когда в Пешаваре повесят меня— тебе рессалдаром быть!»

Они заглянули друг другу в глаза, и был этот взгляд глубок.
На кислом хлебе и соли они дали братства зарок.

И вырезав хайберским ножом свежего дерна кусок,
Именем божьим, землей и огнем скрепили этот зарок.

На гнедой кобыле — полковничий сын, на Буланом — Камалов
сын,—
Вдвоем подскакали к Форту Бакло, откуда уехал один.

У караульни блеснуло враз двадцать клинков наголо:
Пламя вражды к жителю гор каждое сердце жгло.

«Отставить!— крикнул полковника сын.— В ножны вложите
булат!
Вчера он был пограничный вор, сегодня — свой брат, солдат!»

*Запад есть Запад, Восток есть Восток, не встретиться им
никогда —
Лишь у подножья престола божья, в день Страшного суда!*

*Но нет Востока и Запада нет, если двое сильных мужчин,
Рожденных в разных концах земли, сошлись один на один.*

ГЕНРИ УОДСВОРТ
ЛОУИЗЕЛЛО

КВАТРОНКА

Повесив праздно паруса,
Корабль в заливе ждал,
Чтоб месяц вышел в небеса
И вздулся темный вал.

Причалив к берегу в челне,
Рабочий люд следил,
Как аллигатор полз на дне
Улечься в мягкий ил.

А воздух вокруг благоухал
От трав и от цветов,
Как будто рай порой дышал
На этот мир грехов.

Плантатор в шалаше своем
Задумчиво курил.
Купец, прибывший с кораблем,
Окончить торг спешил.

Он молвил: «Не гостить привел
Я свой корабль в залив.
Я жду, чтоб месяц лишь взошел
Да начался прилив».

В лице с предчувствием немым,
Робка и хороша,
Кватронка-девушка пред ним
Стояла чуть дыша.

Большие искрились глаза;
По груди молодой
Спускалась черная коса
До юбочки цветной.

Улыбки свет в лице у ней
    Мерцал, так свят и тих,
Как свет лампад в углу церквей
    На лике у святых.

Плантатор думал: «Стар мой дом,
    И проку нет в земле!»
Взглянул на девушку, потом —
    На деньги на столе.

В душе смущенной верх брала
    То жадность, то любовь:
Он знал, чья страсть ей жизнь дала
    И чья текла в ней кровь.

Но глубь души была черна:
    Он не осилил зла —
И деньги взял. Тут вся она
    Застыла, замерла.

И жертву новую свою
    Купец повел с собой,
Чтоб быть ему в чужом краю
    Наложницей, рабой.

СОН НЕГРА

Измучен зноем и трудом,
Он наземь бросился ничком.
Недвижно рис над ним стоял.
Палимый зноем, он дремал...
То был ли бред, то был ли сон —
Родимый край увидел он.

Увидел он: в степи глухой
Несется Нигер голубой;
Под сенью пальм стоят шатры;
К ним караван ползет с горы,
И люди веселы кругом;
Он в том народе был царем.

Среди цветов стоит жена,
Толпой детей окружена;
И дети к ней, ласкаясь, льнут
И в лес — отца искать — зовут...
И вот — сквозь сон, горячий сон —
В бреду заплакал тихо он...

И снова чудится во сне:
На борзом мчится он коне,
Как вольный вихорь конь летит,
Взбивая прах из-под копыг,
Златою сбруею звеня,—
И сабля бьет в бока коня...

Что миг — свободней дышит грудь!
Что шаг — торжественнее путь!
Всё ближе горы. Лев рычит,
Кричит гиена, змей свистит,
И тяжело по тростникам
Идет к реке гиппопотам.

Под небом темно-голубым
Фламинго красный, перед ним
Несясь вдали, крылами бьет,
Как знамя красное,— и вот
Ему открылся кафров стан,
И в очи глянул океан!

И встал он там, и слышит вдруг:
Подобный трубам, мощный звук.
Поколебал и дол, и лес,
И глубь пустынь, и глубь небес...
То звал к свободе из оков
Великий дух своих сынов.

И вздрогнул он, услыша клич...
И уж не чувствовал, как бич
По нем скользнул и как ногой
Его толкнул хозяин злой,
Как он, сдавив досады вздох,
Пробормотал потом: «Издох!..»

КОРАБЛЬ-ПРИЗРАК

В сказаньях «Магналия Кристи»
О давних временах
Прочел я в прозе легенду —
И вот она здесь в стихах.

Корабль из Нью-Хэвена вышел
Осенним утром сырым.
Как ветер, наполнивший парус,
Молитвы неслись за ним.

«О боже!— молил священник,—
К тебе взываю я.
Коль им суждено погибнуть,
Да будет воля твоя!»

Но Ламбертон, шкипер брига,
Сквозь зубы пробормотал:
«Эх, как бы бриг дырявый
Могилою нам не стал!»

Зима прошла, и вернулись
Из Англии корабли.
Что случилось с отплывшим бригам,
Сказать моряки не могли.

И люди опять поднимали
В селениях руки с мольбой,
Чтоб все отплывшие в море
Вернулись скорей домой.

И бог услышал молитвы.
Однажды июньским днем
За час до захода солнца
При ветре береговом

Встал парус на горизонте,
Белея в шири морской.
То Ламбертон возвращался
На корабле домой.

Окутанный парусами,
Бриг против ветра плыл.
И каждый лица матросов
На палубе различил:

Но вот упала грот-стенга,
Разломлена пополам,
И паруса разорвались,
Подобные облакам.

Обрушились, спутав снасти,
Мачты одна за другой,
А бриг на глазах растаял,
Как утром туман густой.

Люди, узревшие чудо,
Глядели тревожно во тьму,
И каждый, вспомнив о друге,
Подумал: конец ему!

А деревенский пастор
Бога благодарил
За то, что корабль-призрак
До родины все же доплыл.

РУКАВИЦА ИМПЕРАТОРА

Combien faudrait-il de peaux d'Es-
pagne pour faire un gant de cette gran-
deur?¹

Император горделиво
С башни замка озирает
Фландрии луга и нивы;
У перил, со свитой льстивой,
Венценосца Альба ждал.

Как старинный лист гравюры—
Город у большой реки,
Колоннады и фигуры,
Шпили, своды, амбразуры,
Черепичных крыш коньки.

Там внизу—людей скопление:
Тек по улицам народ;
То, казалось, ополченье
Снова, после поражения,
Собирается в поход.

Альба рек с усмешкой злою:
«Вот гнездо еретиков!
Надо Гент сровнять с землею,
Твердой истребить рукою
Всех ткачей-бунтовщиков!»

---

¹ Сколько пошло бы испанских кож на перчатку такого размера? (фр.)

Но, решив повеселиться,
Государь спросил вельмож:
«Чтоб на свет могла явиться
Впору Генту рукавица,
Хватит ли испанских кож?»

ЭДГАР АЛЛАН

ПО

УЛЯЛОМ

Небеса были пепельно-пенны,
Листья были осенние стьлы,
Листья были усталые стьлы,
И октябрь в этот год отреченный
Наступил бесконечно уньльый.
Было смутно; темны и смятенны
Стали чащи, озера, могилы.—
Путь в Уировой чаще священной
Вел к Оберовым духам могилы.

Мрачно брел я в тени великанов—
Кипарисов с душою моей.
Мрачно брел я с Психеей моей.
Были дни, когда Горе, нагрянув,
Залило меня лавой своей,
Ледовитою лавой своей.
Были взрывы промерзших вулканов,
Было пламя в глубинах морей—
Нарастающий грохот вулканов,
Пробужденье промерзших морей.

Пепел слов угасал постепенно,
Мысли были осенние стьлы,
Наша память усталая стьла.
Мы забыли, что год—отреченный,
Мы забыли, что месяц—уньльый
(Что за ночь—Ночь Ночей!—наступила,
Мы забыли,—темны и смятенны
Стали чащи, озера, могилы),
Мы забыли о чаще священной,
Не заметили духов могилы.

У. Х. РОБИНСОН

И когда эта ночь понемногу
Пригасила огни в небесах,—
Огоньки и огни в небесах,—
Озарил странным светом дорогу
Сerp о двух исполинских рогах.
Сerp навис в темном небе двурого,—
Дивный призрак, развеявший страх,—
Сerp Астарты, сияя двурого,
Прогоняя сомненья и страх.

И сказал я: «Светлей, чем Селена,
Милосердней Астарта встает,
В царстве вздохов Астарта цветет
И слезам, как Сезам сокровенный,
Отворяет врата— не сотрет
Их и червь.— О, Астарта, блаженно
Не на землю меня поведет—
Сквозь созвездие Льва поведет,
В те пределы, где, пепельно-пенна,
Лета— вечным забвеньем— течет,
Сквозь созвездие Льва вдохновенно,
Милосердно меня поведет!»

Но перстом погрозила Психея:
«Я не верю огню в небесах!
Нет, не верю огню в небесах!
Он все ближе. Беги же скорее!»
Одолели сомненья и страх.
Побледнела душа, и за нею
Крылья скорбно поникли во прах,
Ужаснулась, и крылья за нею
Безнадежно упали во прах—
Тихо-тихо упали во прах.

Я ответил: «Тревога напрасна!
В небесах—ослепительный свет!
Окунемся в спасительный свет!
Прорицанье Сивиллы пристрастно,
И прекрасен Астарты рассвет!
Полный новой надежды рассвет!
Он сверкает раздольно и властно,
Он не призрак легучий, о нет!
Он дарует раздольно и властно
Свет надежды. Не бойся! О нет,
Это благословенный рассвет!»

Так сказал я, проникнуть не смея
В невеселую даль ее дум
И догадок, догадок и дум.
Но тропа прервалась и, темнея,
Склеп возник. Я и вещей мой ум,
Я (не веря) и вещей мой ум—
Мы воскликнули разом: «Психея!
Кто тут спит?»— Я и вещей мой ум...
«Улялюм,— подсказала Психея,—
Улялюм! Ты забыл Улялюм!»

Сердце в пепел упало и в пену
И, как листья, устало застыло,
Как осенние листья, застыло.
Год назад год пошел отреченный!
В октябре бесконечно уныло
Я стоял здесь у края могилы!
Я кричал здесь у края могилы!
Ночь Ночей над землей наступила—
Ах! зачем—и забыв—не забыл я:
Тою ночью темны, вдохновенны
Стали чащи, озера, могилы
И звучали над чащей священной
Завывания духов могилы!

Мы, стеная,— она, я—вскричали:
«Ах, возможно ль, что духи могил—
Милосердные духи могил—
Отвлечением от нашей печали
И несчастья, что склеп затаил,—
Страшной тайны, что склеп затаил,—
К нам на небо Астарту призвали
Из созвездия адских светил—
Из греховной, губительной дали,
С небосвода подземных светил?»

АННАБЕЛЬ ЛИ

Это было давно, это было давно,
В королевстве приморской земли:
Там жила и цвела та, что звалась всегда,
Называлась Аннабель Ли,—
Я любил, был любим, мы любили вдвоем,
Только этим мы жить и могли.

Р. АННИНГВЕЛЛ

И, любовью дыша, были оба детьми
В королевстве приморской земли.
Но любили мы больше, чем любят в любви,—
Я и нежная Аннабель Ли.
И, взирая на нас, серафимы небес
Той любви нам простить не могли.

Оттого и случилось когда-то давно,
В королевстве приморской земли:
С неба ветер повеял холодный из туч,
Он повеял на Аннабель Ли;
И родные толпою печальной сошлись
И ее от меня унесли,
Чтоб навеки ее положить в саркофаг,
В королевстве приморской земли.

Половины такого блаженства узнать
Серафимы в раю не могли,—
Оттого и случилось (как ведомо всем
В королевстве приморской земли):
Ветер ночью повеял холодный из туч—
И убил мою Аннабель Ли.

Но, любя, мы любили сильнее и полней
Тех, что старости бремя несли,
Тех, что мудростью нас превзошли,—
И ни ангелы неба, ни демоны тьмы
Разлучить никогда не могли,
Не могли разлучить мою душу с душой
Обольстительной Аннабель Ли.

И всегда луч луны навевает мне сны
О пленительной Аннабель Ли;
И зажжется ль звезда, вижу очи всегда
Обольстительной Аннабель Ли;
И в мерцаньи ночей я все с ней, я все с ней,
С незабвенной—с невестой—с любовью моей,—
Рядом с ней распростерт я вдали,
В саркофаге приморской земли.

ФРЕНСИС БРЕТ

ТАРМ

РЕЙНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

Место: замок на вершине,
Обвиваемый плющом,
Стен громадная твердыня,
Из камней, покрытых мхом;
Флаг над башнею с зубцами,
И темница с высины
Смотрит в бездну, над струями
Мрачно блещущей волны,—
Терем нежного созданья
И разбойничий приют,
Где любовь, и злодеянье,
И насилие живут.

Лица: смелый кровопийца,
Презирающий закон,
Бигамист, отцеубийца,
В сталь закованный барон;
И томимая тоскою
Соблазненная краса,
Устремившая с мольбою
Слезный взор свой в небеса;
Воин, в битвах закаленный,
Менестрель, монах, солдат,
И пустынный изнуренный,
И откормленный аббат.

Факты: буйные потехи,
Безобразные пиры,
И тяжелые доспехи,
Пытки, плахи и костры;
И предсмертные мученья,
И секиры палачей,
Подземелья, привиденья
И зловещий звук цепей;
Клещи, дыбы и распятья,
В полночь колокола звон,
И молитвы, и проклятья,
И несчастной жертвы стон;

И глухой вассалов ропот,
Сёла в пламени, в крови,
И под липой страстный шепот,
Клятвы нежные любви;
Придорожные герои,
Ограбление купцов,
И убийства, и разбой
Благородных удалцов.

Вот вам рейнские сказанья!
Вы найдете в них всегда
Все возможные деянья,
Кроме честного труда.
Провиденье охраняет
Знатных рыцарей и дам,
А холопов присуждает
К скорби, гнету и слезам.
Сильным — блеск и ликованье,
Слабым — бедность и печаль:
Вот вам рейнские сказанья,
Их всегдашняя мораль!

ФРАНСУА-ОГЮСТ ПАРАДИ

ДЕ *МОЖКРИФ*

АЛИНА И АЛЬСИМ

Зачем, зачем вы разорвали
 Союз сердец?
Вам розно быть! вы им сказали,—
 Всему конец.
 Что пользы в платье золотое
 Себя рядить?
 Богатство на земле прямое
 Одно: любить.

Когда случится, жизни в цвете,
 Сказать душой
 Ему: *ты будь моя на свете;*
 А ей: *ты мой;*
 И вдруг придется для другого
 Любовь забыть—
 Что жребия страшней такого?
 И лъзя ли жить?

Алина матери призналась:
 «Мне мил Альсим;
 Давно я втайне поменялась
 Душою с ним;
 Давно люблю ему сказала;
 Дай счастье нам».—
 «Нет, дочь моя, за генерала
 Тебя отдам».

И в монастырь святой Ирины
 Отвозит дочь.
 Тоска-печаль в душе Алины
 И день и ночь.

Три года длилось изгнанье;
Не усладил
Ни разу друг ее страданье:
Но все ей мил.

Однажды... о! как свет коварен!..
Сказала мать:
«Любовник твой неблагодарен»,
И ей читать
Она дает письмо Альсима.
Его черты:
*Прости; другая мной любима;
Свободна ты.*

Готово все: жених приходит;
Идут во храм;
Вокруг налож их обводит
Священник там.
Увы! Алина, что с тобою?
Кто твой супруг?
Ты сердца не дала с рукою—
В нем прежний друг.

Как смиренный агнец на закланье,
Вся убрана;
Вокруг веселье, ликованье—
Она грустна.
Алмазы, платья, ожерелья
Ей мать дарит:
Напрасно... прежнего веселья
Не возвратит.

Но как же дни свои смиренно
Ведет она!
Вся жизнь семье уединенной
Посвящена.
Алины сердце покорилось
Судьбе своей;
Супругу ж то, что сохранилось
От сердца ей.

Но все по-прежнему печали
Душа полна;
И что бы взоры ни встречали,—
Все мысль одна.

Так, безутешная, томила
Пять лет себя,
Все упрекая, что любила,
И все любя.

Разлуки жизнь воспоминанье;
Им полон свет;
Хотеть прогнать его — страданье,
А пользы нет.
Всё поневоле улетаем
К мечте своей;
Твердя: забудь! напоминаем
Душе об ней.

Однажды, приуныв, Алина
Сидела; вдруг
Купца к ней вводит армянина
Ее супруг.
«Вот цепи, дорогие шали,
Жемчуг, коралл;
Они лекарство от печали;
Я так слышал.

На что нам деньги? На веселье.
Кому их жаль?
Купи, что хочешь: ожерелье,
Цепочку, шаль
Или жемчуг у армянина;
Вот кошелек;
Я скоро возвращусь, Алина;
Прости, дружок».

Товары перед ней открывши,
Купец молчит;
Алина, голову склонивши,
Как не глядит.
Он, взор потупя, разбирает
Жемчуг, алмаз;
Подносит молча; но вздыхает
Он каждый раз.

Блистала красота младая
В его чертах;
Но бледен; борода густая;
Печаль в глазах.

Мила для взора живость цвета,
Знак юных дней;
Но бледный цвет, тоски примета,
Еще милей.

Она не видит, не внимает —
Мысль далеко.
Но часто, часто он вздыхает,
И глубоко.
Что (мыслит) он такой унылый?
Чем огорчен?
Ах! если потерял, что мило,
Как жалок он!

«Скажи, что сделалось с тобою?
О чем печаль?
Не от любви ль?.. Ах! Всею душою
Тебя мне жаль». —
«Что пользы! Горя нам словами
Не утолить;
И невозвратного слезами
Не вернуть».

Одно сокровище бесценно
Я в мире знал;
Подобного творец вселенной
Не создавал.
И я одно имел в предмете:
Им обладать.
За то бы рад был все на свете —
И жизнь отдать.

Как было сладко любоваться
Им в день сто раз!
И в мыслях я не мог расстаться
С ним ни на час.
Но року вздумалось лихому
Мне повредить
И счастье мое другому
С ним подарить.

Всех в жизни радостей лишенный,
С моей тоской
Я побежал, как осужденный,
На край земной:

Но ах! от сердца то, что мило,
Кто оторвет?
Что раз оно здесь полюбило,
С тем и умрет».

«Скажи же, что твоя утрата?
Златой бокал?» —
«О нет: оно милее злата». —
«Рубин, коралл?» —
«Не тяжко потерять их». — «Что же?
Царев алмаз?» —
«Нет, нет, алмазов всех дороже
Оно сто раз.

С тех пор, как я все то, что льстило,
В нем погубил,
Я сам на память образ милый
Изобразил.
И на черты его прелестны
Смотрю в слезах:
Мои все блага поднебесны
В его чертах».

Алина слушала уныло
Его рассказ.
«Могу ль на этот образ милый
Взглянуть хоть раз?»
Алине молча, как убитый,
Он подает
Парчою досканец обвить,
Сам слезы льет.

Алина робкою рукою
Парчу сняла;
Дощечка с надписью златою;
Она прочла:
*Здесь все, что я, осиротелый,
Моим зову;
Что мне от счастья уцелело;
Все, чем живу.*

Дощечку с трепетом раскрыла —
И что же там?
Что новое судьба явила
Ее очам?

Дрожит, дыханье прекратилось...
Какой предмет!
И в ком бы сердце не смутилось?..
Ее портрет.

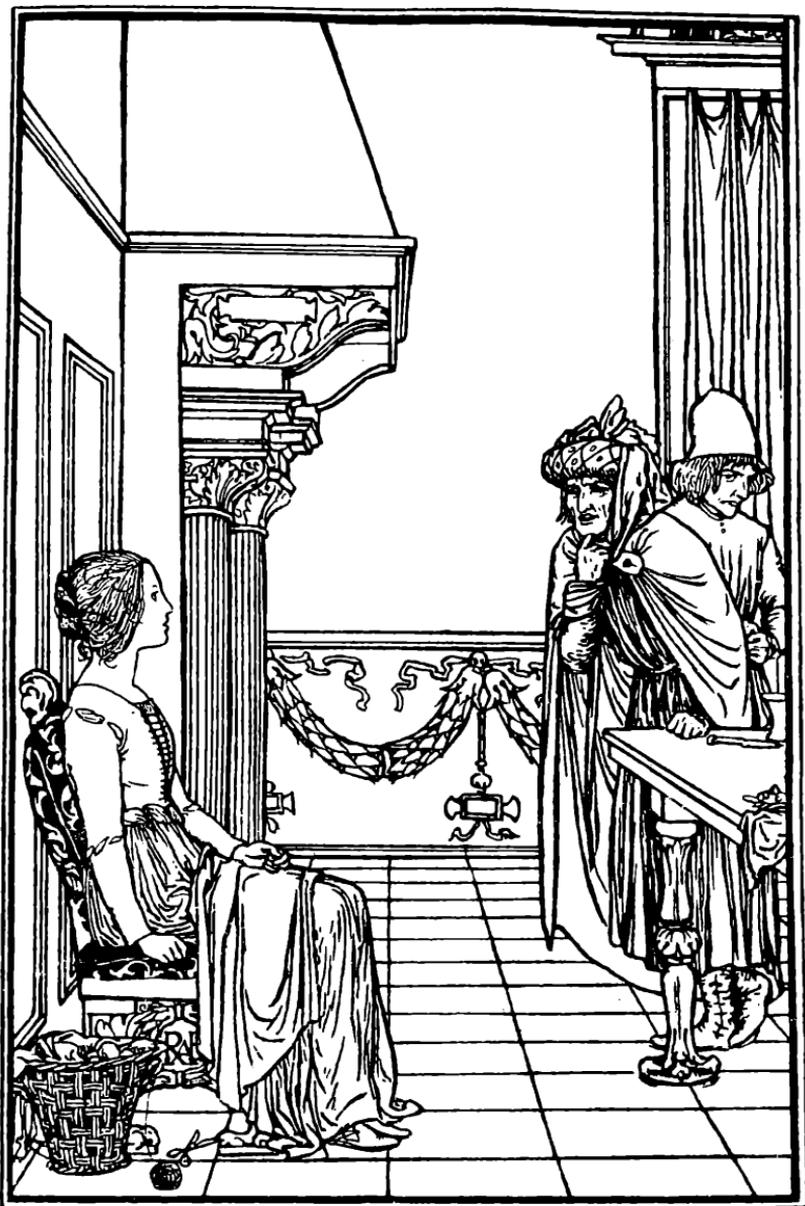
«Алина, пробудись, друг милый;
С тобою я.
Ничто души не изменило;
Она твоя.
В последний раз: люблю Алину,
Пришел сказать;
Тебя покинув, жизнь покину,
Чтоб не страдать».

Алина с горем и тоскою
Ему в ответ:
«Альсим, я верной быть женою
Дала обет.
Хоть долг и тяжкий и постылый:
Все покорись;
А ты—не умирай, мой милый;
Но... удались».

Алине руку на прощанье
Он подает:
Она берет ее в молчанье
И к сердцу жмет.
Вдруг входит муж; как в исступленье
Он задрожал
И им во грудь в одно мгновенье
Вонзил кинжал.

Альсима нет; Алина дышит:
«Невинна я
(Так говорит), всевышний слышит
Нас судия.
За что ж рука твоя пронзила
Алине грудь?
Но бог с тобой; я все простила;
Ты все забудь».

Убийца с той поры томится
И ночь и день:
Повсюду вслед за ним влачится
Алины тень;

Р. АННИНГБЕЛЛ

Обагрена кровавым током
Вся грудь ея;
И говорит ему с упреком:
«Невинна я».

ЭВАРИСТ-ДЕЗИРЕ

ДЕ ПАРЖИ

ПРОЗЕРПИНА

Плещут волны Флегетона,
Своды Тартара дрожат;
Кони бледного Плутона
Быстро к нимфам Пелиона
Из Аида бога мчат.
Вдоль пустынного залива
Прозерпина вслед за ним,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путем одним.
Пред богинею колена
Робко юноша склонил.
И богиням льстит измена:
Прозерпине смертный мил.
Ада гордая царица
Взором юношу зовет,
Обняла, и колесница
Уж к Аиду их несет;
Мчатся, облаком одеты,
Видят вечные дуга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Там бессмертье, там забвенье,
Там утехам нет конца.
Прозерпина в упоенье,
Без порфиры и венца,
Повинуется желаньям,
Предает его лобзаньям
Сокровенные красы,
В сладострастной неге тонет,
И молчит, и томно стонет...

Но бегут любви часы;
Плещут волны Флегетона,
Своды Тартара дрожат;
Кони бледного Плутона
Быстро мчат его назад.
И Кереры дочь уходит,
И счастливца за собой
Из Элизия выводит
Потаенною тропой;
И счастливец отпирает
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетает
Сновидений ложный рой.

ПЬЕР ЖАН

ДЕ БЕРДИЖЕ

ТИРАН СИРАКУЗСКИЙ

Как Дионисия из царства
Изгнал храбрец Тимолеон,
Тиран, пройдя чрез все мьгтарства,
Открыл в Коринфе пансион.
Тиран от власти не отстанет:
Законы в школе издает;
Нет взрослых, так детей тиранит.
Тиран тираном и умрет.

Ведь нужно все чинить и ведать—
Он справедлив, хотя и строг:
Как подадут детя́м обедать—
Сейчас с их трапезы налог.
Несут, как некогда в столицу,
Орехи, виноград и мед.
Целуйте все его десницу!
Тиран тираном и умрет.

Мальчишка, глупый, как овечка,
Последний в школе ученик,
В задачку раз ввернул словечко:
«Тиран и в бедствиях велик».

Тиран, бессмыслицу читая,
«Он далеко,— сказал,— пойдет», —
И сделал старшим негодяя.
    Тиран тираном и умрет.

Потом, другой раз как-то, слышит
Он от фискала своего,
Что там в углу товарищ пишет,
Должно быть, пасквиль на него.
«Как? Пасквиль?! Это всё от воли!
Ремнем его! И чтоб вперед
Никто писать не смел бы в школе!»
    Тиран тираном и умрет.

И день и ночь его страшили
Следы измены и интриг.
Раз дети на дворе дразнили
Двоих каких-то забулдыг.
Кричит: «Идите без боязни!
Им нужен чужеземный гнет.
Я им отец — им нужны казни».
    Тиран тираном и умрет.

Отцы и матери озлились
На непотребный пансион
И Дионисия решились
И из Коринфа выгнать вон.
Так чтоб, как прежде, благодатно
Теснить и грабить свой народ —
В жрецы вступил он. Вот так знатно!
    Тиран тираном и умрет.

ВОЛШЕБНАЯ ЛЮТНЯ

Во дни чудесных дел и слухов
Доисторических времен
Простой бедняк от добрых духов
Был чудной лютней одарен.
Ее пленительные звуки
Дарили радость и покой
И вмиг снимали как рукой
Любви и ненависти муки.

Разнесся слух об этом чуде—
И к бедняку под мирный кров
Большие, маленькие люди
Бегут толпой со всех концов.
«Идем ко мне!» — кричит богатый;
«Идем ко мне!» — зовет бедняк.
«Внеси спокойствие в палаты!»
«Внеси забвенье на чердак!»

Внимая просьбам дедов, внуков,
Добряк на каждый зов идет.
Он знатным милостыню звуков
На лютне щедро раздает.
Где он появится в народе—
Веселье разольется там,—
Веселье бодрость даст рабам,
А бодрость — мысли о свободе.

Красавицу покинул милый—
Зовет красавица его;
Зовет его подагрик хилый
К одру страданья своего.
И возвращают вновь напевы
Веселой лютни бедняка—
Надежду счастья для девы,
Надежду жить для старика.

Идет он, братьев утешая;
Напевы дивные звучат...
И, встречу с ним благословляя,
«Как счастлив он,— все говорят.—
За ним гремят благословенья.
Он вечно слышит стройный хор
Счастливых братьев и сестер,—
Нет в мире выше наслажденья!»

А он?.. Среди ночей бессонных,
Сильней и глубже с каждым днем,
Все муки братьев, им спасенных,
Он в сердце чувствует своим.
Напрасно призраки он гонит:
Он видит слезы, видит кровь...
И слышит он, как в сердце стонет
Неоскудевшая любовь.

За лютню с трепетной заботой
Берется он... молчит она...
Порвались струны... смертной нотой
Звучит последняя струна.
Свершил он подвиг свой тяжелый,
И над могилой, где он спит,
Сияет надпись: «Здесь зарыт
Из смертных самый развеселый».

ВИКТОР

ТЮТЮ

НЕВЕСТА ЛИТАВРЩИКА

Прекрасна смерть, коль умереть любя.
Депорт. Сонет

«Созвал ополченье Бретани
Наш герцог, ее властелин.
От Нанта до самой Мортани
Собрал он на подвиги брани
Всех воинов гор и долин.

Пошли и бароны седые
В доспехах тяжелых своих,
И рыцари все молодые,
Пошли и солдаты простые,
А с ними — мой милый жених.

Высокий, в колете багряном,
В плаще из парчи золотой,
Ни в чем не уступит дворянам
И кажется всем капитаном,
Хоть он и литаврщик простой.

С тех пор я объята тревогой,
Святую Бригитту молю:
— Спаси его! Будь нам подмогой!
Он встретит опасностей много,
А я... я его так люблю!

— Отец! — я сказала аббату, —
Молитесь за наши полки!
Примите мой дар небогатый,
По свечке поставьте у статуи
Святого Петра и Луки.

Обет я дала:—О Мадонна,
Коль жизнь ты ему сохранишь,
Коль будешь к нему благосклонна,
Схожу в монастырь отдаленный,
Все сделаю, что повелишь!

Не мог он, хоть время бежало,
Подарок иль весть мне послать:
Нет слуг и пажей у вассала;
Ведь сам он—слуга феодала,
Чью волю привык исполнять...

Но весть по Бретани несется
Про герцога с войском его,
И сердце так радостно бьется:
Сегодня любимый вернется!
Сегодня у нас торжество!

Победное старое знамя
Вернулось к селеньям родным...
Идите глядеть вместе с нами,
Как шествует герцог с полками!
Жених мой возлюбленный—с ним.

Наверное, он восседает
На рослом коне, что храпит,
Султаном из перьев кивает,
И так горделиво ступает,
И огненным глазом косит...

Подружки, вы медлите что-то;
Вдруг мимо проследует он!
Спешите скорей за ворота,
Ведь всем вам послушать охота
Литавр ослепительных звон.

Он—с шарфом, который под ивой
Я вышила шелком сама,
И в каске он с конскою гривой,
Веселый, кудрявый, красивый...
Ах, я от него без ума!

Цыганка мне, правда, сказала,—
Накличет колдунья беду!—
Что пышный кортеж феодала
Напрасно я так поджидала
И в нем жениха не найду.

Потом, показав мне рукою
На склеп, где ночует она,
Шепнула с усмешкою злою:
— Такая же нынче, не скрою,
Обитель тебе суждена!

Прогнать эти мысли смогу ли?
Уже барабаны гремят.
Все двери уже распахнули,
И дамы к окошкам прильнули,
Знамена победно шумят.

Идут впереди эскадроны,
За ними — копейщиков полк;
Затем выступают бароны:
На мантиях — львы и короны,
И бархат алеет, и шелк.

Вот в ризах блестящих прелаты,
Герольды на белых конях,
В стальные закованы латы,
Где лев нарисован крылатый,
Внушавший противникам страх.

В кольчугах, в плащах своих белых
Храмовники гордые тут.
А далее — луки и стрелы:
Швейцарцы, отважны и смелы,
В кафтанах из кожи идут.

Верхом, в окружении свиты,
Сам герцог, любимец солдат.
Вот рыцарей ряд родовитых,
Штандарты их лавром увиты...
А вот и литавры звенят!»

Любимого взором искала
Невеста... Но скоро в пыли
Все скрылось... Она застонала
И мертвою наземь упала —
Литаврщики мимо прошли...

ГИДРА

Когда отважный Хиль, что сыном Санчи был,
Скитальцем прозванный, объехавший полмира,
Достиг краев, где был властителем Рамиро,—
Копье он вдруг занес, забрало опустил:
Он гидру увидал. В траве она дремала,
Ужасная на вид—таких чудовищ мало!
— Я здесь! — промолвил он и меч свой обнажил.
— С кем собираешься помериться ты силой? —
Свиваясь кольцами, стоглавая спросила.—
Кого ты ищешь, Хиль, свою оставив мать?
Меня иль короля—тирана и вампира?
— Ищу чудовище.— Ну, так спеши к Рамиро! —
И гидра улеглась, чтоб снова задремать.

СВАТОВСТВО РОЛАНДА

На берегу сошлись и бьются. Страшен бой!
Уж трупы их коней чернеют под горой.
На островке они средь бурной, быстрой Роны,
Что мимо катит вал холодный и зеленый
И, пенясь, на траву выносит мокрый ил.
Не столь бы страшен был архангел Михаил
В сраженье яростном, поднявший меч на Феба.
Когда был начат бой, еще темнело небо.
Но кто баронов тех вчера бы видеть мог,
Пока тяжелый шлем на их чело не лег,
Увидел бы пажей, как девушки кудрявых,
Встречавших милые семейные забавы
Улыбкой радостной. Теперь взгляни на них,
На иступленный бой двух призраков ночных,
В которых сатана дух для борьбы влагает.
В глазницах их огонь зловеший полыхает.
Удары все сильнее. Бой словно гром гремит,
И лодочников страх невольный леденит,
И в лес они бегут, в душе творя молитву,
И только издали глядят на эту битву—
Затем что из юнцов, вступивших в смертный бой,
Один был Оливьер, Роландом был другой.

Они, скрестив мечи, томимы черной злобой,
И слова одного не вымолвили оба.
Вот юный Оливьер, граф; Вьенны сюзерен
Его отец— Жерар, и дед его— Гарен.

Для боя поутру одел его родитель:
Изваян на щите Вакх, дивный победитель
Норманнов, и Руан, весь ужасом объят.
Вакх улыбается, его два тигра мчат,
И гонит бог вина всех, кто привержен сидру.
Своими крыльями шлем увенчала гидра.
Сей панцирь надевал царь Соломон не раз.
Сияет длинный меч, как Люциферов глаз.
В тот незабвенный час, когда родные стены
Граф юный покидал, архиепископ Вьенны
Благословил его, стремящегося вдаль.

Роланд в железе весь, с ним верный Дюрандаль.

Вплотную борются; их глухо бормотанье;
Росою на металл ложится их дыханье;
Стоит нога к ноге. Гром битвы у реки
Даль грозно сотрясал. Уже летят куски
То шишаков, то лат, скрываясь под волною
Или в густой траве. Широкою струею
Кровь с головы течет, их замутняя взор.
Ужаснейший удар Роланд нанес в упор,
Меч вырвал у врага и отрубил забрало;
И гибель в этот миг пред юношей предстала.
Он вспомнил об отце, в душе призвал творца.
И Дюрандаль блеснул у самого лица,
В руке Роландовой взнесенный. О, спаситель!
«Брат матери моей, французов повелитель,
Я званья своего достоин должен быть,
Я ль безоружного врага могу убить?—
Роланд воскликнул.—Ты не виноват нимало.
Ступай, достань клинок хорошего закала,
И пусть нам поскорей напиток подадут».
Ответил Оливьер:

«Спасибо! Принесут».

Сказал Роланд:

«Спеши».

И с просьбою съновней
Граф лодочника шлет, что скрылся за часовней.
«Скорее в Вьенну мчись и меч возьми другой;
Да графу расскажи, как нынче жарок бой».

И вот уж, о враге заботясь, как о друге,
Один с другого снял тяжелый груз кольчуги.
Спешат умыть лицо, беседуют часок...
Вернулся посланный—он славный был ходок.

Граф древний меч прислал, что свято был лелеем,
И крепкого вина, любимого Помпеем;
Которого взрастил холмов Турнонских склон.
Тот меч прославленный был гордый Клозамон,
Что яркоблещущим среди людей зовется.
И лодочник ушел. Опять без злобы льется
Беседа. Все кругом отрадою полно.
И в кубок Оливьер Роланду льет вино.
Но вот опять сошлись, и поединок в силе;
И снова юноши в проклятый круг вступили.
Их опьяняет бой. И входит в их сердца
Тот бог, что биться их заставит до конца
Победоносного, удары учащая,
С сверканием мечей сверканье глаз мешая.

Так бьются. Кровь течет багровою струей.
Уж день кончается, и солнце за рекой
Касается земли. Ночь очень близко.

«Что-то,—

Вдруг говорит Роланд,—долит меня дремота;
Мне нездоровится. Когда б теперь я мог
Немного отдохнуть!»

«Пусть мне поможет бог,—

Красавец Оливьер ему ответил кратко,—
Вас победить, Роланд, мечом, не лихорадкой.
Ложитесь на траву, а я всю ночь готов
Над вами бодрствовать, гоняя комаров.
Усните».

«Ты, вассал, еще младенец, видно,
Поверил шутке ты, и это мне обидно.
Могу без отдыха, не хвастаясь, ей-ей,
Четыре биться дня и столько же ночей».

Бой снова. Смерть близка. Обильно кровь струится,
Меч по мечу скользит, меч за мечом стремится,
От столкновенья их искр вылетает рой
И борется с вокруг царящей темнотой.
Удары сыплются... Уже река в тумане.
И мнится путнику: он видит на поляне
Во мгле чудовищных двух дровосеков тень.

Опять грохочет бой—родится новый день.
Ночь возвращается. Всё бьются. Вновь зарею
Зарделись небеса—конца не видно бою.

Мир в третий раз ночной покрылся темной.
Они, чтоб отдохнуть, присели под сосной;
И снова бой...

Жерар за вьенною стеною
Ждет сына третий день с волнением и тоскою.
Вот он на башню шлет седого мудреца;
Гадатель говорит: «Их битве нет конца».

Четыре дня прошли. Брег острова отлогий
Дрожит от грохота и ежится в тревоге.
Они без устали друг друга бьют мечом.
Перемахнуть овраг обоим ниючем
И в гущу врезаться кустарников колючих.
Там носятся они, как тень смерчей летучих.
О, сшибка смертная, о, ужас, пыл сердец!
Граф Вьенны охватил Роланда наконец,
И крови собственной тогда Роланд напился,
И славный Дюрандаль в реке глубокой скрылся.
«Теперь черед за мной—вы для меня пример;
Достану вам клинок,—промолвил Оливьер,—
Давно хранит отец гиганта Синнагога—
Меч, что других мечей прекраснее намного,
Он взят моим отцом в победный светлый час».

Роланд ему в ответ: «Нет, мне на этот раз
Довольно палицы». И вырвал дуб зеленый
С корнями. В этот миг противник разъяренный
Такой же вырвал вяз. Роланд обижен был.
Великодушья он такого не любил
И не терпел ни в чем себе уподобленья.

И вот уж без мечей, в припадке исступленья,
Друг друга бьют стволом, забыв про тяжесть ран,
Как великана бьет в сказаньях великан.

И пятый раз вокруг дерева потемнели.
Вдруг Оливьер—орел со взорами газели—
Сказал:

«Мне кажется, не кончитъ нам, пока
Останется у нас хотя б одна рука.
Так с львом ведет борьбу свирепая пантера.
Не лучше ль братом стать вам графа Оливьера?
Есть у меня сестра-красавица. На ней
Женитесь».

«Черт возьми! Тем лучше, чем скорей!—
Ответствовал Роланд.— Но выпьем после боя».

Так Ода сделалась невестою героя.

ПРОСПЕР

МЕРИМЕ

МОРЛАХ В ВЕНЕЦИИ

Когда я последний цехин промотал .
И мне изменила невеста,
Лукавый далмат мне с усмешкой сказал:
«Пойдем-ка в приморское место,
Там много красавиц в приморских стенах
И более денег, чем камней в горах.

Кафтан на солдате из бархата сшит;
Не жизнь там солдату, а чудо:
Поверь мне, товарищ, и весел и сыт
Вернешься ты в горы оттуда...
Долман на тебе серебром заблестит,
Кинжал на цепи золотой зазвенит.

Как только мы в город с тобою войдем,
Нас встретят приветные глазки,
А если под окнами песню споем,
От всех нам посыплются ласки...
Пойдем же скорее, товарищ, пойдем!
Мы с деньгами в горы оттуда придем».

И вот за безумцем безумец побрел
Под кров отдаленного неба;
Но воздух чужбины для сердца тяжел,
Но вчуже — нет вкусного хлеба;
В толпе незнакомцев я словно в степи —
И плачу и вою, как пес на цепи...

Тут не с кем размыкать печали своей
И некому в горе признаться;
Пришельцы из милой отчизны моей
Родимых привычек стыдятся;
И я, как былинка под небом чужим,
То холодом сдавлен, то зноем палим.

Ах, любо мне было средь отческих гор,
В кругу моих добрых собратий;
Там всюду встречал я приветливый взор
И дружеский жар рукожатий;
А здесь я как с ветки отпавший листок,
Заброшенный ветром в сердитый поток.

БАРЬЕ

КРАСАВИЦА ИЗАБО

Красавица перед окном сидит,
 Златосплетенный локон ветром взбит,
     А грудь и шею —
     Снегов стократ белее —
 Жемчужный дождь горячих слез кропит.

«Увы, увы, — она судьбу клянет, —
 В цветенье луговина каждый год.
     Листва увянет,
     Зима седая грянет —
 Любовь меня вовек не позовет.

Постыла дней пустая череда.
 Я чувствую, что ждет меня беда:
     Ох, может статься,
     Девницею остаться
 Придется мне, бедняжке, навсегда!»

Ее, лаская, утешает мать:
 «К чему напрасно слезы проливать?
     Моя голубка,
     Как видно, счастье хрупко:
 Гордячке вечно в девках вековать».

«Когда б явился статный молодец,
 Пуста мошна, но сердцем удалец,
     Не размышляя
     И слез не проливая,
 Я с радостью пошла бы под венец!»

«Да, есть, голубка, статный молодец,
 Хоть не богач, да славный удалец,
     В тебя влюбленный,
     И страстью ослепленный,
 Он что ни день торопит свой конец».

ЗЕЛЕНАЯ ДЕВА

Опасно в лесу не зверье!
Старик и юнец несмышленный,
Бегите от девы зеленой,
Не слушайте песен ее!

Она, говорят, молодая
И гибкая, словно лоза,
Стремительная и живая,
Как ласточка, как стрекоза,
Идет по полянам зеленым —
Владычицу летнего дня,
Высокие кроны клоня,
Деревья встречают поклоном.

В глухой густолиственной чаще
Она укрывается днем
И звуки листвы шелестящей
Сплетает в напеве своем.
А ночью поет, не таится,
И песни так сладко звучат,
Что в недоуменье молчат,
Заслушавшись, певчие птицы.

Твердят, будто слушать не надо
Таинственных песен ее:
От звуков бесовского лада
Находит на всех забытье.
Уловленный в сети коварства,
Влюбленный в нее человек
Обратно на волю вовек
Не выйдет из мрачного царства.

Рассказы о деде правдивы,
И девой погубленных жаль:
В глубь леса пошел на призывы
Владетельный князь Эриваль,
И там на груди чаровницы
Он все позабыл как блажной
И не вспоминал об одной
По нем тосковавшей девице.

Опасно в лесу не зверье!
Старик и юнец несмышленный,
Бегите от девы зеленой,
Не слушайте песен ее!

ЛЕОНТ
ДЕ ЛЬМЪ

СМЕРТЬ ВАЛЬМИКИ

Вальмики, царь певцов, бессмертный, очень стар.

Его очам предтек мир мимолетных чар,
Мгновенней, чем прыжок проворной антилопы.
Ему сто лет. Ему земные скучны тропы.
Как, синей вечности предошущая зной,
Бьет крыльями орел над темной крутизной,
Так заточенный дух, томясь в оковах тлена,
Стремится вырваться из призрачного плена.
Вот почему Певец героев старины
Зовет спокойствие и сладость тишины.
Неизреченный мир, где больше нет сознания,
Предел всех помыслов, разлада и страданья,
Верховный сон без грез и череды времен,
Который царственным Забвеньем осенен.
Дни льются, жизнь полна, увенчан подвиг трудный.

До гребня он взошел на Гимават безлюдный.
Кровь обнаженных стоп пятнала тяжкий путь,
Вихрь ледяных ночей ему измучил грудь,
Но, мыслей и лица назад не обращая,
Он шаг остановил лишь у земного края.
В тени смоковницы, чью зелень бережет
И лето знойное, и зимних вьюг полет,
Руками опершись о посох путеводный,
Одеян бородой густой и благородной,
Он видит, недвижим, последний раз, вдали,
Потоки, и леса, и города земли,
Столпы предвечных гор и гулких волн границы,
Откуда взносится, весь в розах, Куст денницы.

Бесстрастен, молчалив, все это видит он.

Священные лучи объемлют небосклон.
От трав до синих сфер, от пропасти до тучи
Трепещет, и плывет, и льется свет летучий,
Целуя ласково, прозрачный, золотой,

И насекомое, и в заросли густой
Задумчивых слонов, что вздрагивают вяло,
Звенящих шпанских мух отмахивая жало,
Раджей и париев, собак и мудрецов,
И Гималайский кряж, и выводок птенцов.
Смех ослепительный горит над мирозданьем.
Несякнущая жизнь поит благоуханьем
Неизмеримость сна, где Брама, полный сил,
Себя узрел, узнал и, светлый, возлюбил.

Вальмики погружен в великолепье света.

Что вас развеяло, целительные лета?
Виденье давних дней, откуда всходишь ты?
О мощный гимн любви, добра и чистоты,
Лелеющий в веках, как ветер тихокрылый,
И Раму сильного, и Лилию Митхилы,
Бойцов и девушек, и мудрых, и богов,
И ослепительное шествие веков,
Зачем, дыханьем роз овеванный широко,
Ты возникаешь вновь из дивного истока?
О Рамааяна! Дух, что встарь тебя пропел,
Следит твой вольный лет в безоблачный предел
И, в упоении гармоний вдохновенных,
Сливается, кружась, с полетом душ блаженных.

Шар солнца вырос, всплыл и мирно запылал.

Густой, беззвучный зной, струя за валом вал,
Спадает, пламенный, и поглощает, властный,
Цвета, и образы, и запахи, и страстный
Порыв живого, молвь людей и дальний гул
Прибоя, что дышал все глуше и уснул.
Везде все смолкло. Мир пылает, истомленный.
И вот из-под земли, сухой и раскаленной,
Белесый муравей, притянутый жарой;
Их сто, их тысячи и тысячи; ордой
Неисчислимою, они сплошным движеньем
Идут на старика, который взят виденьем
И, прислонясь к стволу, окутанному мхом,
Уничтожается в создании своем.

Он отрешен от чувств, он отрешен от духа.

Большие муравьи, влача седые брюха,
Волнами близятся к замершему, киша,
Спадая, шевелясь, вздымаясь и шурша,
Как накопание встающей в море пены.

Покрыли бедра, грудь, обволокли все члены,
Кусают, гложут плоть, в глазах ища проход
Туда, где черепа изогнут мощный свод,
Толпами лезут в рот, разверстыи и лиловый,
И вот на высоте стоит костяк суровый,
Над дольной мглой, как бог над ладаном жрецов,
Тот, кто был некогда Вальмики, царь певцов,
Чья звучная душа живет земные тени
И будет вечно петь устами поколений.

СМЕРТЬ СИГУРДА

Да, Сигурд умерщвлен! Из шерсти покрывало
от головы до пят героя облекало.
Прекрасный труп лежит на плитах тяжело;
дымящаяся кровь еще бежит вдоль зала.

Четыре женщины, подруги королей:
вот Гудрун франкская, скорбящая вдовица,
вот гуннов сумрачных усталая царица,
вот мать водителей норманских кораблей.

И, сидя на полу у неживого тела,
меж тем как эти три склоняются в слезах,
бургундка Брунгилд стон таит в немых устах,
без слез глядит на тех, кем горесть овладела.

Вот Герборг, на спину откинув тьму волос,
воскликнула: «Печаль ты знаешь в полной мере
теперь, о женщина! Но горше есть потери:
у гуннов больше мук узнать мне довелось.

Увы! Не я ль мечи увидела в пожарах?
Погибших братьев кровь на зелени лугов,
тела, влачимые хвостами жеребцов,
немые головы на седлах свевов ярых?

Досталась я вождю, и шесть тяжелых лет
его доспех в шатре я чистила покорно.
Взгляни! На мне еще пылает след позорный—
ременного кнута и цепи жгучий след!»

Умолкла Герборг. Вот речь Улранд: «О царицы!
Как ваша боль легка и как тяжка моя!
Среди чужих полей в могилу лягу я,
с родной Нормандией пришлось мне распротиться!»

А я ведь видела, как, в брызгах волн морских,
крепили сыновья широкие ветрила.
Моим седым кудрям не ведать ласки милой:
глубинный горький ил сокрыл детей моих!

О женщины! Я так стара и одинока,
искривлена спина, и сердца скорбь сильней,
и не увижу я, как — мозг моих костей —
заулыбается мне внук голубоокий!»

Умолкла и она. Вот Брунгхилд, сдернув плат,
которым был покрыт король, во сне убитый,
глядит на золото кудрей, на лоб открытый,
на мужественный торс, навек лишенный лат.

И, царственной вдовой, указывает взглядом
на десять троп души, умчавшейся в туман,—
на десять гибельных, разверзтых, страшных ран,
с которыми настал конец земным отрадам.

Тут Гудрун издает три раза дикий крик:
«О Сигурд! Сигурд мой! О, как же я несчастна!
Зачем я не ложусь с ним вместе в склеп ужасный!
Мой Сигурд умерщвлен, умру я через миг!

Когда я, девою, к нему, вождю, герою,
в наряде золотом и серебре венца
пришла, о небеса! тот день не знал конца,
и сердцем пела я: судьба, борись со мною!

О женщины! Вчера все было, а потом
любимый конь его вернулся, весь дрожащий;
был пеной бешеной замаран круп блестящий,
и слезы падали из конских глаз ручьем.

Откуда, добрый конь? С кем ты носился в сече?
Где повелитель твой? Но конь свалился с ног
и, подметая пыль хвостом, бессильно лег
и долго ржал, почти со скорбью человеческой.

— Ступай вслед ворону, за клетком орла,
царица! — Гаген мне сказал жестокосердный. —
Вновь Сигурд ждет тебя на ложе, столь же верный,
и волки лижут кровь, пока она тепла!

Будь проклят, подлый франк, принесший смерти слово
А если буду жить, отдаст он душу мне!
Но вы? Зачем вы так вопите в тишине?
Что ваши горести—перед тоской суровой?»

Тут Брунгхилд поднялась и закричала: «Да!
Довольно верещать, болтливые сороки!
Когда б моих ночей вы знали плач жестокий,
от ваших воплей что осталось бы тогда?»

Ты, Гудрун, выслушай! Мои слова правдивы.
Был Сигурд мной любим. Но он тебя любил.
И в сердце у меня зажегся гневный пыл—
в крови десятка ран не тонет он, строптивый.

Как будто в первый день, теперь меня он жжет.
Но Сигурд плакал бы над мертвою женою...
Я это сделала! Отомщена я вдвое:
плачь по ночам, кляни и мучься в свой черед!»

И, выхватив кинжал, таившийся под платьем,
бургундка королев отбросила в борьбе,
и, десять раз клинок вонзивши в грудь себе,
на франка рухнула и умерла с проклятьем.

ГЮСТАВ

НАДО

МЕНЕСТРЕЛЬ

С улыбкой легкой и веселой,
С гитарой звонкой за плечом
И с тонкоствольным посошком,
Минуя города и села,
Идет веселый менестрель.
Весна цветет, звенит Апрель!

Вот он пред замком очутился,
Тот замок будто в землю врос;
Страж задает ему вопрос:
«Эй, менестрель, ты с чем явился?
Какую ты имеешь цель?
Что ты несешь нам, менестрель?»

«Я знаю множество забавных
Баллад на всяческий распев
О красоте любезных дев
И о турнирах достославных,
Накройте стол, несите эль —
Все вам исполнит менестрель!»

«Нам эта песнь давно знакома,
Хотим мы слышать от певцов
Не славу дедов и отцов,
А песню мести и разгрома!
Ее для нас пропеть тебе ль?»
Шагает дальше менестрель.

Другой дорогой он пустился,
Пришел в село — там бьют набат,
С дрекольем мужики стоят —
«Эй, менестрель, ты с чем явился?
Какую ты имеешь цель?
Что ты несешь нам, менестрель?»

«Мой голос чист и песни звонки,
Мелодий много есть таких,
Что хором все подтянут вмиг
И сами в пляс пойдут девчонки!
Накройте стол, поставьте эль —
Вам все исполнит менестрель».

«Нужны нам песни не такие,
Нам ни к чему твои слова!
Мы бьемся за свои права —
Ты спой нам песню Жакерии!»
Весна цветет, зовет Апрель,
Стоит в раздумье менестрель!

ПЬЕР

ДЮПОН

ГРАФИНЯ МАРГАРИТА

Граф Раймон почил до срока.
Маргарита с той поры,
Как отшельник, одинока,
В замке наверху горы.

С собою взяв одну служанку,
Шептала скорбные слова
И в поздний час, и спозаранку,
Мертва скорее, чем жива.

А в молельне на помосте
Златотканое шитье
Облачало прах и кости
Мужа бренного ее.

И это сумрачное место
В душе вдовы хранило клад—
Так прежде жрицы в храме Весты
Поддерживали свет лампад.

В декабре, когда смеркалось,
И она, тиха, кротка,
Только-только собиралась
Съесть дары зеленщика,
Служанка в ужасе вбежала
И голосит: «В ворота стук!»
И в двери, не смутясь нимало,
Мужчина появился вдруг.

В одеянье фатоватом
На порог ступил блондин,
И запахло ароматом
Медоноснейших долин.
Курчавится его бородка,
Эмаль зубов его слепит,
Сияет взор светло и кротко,
Но страстью сдержанной кипит.

Вот он сел с вдовою рядом,
Расстегнул, смеясь, камзол
И лукавым, острым взглядом
Посмотрел на скудный стол.
«У вас мне нечего отведать,—
Сказал он просто, как мужлан,—
А голод просит отобедать,
Да так, как требует мой сан».

Но взмолилась Маргарита:
«Такова моя судьба:
Хоть ларцы мои набиты,
Да пустуют погреба.

Что вы хотите? Я вдовею,
Сама не ем и слезы лью.
Но все добро, каким владею,
Я вам охотно отдаю».

Кавалер, безумно весел,
Ключ от вдовьего ларца
На груди своей повесил—
И внезапно из дворца
Огромный зал образовался,
И в небывалой пестроте
Накрытый пышно стол поднялся,
И свет зажегся в темноте.

И на пиршество, убоги,
Бедняки сбежались в зал.
«Это братья ваши в боге»,—
Незнакомец прошептал.
И стало страшно Маргарите,
Но вдруг до слуха донеслось:
«Мадам, прошу вас, не дрожите!
Меня зовут Иисус Христос».

ЗОЛОТЫЕ

Был вечер над рекой унылой.
Под тенью тополей густой
Близ дома мельничихи милой
Шел некто в сажень высотой,
С большими серыми усами,
В широкой шляпе, взглядом строг,
В плаще, с роскошными кудрями,—
То был сам дьявол или бог.
Его был голос схож с грозой,
Как рог звучал средь чащ лесных,
Он крикнул: «В лес иди за мною,
Я дам тебе сто золотых!»

И я пошел без возраженья...
Был так ужасен взгляд его,
Что он сломил бы, без сомненья,
Порыв упорства моего.
Как заяц, несся он проворно,
Хоть в то же время не бежал...

За ним я следовал покорно
И, чуя смерть свою, дрожал.
Чтоб заманить меня, порою
Он рокотал средь чащ лесных:
«Иди в лесную глушь за мною,
Я дам тебе сто золотых!»

И вот мы в чаще очутились!
Настала ночь. Слепя мой взгляд,
Огни внезапно засветились...
Казалось, мы попали в ад.
Раздался гром! Я пал, простертый...
Когда ж взглянул, где мой вожак,—
Ого! узнал я тотчас черта;
С хвостом, с рогами, был он наг,
Стоял он с книгою большою,
Со множеством страниц пустых.
Как гром он грянул над землею:
«Что ж, хочешь сотню золотых?»

Клянись мне кровью и душою,
Клянись творцом и сатаной,
Что с женщиною ни с одною
Ты жить не будешь, как с женой,
Покуда сорок лет не минет
Тебе. До тех же пор пускай
Твой пыл в проказах не остынет
И уз любовных ты не знай!»
Держал он книгу предо мною,
Перо зажав в когтях кривых...
«Ну, подпишись под клятвой тою
И получай сто золотых!»

Но чем исполнить приказанье
И подписать на месте том,
Забыв и страх и колебанье,
Я осенил себя крестом...
Исчез нечистый в клубах дыма,
А я был вмиг перенесен
На мельницу к моей любимой...
Все сгинуло, как некий сон.
«Владей,—она сказала,—мною,
Вот ключ от всех богатств моих!»
Под медной крышкою простою
Лежала сотня золотых!

ЛЕОН

ДЪЕРКЕ

ЛАЗАРЬ

И мертвѣй Лазарь встал на Иисусов глас,
Весь бледнѣй, встал во тьме своей глухой гробницы
И вышел вон, дрожа, не подымая глаз,
Один и строг, пошел по улицам столицы.

Пошел, один и строг, весь в саване; вперед
И стал бродить с тех пор, как бы ища кого-то,
Встречая на пути приниженный народ
И сталкиваясь вновь то с торгом, то с заботой.

Был бледен лоб его, как лоб у мертвеца,
И не было огня в его глазах; темнели
Его зрачки, храня блаженство без конца,
Которое они, за гранью дней, узрели.

Качаясь, проходил он, как дитя; угрюм,
Как сумасшедший. Все пред мертвым расступались;
И с ним не говорил никто. Исполнен дум,
Он был подобен тем, кто в бездне задыхались.

Пустые ропоты земного бытия
Он воспринять не мог; мечтою несказанной
Охвачен, тайну тайн в своей душе тая,
По миру проходил он, одинокий, странный.

По временам дрожал, как в лихорадке, он;
Как будто, чтоб сказать, вдруг простирал он руку,—
Но неземным перстом был голос загражден,
И он молчал, в очах тая немую муку.

И все в Вифании, ребенок и старик,
Боялися его; он, одинокий, строгий,
Внушал всем смутный страх; его завидя лик
Таинственный, смельчак спешил сойти с дороги.

А! кто расскажет нам страданья долгих дней
Того, кто к нам пришел из сумрака могилы!
Кто дважды жизнь познал, влача среди полей
На бедрах саван свой торжественно-унылый!

Мертвец, изведавший червей укусы! ты
Был в силах ли принять заботы жизни бренной!
Ты, приносивший нам из вечной темноты
То знание, что вовек запретно для вселенной!

Лишь только отдала свою добычу смерть,
Ты странной тенью стал, сын непонятной доли!
И шел ты меж людьми, смотря без слез на твердь,
Не ведая в душе ни радости, ни боли.

Живя вторично, ты, бесчувствен, мрачен, нем,
Оставил меж людьми одно воспоминанье
Бесследное. Ужель ты дважды жил затем,
Чтоб дважды увидеть бессмертное сиянье?

О, сколько раз в часы, когда ложится ночь,
Вдали от всех живых, в высь руки простирая,
Ты к ангелу взывал, кто нас уводит прочь
Из жизни сумрачной к великим далям рая!

Как часто ты бродил по кладбищам пустым,
Один и строг, в тоске бесплодного томленья,
Завидуя тому, под камнем гробовым
Кто безмятежно спит, не ведав воскресенья.

ЖАН

МОРТАЛ

НОКТЮРН

Тук-тук, тук-тук.— «Ты кто, старик?»
— Я, ваша милость, гробовщик.

— «Сюда, сюда, тебя я жду,
Высокий клен сруби в саду,
Тяжелый гроб мне приготовь,
Чтоб схоронить мою любовь».

Тук-тук, тук-тук.— «Стучи, старик,
Спеши работать, гробовщик!»

«Ты белым тюлем гроб обвей,
Как грудь у ней, как грудь у ней!
И голубой прибавь убор,
Как милый взор, как милый взор!»

Тук-тук, тук-тук.— «Стучи, старик,
Спеши работать, гробовщик!»

«Вот там, вот там, где кленов ряд,
В тот час, когда погас закат
И месяц встал, и кругл и ал,
Другой к ее устам припал».

Тук-тук, тук-тук.— «Ты кто, старик?»
— Я, ваша милость, гробовщик.

— «Иди в мой сад,—иди, я жду.
Высокий клен сруби в саду,
Тяжелый гроб мне приготовь,
Чтоб схоронить мою любовь».

ЯНОШ

ДРАЖЬ

ОТКРЫТИЕ МОСТА

Чело испариной покрыто.
«На двойку ставлю. Так верней!»
Он кинул... Поздно... Карта бита.
Погибла ставка, вместе с ней —
«Надежда юности моей».

От рук его бежит удача,
Пот, как жемчужины, на лбу.
Конец... Могло ли быть иначе?
«Так нечего пытаться судьбу!»
Он вышел, закусив губу.

Пред ним был мост, высокий, новый.
Полощутся ряды знамен.
Сегодня в шуме славословий
Тот мост открыт и освящен
И в честь Маргиты наречен.

И бедный юноша, стая,
Вступил на мост; со всех сторон
Четыре берега Дуная
Струили колокольный звон.
Внизу был Млечный отражен.

Звенели полночь колокольни,
То отдаленны, то близки.
А он стоял, глядел на волны
И видел призраки реки.
Там были дети, старики...

Чуть вынырнув до подбородка,
Потом вставали в полный рост,
И вырисовывались четко,
И звали при сиянье звезд:
«Сюда! Святите новый мост!»

«Кто первый? Голубь с голубицей!»
И двое встали у перил.
«С тобой навек!» — самоубийца,
Обняв подругу, говорил.
И пенный вал обоих скрыл.

Им рукоплещут. «Ну-ка, скряга!
Смелей, мильонщик! Твой черед!»
«Я разорен вконец, бедняга!
Удрал должник, а я — банкрот!»
И он исчез в пучине вод.

Приходят третий и четвертый,
Хоть их никто не пригласил.
«Сегодня все спустил я к черту!»
«Я имя честное носил...
Я обесчещен, нету сил...»

Вода расходится кругами.
Приходит юноша: «Беда!
Я изгнан. Тяжело с деньгами.
Как жаль бесплодного труда.
Прощай, наука, навсегда!»

Почтенный старец с бородою
На мост восходит, чуть бредет.
«Весь век боролся я с нуждою,
Теперь уж счастье не придет!
Прими меня, водоворот!»

Вот размалеванная дама
Всплыла, ей скучно, гложет лень.
«Ах, жизнь? Мучительная драма...
Менять наряды трижды в день...»
И волны скрыли эту тень.

Тут с грохотом разверзлось лоно,—
Скелет воздвигся над волной:
«Я победил Наполеона,
И вот он, жезл победный мой!»
А тени шепчут: «Он шальной!»

Мальчишка, весь обросший тинной,
Со смехом обхватил скелет
И с ним взметнулся над пучиной.
«Меня лупили столько лет,
Теперь уже не тронут, нет!»

«Я был богат, самоуверен,
Мне надоел бесплодный свет!»
«Я был моей невесте верен,
Но ей понравился Альфред!..»
Мгновение — и этих нет!

«Была дуэль: Я жертва мести.
Я пал от пули роковой!»
«Бедняжка, я лишилась чести,
И, отягченная виной,
Дунаю стала я женой».

И вот уже не единицы,
А толпы посреди реки,
Как стаи перелетной птицы
Или как рыбы косяки,
Летят, свиваются в клубки.

Они как ливень, — мгла клубится,
Взбухает пузырями плёс.
И кружатся самоубийцы
Подобьем мельничных колес,
И падают за водосброс.

И юноша в остолбененье
Глядит... А волны все бегут.
И все речные привиденья,
Мелькающие там и тут,
К себе, к себе его зовут.

И он противиться не в силах,
Его к себе влечет волна,
Руками призраков унылых
К нему простерлась глубина...
И мост пустеет. Тишина.

ШАНДОР

ПЕТЕРЧИ

ЧОКОНАИ

Поп-кальвинист на белом свете жил,
А с тем попом Чоконаи дружил.
Однажды, в путь пустясь из Дебрецена
И навестивши друга невзначай,
«Дай горло промочить», — сказал смиренно
Чоконаи Витез Михай.

«Вино найдем! Как ты подумать мог,
Чтобы для друга моего глоток
Вина в моем подвале не нашелся!
Ты только пей да кружку подставляй», —
Так поп сказал, и с ним в подвал поплелся
Чоконаи Витез Михай.

«Ну, пить так пить!» — воскликнул щедрый поп,
Взмахнул рукой, из бочки пробку — хлоп!
«Я кран забыл! Я стал совсем болваном! —
Вдруг он вскричал. — Ни мига не теряй!
Беги наверх!» — И побежал за краном
Чоконаи Витез Михай.

Ладонью поп отверстие зажал,
И крана он в большом волнении ждал,
Но крана нет. И поп ворчал, сердился:
«Исчез! Пропал! Такого посылай!
К какому дьяволу он провалился,
Чоконаи Витез Михай!»

Ждать больше нет терпенья. Решено.
Поп бросил бочку (вытекло вино),
В дом поднялся, все осмотрел там грозно.
Нет никого. Сиди да поджидай.
Вернулся вечером, и очень поздно,
Чоконаи Витез Михай.

А дело было, скажем прямо, в том,
Что, кран ища, обшарил он весь дом,
Все перерыл с усердием неустанным,
Но не нашел. Где хочешь доставай!
Решил к соседям забежать за краном
Чоконаи Витез Михай.

А у соседей пир. Едва вошел,
Уже его зовут, ведут за стол.
И за едой, средь щедрых возлияний,
Хватив вина хмельного через край,
Не вспомнил о попе, забыл о кране
Чоконаи Витез Михай.

СУДЬИ, СУДЬИ...

Судьи, судьи, будьте чутки—
Приговоры ведь не шутки!
Приговаривая к смерти,
Все учтите, все проверьте!

Тише! Прозвучало слово:
«Смерть!» — сказал судья сурово.
К плахе юношу подводят,
С топором палач подходит.

Над землею солнце встало,
Наземь голова упала,
Хлещет кровь струею красной...
Ах, фонтан какой прекрасный!

Полночь, лунный свет зеленый...
Юноша встает казненный
Из-под эшафота прямо,
Из сырой могильной ямы.

Голову рукою правой
Он берет за чуб кровавый,
И по городу проходит,
И к дверям судьи подходит.

«Я невинный лег на плаху!»
Задрожал судья от страху...
Он проснулся... Дверь раскрылась,
Голова в нее вкатилась!

И с тех пор стоит ночами
Юноша перед дверями,
За неправду укоряет,
Головой в судью швыряет.

ШЕБАСТИАН

ТНЕВКОВСКИЙ

ЦТИРАД И ШАРКА

О воительницы девы,
Песнь пою я в вашу честь!
Разнесите по земле вы
Об отважной Шарке весть,
Чтоб о древней героине
Знали правнучки и ныне.

О мужчины, силачи вы!
Прославляйте мощь свою,
Хвастайтесь, велеречивы,
Сметкой, храбростью в бою.
Хитрость женская сильнее,—
Мужество не сладит с нею.

Вольных пташек ловят в клетку,
Песню сладкую им спев,
И в обманчивую сетку,
Алча пищи, лезет лев.
Так справляются и с нами
Девы,— в плен идем мы сами.

Цтирад храбрым был героем,
Перед ним наш край дрожал,
Много ль стоил разум, коим
В страхе он мужчин держал?
Нет его давно... У Шарки
Он погиб в объятьях жарких.

В Копанине поругались
Харуш с Мальм, распря шла:
Из-за поля потягались,
А не то— из-за вола.
Князю этот спор был гадок;
Навести решил порядок.

Был, как разума светило,
Послан Цтирад дворянин.
При посланце войско было...
Думал клином выбить клин.
Чтобы справиться до ночи,
Выбрал путь он покороче.

Шарке только на охоте
Донесли, что едет рать...
Надо птицу взять в полете,
Коль в гнезде ее не взять!
Мол, железа не остудим,
А ковать горячим будем!

И она взялась за дело...
Замысел возник хитер:
Привязать себя велела
К дубу у подбабских гор,
Чтоб проезжего героя
Полонить своей бедою.

Слабым голосом взывает:
— Кто там есть? Ко мне! Сюда!—
Цтирад мимо проезжает.
— С кем стряслася тут беда?—
И привязанную к древу
Молодую видит деву.

Это дева молодая!
Кто ее обидеть мог?
Слезы льет она, рыдая,—
Вот невинности залог!
Дева с грудью обнаженной
И слезами орошенной.

Чудным взглядом отуманен,
Цтирад вдруг окаменел;
Был глубоко в сердце ранен,
То краснел он, то бледнел,
Мокрые он щеки видит...
Ясно нам, что дальше выйдет.

Спешился; неторопливо
Деве снял он путы с рук.
А она кляла гневливо
Девин и своих подруг.
Мол, девическое царство
Полно злости и коварства.

Молвила она герою:
— Этим ведьмам месть готовь!—
Обольщала, глазки строя
И суля ему любовь.
Как от меда опьянел он—
Хитрый ход был девой сделан.

— Дева милая,— влюбленно
Молвил лакомка седой,
Поклонился церемонно:
— Расскажи мне, удостой,
Из какого ты семейства?
Кто виновники злодеяния?

— Пана Мизенского края
Дочь единственная я!
Навестить пошла вчера я
Хароузские края...
За зверьми гоняться в чаще
Мне всего на свете слаще!

Свистнув гончих, на рассвете
Я отправилась в поход
С гибким луком, с рогом, с плетью
И с бутылкой. Это— мед.
Угощайтесь, славный витязь!
Вы напитком освежитесь!

Я за ланью погнался,
Заблудилась и, трубя
В рог охотничий, к несчастью,
Девам выдала себя.
Звали в замок, улещали,—
Жить, мол, будешь без печали.

Есть, мол, радость, упоенье
В избиении мужчин
Или под древесной сенью
Для тебя конец один—
Смерть! И гибель предпочла я,
Быть убийцей не желая.

В наказание связали
И на голод обрекли.
Вы призыв мой услышали,
Прискакали и спасли.
Храбрый! Жизнь вернули мне вы!
Не страшны теперь мне девы.

Требуйте любой награды,
О спаситель мой, герой!
Все исполнить буду рада!—
И прекрасною рукой
Бороды его коснулась,
Чтоб в герое страсть проснулась.

Но и на бутылъ с напитком
Он умильно поглядел.
Насладившись им с избытком,—
Ибо есть всему предел,—
Видит: девушка чудесна,
Грудь ее бела, прелестна!

Приказал своей охране:
— Вы пускайтесь дальше в путь;
Догоню вас! От страданий
Хочет дева отдохнуть.—
Девушку он улещает,
Горы злата обещает.

Старый лакомка пустился
Деву юную лобзать...
Был зануздан, утомился,
Ослабел, хотелось спать;
Что она ни говорила,—
Все ему казалось мило.

А затем герой хваленый
Распроказничался так,
Как порой медведь ученый
Пляшет для толпы зевак;
Чтоб привольнее резвиться,
Сдал оружие он девице.

И тогда она велела
В рог трубить. И в этот срок
Войско девичье приспело;
Безоружный, он не мог
Ни грозить, ни защищаться
И решил, что лучше сдаться.

И для всех бойцов дружины
Сделать так пришел черед:
Словно мухи, все мужчины
Липли на девичий мед
И свалились спать под дровом,
Что и нужно было девам.

У. Х. РОБИНСОН

Наконец проснулись. Вместо
Пик и сабель — тяжесть пут;
Встать никто не может с места.
Обуял их ужас тут...
Был удел мужчин плачевен:
Связанных погнали в Девин.

Люди сказки не забудут,
Шарку станут величать.
И покуда песни будут
На земле еще звучать,
Будет пламенно и ярко
Имя девы этой — Шарка!

КАРЕЛ ГИНЕК

МАХА

ПРЯХА

Сидит дева-пряха у цветущей майи,
Горе предвещает кукушка лесная.

Три года под майей сидит дева-пряха.
С Крконоша в долине виден город Прага.

Устремлен на Прагу девы взор унылый,
Может быть, вернется с войны ее Милвой.

Бледны от заботы стали алы щеки —
Не вернется Милвой, проходят все сроки.

Несет черный ворон о Милвое вести:
Пал он в битве с турком, не придет к невесте.

— Ой ты, Снежка, Снежка, — дева зарыдала, —
Погребите сердце, снежные обвалы.

Глянь, пред ней великий Крконош громоздится!
Девушка трепещет, девушка боится.

— Ты не бойся, пряха! — Крконош отвечал ей:
Мощь моя избавит ото всех печалей.

Голубой цветочек вновь цветет у майи,
Не сули печали, кукушка лесная.

ЖЕРУДА

СТРАСТНАЯ БАЛЛАДА

Был совет. И должен был диавол
С жалобой прийти в чертог господний,
Ангелы со всех сторон слетелись,
Сатана взлетел из преисподней.

Встал господь. И было тихо-тихо.
«Сатана пусть говорит сегодня».
Ангел Зла склонился перед богом:
«Да сияет благодать господня!

Жалуюсь пред всеми небесами
На тебя, создателя Вселенной:
Мне во зло ты отдал сына Девы,
Чтоб спасти сей род людской растлен!

Повелел ты мне людское племя
Обуздать терзаньем вечной ночи,
А теперь склонился к милосердью
И опять меня лишаешь мощи!»

«Отдал я единственного сына,
Чтоб на свете людям легче стало,
Это ль не цена за искупленье?»
Сатана ответил: «Мало, мало!

Пусть тогда все ангелы Вселенной
Для него мучения измыслят,
Пусть сто мук он испытает, прежде
Чем, распятый, на кресте повиснет!»

Херувим сказал: «Пусть он возропщет
На неблагодарность и глумленье,
Пусть того побьют камнями люди,
Кто на крест пошел за их спасенье».

Серафим сказал: «Пусть он познает
То, что хуже всякого мученья:
Самых дорогих ему и близких
Злобу, и хулу, и отреченье».

Встал архангел: «Дай ему изведать,
Что и небесами он покинут.
Пусть придет в отчаянье, о боже,
Оттого, что он тобой отринут».

Встал господь: «Довольно ли, диавол?
Можно ль заплатить еще дороже
За спасение людского рода?»
Сатана ответил: «Мало, боже!

Есть мученье горше всех мучений:
Пусть, в последний миг на мир взирая,
Сын терзанья матери увидит,
На кресте в мученьях умирая!»

ЧЕШСКАЯ БАЛЛАДА

Когда-то в Чехии, давно,
Жил рыцарь Палечек,— вино,
И смех, и шутки он любил,
И храбр, и добр ко всем он был,
И все его любили.

Не только веселиться, пить,—
Любил еще он и бродить
По Чехии своей родной,
И, очарованный страной,
В мечты он погружался.

«Пан рыцарь,— раз услышал он,—
О чем мечтаешь? Иль влюблен?»
Очнулся Палечек— и вот
Пред ним веселый хоровод
С самой Весной царицей.

«Что ж, храбрый рыцарь, ты притих?
Ты мне милее всех других.
Будь, как всегда, находчив, смел,
Скажи— чего бы ты хотел?
Проси, я все исполню!»

И тотчас молвил рыцарь наш:
«Ты просьбу скромную уважь:
Когда умру, в родимый край
Являться каждый год мне дай
На восемь дней весенних.

Когда цветут сады, поля
И радуется вся земля,
Тогда на восемь дней, Весна,
Ты пробуждай меня от сна!»
«Будь так!» — Весна сказала.

И каждый год, покинув мрак,
Встает наш рыцарь-весельчак,
Разбужен запахом цветов,
Услышав соловьиный зов,
По всей стране проходит.

И чешский тихий, грустный край
Поет, цветет, встречая май,
Повсюду песни, шутки, смех,
И радуется каждый чех,
Но так — увы — недолго!

Ведь рыцарь лишь на восемь дней
Встает весной, в согласие с ней.
Она ему подносит мед,
И, охмелев, на целый год
Он снова засыпает.

БАЛЛАДА О ТРЕХ КОРОЛЯХ

Под визг детей и крик толпы, под грохот барабанный,
Под звук воинственной трубы и флейты деревянной
Три короля чужой земли
Под вечер в Вифлеем вошли.

И молвили: «Мы шли сюда с одной высокой целью,
Чтоб наши головы склонить пред этой колыбелью».

И вот, увидев хлев простой, стоящий в отдаленье,
С верблюдов слезли короли и стали на колени.

Покуда, расстелив ковры,
Их слуги вынесли дары,

Король-оратор, что стоял всех впереди, с поклоном
Младенцу славу и хвалу воздал умильным тоном.

«О матушка, — сказал второй, — твое дитя прекрасно,
Ведь у него твои глаза — и как сияют ясно!»

А третий слушал и вздыхал

И так Иосифу сказал:

«Да, это чудо из чудес, весь мир сегодня счастлив!»
Но тут-то маленький Иисус зашевелился в яслях.

Сказал он: «Вы пришли сюда, терпя в пути невзгоды,
Ведь даже вам милы подчас апостолы свободы.

Когда ж со временем за мной

Ученики пойдут толпой,

Вас испугает, короли, пророк из Назарета,
И у доносчиков тайком вы спросите совета.

Вы позабудете о том, как шли сюда когда-то,
Как славословили меня, дарили шелк и золото,

И вы решитесь наконец

Терновый мне подать венец.

И на Голгофу я взойду, камней осыпан градом,
Но никого из вас тогда со мной не будет рядом!»

Король-оратор набекрень свою корону сдвинул,
Хотел он было возразить Иосифову сыну,

Да что-то мысли не пришли.

И зашептались короли:

«Он плотника простого сын! К кому мы тут взываем?»
Пришли со славой короли, а как ушли — не знаем.

СВАТОПЛУК

ЧЕХ

ГУСИТ НА БАЛТИКЕ

Мчится с громом, уподобясь ветру,
Армия гуситская по свету,
На телегах ратники в доспехах,
Женщины и девы на телегах.
Погляди — сияющую чашу
Золотую ксендз возносит бледный;
Мчится войско, словно смерч гремющий,
Слышится оружья лязг победный.

У вождя их борода седая,
Но в его глазах огонь сияет.
Он как храм, источенный годами,
Где горит лампада над вратами...
Шлем на голове его сверкает,
На груди чешуйчатые латы,
Борода на латы ниспадает,
Вьется вихрем, словно стяг крылатый.

Чу, там Балтика... Грохочет море,
И богатырей могучих взоры
Разлетелись быстрыми орлами,
Рея над пятнистыми волнами.
У мужчин от торжества победы
Спины выпрямляются и шеи.
Плачут радостно седые деды,
Гордым женщинам дышать вольнее.
Вождь сказал: «Прощается с душою
Тело, и достойную героя
Вижу я могилу в этих скалах,
Враг у нас когда-то отобрал их,
Мы вернули их победой ратной;
Здесь и положите мое тело,
Пусть рука сжимает меч булатный,
Тот, с которым шел я в битву смело.

Подоприте шлемом мое темя,
Чтобы я смотрел вперед все время,
Щит блестящий положите в ноги,
Как во время воинской тревоги.
Балтика, подобно барабану,
Пусть гудит, зовя на подвиг правый,
Так вот здесь лежать веками стану,
Как хранитель вечной чешской славы...»

Старец умер. По его веленью
Предали здесь тело погребенью.
Спит он под могильною травою —
В шлеме, в латах, с грозной булавою.
Балтика гудит, как будто слышен
Барабан, зовущий в бой кровавый,
И лежит веками, неподвижен,
Сторож вековечный чешской славы.

Уж не мчится, уподобясь ветру,
Армия гуситская по свету,
И давно поблекла слава чаши,
И тесак ислел, отчизну спасший,
Но гусит на Балтике плененной
До сих пор лежит, напоминая,
Как вздымались чешские знамена
И гремела слава боевая.

В треснувшем щите лишь ветер злится,
В шлеме вьет гнездо морская птица,
Меч покрылся ржавчиной, а латы
Стебельками скудных трав объаты.
Но еще сияет чаша гордо
На груди гуситского героя,
А над головою распрóстерто
Знамя чешской славы боевое.

В час, когда ударит буря гневно
И корабль бросает в пропасть с гребня,
Гнется мачта и трещат крепленья,
И бушуют волны в белой пене —
Вахтенный полуночной порою
Вдруг охвачен смертною тревогой,
Увидав покойника героя
В блеске молний на скале высокой.

Кажется, что жизнь былая снова
Пробудиться в мертвеце готова
И что вновь те песни будут петься,
От которых убегали немцы,
Будто у героя-привиденья
Засверкали молнии во взоре
И сжимает в страшном исступленьи
Тяжкий меч гусит-мертвец у моря.

ЯРОСЛАВ

ВРАЖИЦКИЙ

ТРИ ВСАДНИКА

Три всадника ехали мраком дубравным,
Болотом и лесом, путем многотравным.
И кровью червонною запад горит,
А первый ездок за других говорит:
«Я в бой никогда не стремился — тоскуя,
Но дома сегодня оставил сестру я.
Так юное жалко ее мне житье,
Чужой — неприятель — похитит ее».
Тут новый раскинулся сумрак на небе,
И всадник другой повестует свой жребий:
«Сестра позабудет о горе своем,
Чуть звякнет подкова, сверкнув под окном».

Но горько мне — дома оставил жену я,
Чуть вспомню — и болью я полон, горяю.
Там детки остались, и грусть тут, и страх:
Под сердцем одно, и другое в руках.
Как терпкий терновник и горек, и ранит,
Так дети, где в доме сиротском отца нет».
Не ветер повеял от скал из могил,
И третий из глуби души возопил:
«Сестра ли, жена ли, то муки живые,
Но мать я родимую бросил впервые.
О, матушка, в старость, с надрывом, с тоской,
Как ива с надломом она над рекой.
Испьет у ней очи та кара господня.
Впервые я с ней разлучился сегодня.
Чуть только подумаю, в сердце гроза:
Ей кто же по смерти закроет глаза?»

В затишье угрюмом, все дале и дале,
Чрез топи, чрез скалы, им те же печали.
А прежде чем месяц сверкнул на горе,
Как первый ездок позабыл о сестре.
И только что ратную песню запели,
Весь лик у второго был полон веселий.
И вот уж в пожаре весь вражеский стан,
А третий все той же тоской обуян.
И, прежде чем мгла опустилась на травы,
Уж был довоеван весь бой тот кровавый.

Орел закогтился у первого в бровь,
В росе охладилась горячая кровь.
И волк на другого накинудся в чаще,
Добычу нашел в нем и пир настоящий.
Но с знаменем третий держался, как вал,
И с именем матери наземь упал.
А в смерти — и в смерти — о ней вся кручина,
Из тела сыновнего встала калина.
Она зеленеет, цветет в свой черед,
И белая пташка на красной поет.
Поет пред рассветом, звенит, как рыданье:
«О мать!» — «О дитя!» — «О, какое свиданье!»

ЮЛИАН УРСЫН

НЕМЦЕВИЧ

ГЛИНСКИЙ

Под сводом обширным темницы подземной,
 Куда луч приветный отрадных светил
 Страшился проникнуть, где в области темной
 Лишь бледный свет лампы, мерцая, бродил;
 Гремевший в Варшаве, Литве и России
 Бесславьем и славой свершенных им дел,
 В тяжелой цепи по рукам и по вые,
 Князь Глинский, задумчив, сидел.

Волос уцелевших седые остатки
 На сморщенно веком и грустью чело
 Спадали кудрями, висясь в беспорядке:
 Страданье на Глинском бразды провело...
 Сидел он, склоненный на длань головою,
 Угрюмою думой в минувшем летал;
 Звучал средь безмолвья цепями порою
 И тяжело, стоная, вздыхал.

При нем неотступно в темнице сидела
 Прелестная дева — отрада слепца:
 Свободой, и счастьем, и светом презрела,
 И блага все в жертву она для отца.
 Блеск пышный чертога для ней заменила
 Могильная мрачность темницы сырой;
 Здесь девичью прелесть дочь нежная скрыла
 И жизни зарю молодой.

— О, долго ли будешь, стоная, лить слезы?—
 Рекла она нежно.— Печали забудь!
 Быть может, расторгнешь сии ты железы:
 Надежда лелеет и узников грудь!

Быть может, остаток несчастливой жизни,
Спокоя волнение и бурю души,
Как гражданин верный, на лоне отчизны
Ты счастливо кончишь в тиши.

— На лоне отчизны! — воскликнул изменник.—
Не мне утешаться надеждою сей:
Страшась угрызений, стенающий пленник,
Несчастный, и вспомнить трепещет о ней.
Могу ль быть покоен хотя на мгновенье?
Червь совести тайно терзает меня;
К себе самому я питаю презренье
И мучусь, измену кляня.

Природа дала мне возможные блага,
Чтоб славным быть в мире иль грозным в войне:
Богатство, познания, порода, отвага —
Все с щедростью было ниспослано мне.
Желал еще славы и лавров победы;
Душа трепетала, дух юный кипел...
Вдруг поднялись тучей на Польшу соседы —
И лавр мне достался в удел.

Могольские орды влетели бедою:
Литва задымилась в пылу боевом —
И старцы, и жены, и дети толпою
Влеклися в неволю свирепым врагом;
И в пепел деревни и пышные грады;
И буйный татарин в крови утопал;
Ни веку, ни полу не зрели пощады —
Меч жадный над всеми сверкал.

Встревожен невзгодой, я к хищным навстречу
С дружиною храбрых помчался грозой,
Достиг — и отважно в кровавую сечу,
И кровь полилася, напелясь, рекой.
Покрылись телами поля и равнины:
Литвин и татарин упорно стоял;
Но с яростью новой за мною дружины —
И гордый могол побежал.

Боролся с кончиной властитель державный;
Тревогой и плачем наполнен дворец —
И вдруг о победе, и громкой и славной,
От Глинского с вестью примчался гонец.

Чело Александра веселость покрывала:
«Когда торжествует родная страна,—
Он рек предстоящим,— тогда и могила,
Поверьте, друзья, не страшна!»

Сим подвигом славным, чрез меру надменный,
Не мог укротить я волненья страстей—
И род забржезенских, давно мне враждебный,
Внезапно средь ночи пал жертвой мечей.
Погиб он—и други мне стали врагами,
И, предан душою лишь мести одной,
Дерзнул я ввестися с чужими полками
В отчизну свирепой войной.

О мука! о совесть—тиран неотступной!..
Ни зрелище стягов родимой земли,
Ни тайный глас сердца из длани преступной
В час битвы исторгнуть меча не могли!
Среди раздраженных, пылающих мщеньем,
И ярых, и грозных душой москвитян,
Увы, к преступленью влеком преступленьем,
Разил я своих сограждан!..

Бой кончен—и Глинский узрел на равнине
Растерзанных трупов и груды костей;
Душа предалася невольной кручине,
И брызнули слезы на грудь из очей.
Не в пору познал я тоску преступленья!
Вся гнусность измены представилась мне;
Молил Сигизмунда проступкам забвенья;
Мечтал о родной стороне!

Но гений враждебный о тайне душевной
Царю в злое время известие дал,
И русский властитель, смущенный и гневный,
Раскаянье сердца изменой назвал:
Лишил меня зренья убийцы руками,
Забывши и славу, и старость мою,
И дядю царицы, опутав цепями,
Забросил в темницу сию.

Лет десять живу я в могиле сей хладной;
Ни звезды, ни солнце не светят ко мне;
Тоскую, угрюмый в душе безотрадной,
И думой стремлюся к родимой стране.

Приметно слабею в утраченных силах,
Чуть сердце трепещет, немеет мой глас,
И медленней льется кровь хладная в жилах,
И смерти уж близится час.

О дочь моя! Скоро, над гробом рыдая,
Ты бросишь на прах мой горсть чуждой земли.
Скорее, друг юный, беги сего края:
От милой отчизны жить грустно вдали!
Свободный народ наш, деяньями славный,
Издавна известный в далеких краях,
Проступки несчастных отцов своенравно
Не будет отмщать на детях.

Край милый увидишь — и сердца утраты,
И юных лет горе в душе облегчишь;
И башни, и храмы, и предков палаты,
И сердцу святыя гробницы узришь!
Отца проклиная, дочь милую нежно
И ласково примут отчизны сыны —
И ты дни окончишь в тиши безмятежной
На лоне родимой страны.

Пусть рок мой, исполнен тоской и мученьем,
Пребудет примером отчизны моей!
Да, каждый, пылая преступным отмщеньем,
Идти не посмеет стезею страстей!
Да видят во мне моей родины братья,
Что рано иль поздно — измене взгремят
Ужасные сердцу сограждан проклятья
И совесть от сна пробудят!

Несчастный умолкнул с душевной тоскою;
Вдруг стон по темнице — и Глинский упал
На дочери лоно седой головою,
И холод кончины его оковал!..
Так Глинский — муж Думы и пламенный воин —
Погиб на чужбине, как гнусный злодей;
Хвалы бы он вечной был в мире достоин,
Когда бы не буря страстей.

АДАМ
МЦКЕВИЧ

РОМАНТИКА

Methinks, I see... Where?
In my mind's eyes!

Shakespeare¹

Девушка, что ты?
— И не ответит.—
Нет ни души здесь. Ну что ты?
Тихо местечко. Солнышко светит.
С кем говоришь ты в эти минуты?
Руки простерла к кому ты?
— И не ответит.

То в пустоту ненароком
Смотрит невидящим оком,
То озирается с криком,
То вдруг слезами залъется,
Что-то хватает в неистовстве диком,
Плачет и тут же смеется.

«Здесь ты, Ясенько? Вижу, что любишь,
Если пришел из могилы!
Тише! меня ты погубишь,
Мачеха дома, мой милый!

Слышит?—и ладно, пусть я в ответе!
Ты ведь не здесь—на том свете!
Умер? Как страшно в сумраке ночи!
Нет, мне не страшно, ты рядом, как прежде,

Вижу лицо твое, губы и очи!
В белой стоишь ты одежде!

Сам ты холстины белее,
Боже, как холодны эти ладони!
Дай их сюда—отогрею на лоне,
Ну поцелуй же, смелее!

---

¹ Как будто вижу! Где?..
В очах моей души!

Шекспир (англ.).

Умер! Прошли две зимы и два лета!
Как холодна ты, могила!
Милый, возьми меня с этого света,
Все мне постыло.

Люди все злобою дышат,
Горько заплачу — обидят,
Заговорю я — не слышат,
То, что я вижу, не видят.
Днем не придешь ты... Не сон ли?.. Как странно!
Я тебя чувствую, трогаю даже.
Ты исчезаешь. Куда ты? Куда же?
Рано, совсем еще рано!

Боже! Запел на окраине кочет,
В окнах багряные зори.
Стой же! Уходит. Остаться не хочет.
Горе мне, горе!»

Так призывает девушка друга,
Тянется следом и плачет.
Голос печали слышит округа,
Люди толпятся, судачат.

«Богу молитесь! — твердят старожилы. —
Просит душа о помине.
Ясь неразлучен с Карусей поньне,
Верен был ей до могилы».

Я в это верю, не сомневаюсь,
Плачу, молиться пытаюсь.
«Девушка, что ты? — крикнет сквозь ропот
Старец и молвит солидно: —
Люди, поверьте, поверьте в мой опыт,
Мне ничего здесь не видно.

Духи — фантазия глупой девицы,
Что вы за темные души!
Спятила — вот и плетет небылицы,
Вы же развесили уши!»

«Девушка чует, — отвечу я сразу, —
Люди без веры — что звери.
Больше, чем разуму, больше, чем глазу,
Верю я чувству и вере.

Будет мертва твоя правда, покада
Мертвый твой мир настоящим не станет.
Жизни не видишь — не видишь и чуда.
Было бы сердце, оно не обманет!»

СВИТЕЗЯНКА

Баллада

Кто этот юноша скромный, прекрасный,
Рядом с ним дева кто эта,
Идут по берегу Свитези ясной
В проблесках лунного света?

Дева ему предлагает малины,
Он ей цветов предлагает;
Знать, то виновник девичьей кручины;
Видно, по ней он вздыхает.

Каждую ночь я в условную пору
Тут их под дубом встречаю.
Здесь стрелок он и рыщет по бору;
Кто эта дева — не знаю.

Скрылась — куда? И откуда? Поньне
Это никто не узнает.
Всходит она, как цветок на трясине,
Искрой ночной пропадает.

«Друг мой, скажи мне, зачем ты скрываешь?
Тайна к чему нам пустая?
Что за тропинку глухую ты знаешь?
Где твоя кровля родная?

Лето минуло, дождлива погода,
Лист пожелтел на вершинах,—
Буду ль всегда твоего я прихода
Ждать на прибрежных долинах?

Полно блуждать, словно облачко дыма,
Серной мелькать молодою,
Лучше останься ты с тем, кем любима!
Милая, следуй за мною!

Домик мой здесь недалеко; раздольно
В нем меж кустами ольшины;
Там молока и плодов с нас довольно,
Всякой довольно дичины».

«Стой! Стой! Отвечу пред гордым мужчиной,
Вспомня отцовский обычай:
В голосе вашем привет соловьиный,
В сердце же помысл лисичий.

Страшно! Любви я не верю, робею;
Хитрый обман злонамерен.
Может быть, я и была бы твоею,
Только ты будешь ли верен?»

Юноша пал на колени, хватает
Землю, клянется ей светом,
Ясной луною и адом... Кто знает,
Будет он верен обетам?

«Этим обетам будь верен, мой милый!
Кто нарушает подобный,
Здесь ему горе, и там, за могилой,
Горе душе его злобной».

Дева венки свой надела в смущенье,
Смокла, махнула рукою
И, поклонившись стрелку, в отдаленье
Скрылась знакомой тропею.

Он ей вослед, но напрасны старанья!
Сколько стрелок ни метался,
Дева исчезла, как ветра дыханье;
Он одинокий остался.

Где он? Свернул незнакомой тропею...
Гнется трясина живая,
Тихо кругом, лишь трещит под ногою
Изредка ветка сухая.

Вот и к воде подошел он в смущенье,
Взоры блуждают без цели...
По лесу ветер завыл в отдаленье...
Волны, кипя, зашумели...

Льются и плещут, кипя и сверкая...

О, это призрак напрасный:
Чудная дева всплыла, разверзая
Влагу на Свитези ясной!

В каплях чело ее мягче сияет
Роз белоснежных завоя,
Легче тумана покров обвивает
Тело ее неземное.

«Юноша, юноша нежный, прекрасный,—
Дева взывает с упрёком,—
Что ты тут бродишь у Свитези ясной
В полночь в раздумье глубоком?

Юного сердца порывы так жарки,
Ты околдован мечтою...
Может быть, речи вертлявой дикарки
Были насмешкой пустою?

Слушай и верь мне: с тоскою расставшись,
Брось этот призрак печальный:
Здесь оживешь ты; здесь будем, обнявшись,
Плывать по влаге кристальной;

Будешь, как резвая ласточка, шибко
Волн по верхам прикасаться,
Либо, доволен и весел, как рыбка,
День весь со мною плескаться.

Ночью ж, на дне серебристой купели
Под зеркалами живыми,
Нежась на мягкой лилейной постели,
Тешиться снами златыми!»

То, не касаясь до влаги стопами,
Радугой блещет лучистой,
То, погружаясь, играет с волнами,
Пеною брызжет сребристой.

Юноша к ней; но, опомнясь, с разбегу
Хочет прыгнуть и не хочет:
В ноги к нему подкатившись по берегу,
Нежно волна их щекочет.

Льнет и щекочет так сладко-игриво,
Так в нем душа замирает,
Будто бы руку ему торопливо
Милая тайно сжимает.

Вмиг позабыты душой омраченной
Клятвы пред девой лесною:
К гибели мчится стрелок ослепленный,
Новой взманен красотою...

Мчится и смотрит, и смотрит и мчится
Следом коварного тока,
Синяя бездна дрожит и кружится,
Берег остался далеко.

Рук белоснежных он ищет руками.
Очи в очах утопают.
Хочет к устам прикоснуться устами,
Волны бегут и сверкают.

Вдруг ветерок пропорхнул, разгоняя
Тучки сребристой завесу;
Юноша смотрит, черты узнавая...
Ах, это дева из лесу!

«Где же обет твой священный, мой милый?
Кто нарушает подобный,
Здесь ему горе и там, за могилой,
Горе душе его злобной.

Где тебе мчаться равниною водной,
С бездной играть голубою?
Бренное тело землею холодной,
Очи закроются тьмою.

А у знакомого дуба скитаться
Будет душа твоя злая;
Тысячу лет суждено ей терзаться,
В пламени адском сгорая!»

Слышит стрелок эти речи в смущенье,
Взоры блуждают по цели,
По лесу ветер завыл в отдаленье,
Волны, кипя, зашумели.

Мечутся волны толпой разъяренной,
Плещут, клокочут и стонут,
Пасть разверзается хляби бездонной,
Дева и юноша тонут.

Волны поныне и в брызгах, и в пене
Плещут, исполнены гнева;
Мчатся по ним две знакомые тени —
Юный стрелок то и дева!

ВОЕВОДА

Поздно ночью из похода
Воротился воевода.
Он слугам велит молчать;
В спальню кинулся к постели:
Дернул полог... В самом деле!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнее черной ночи,
Он потупил грозны очи,
Стал крутить свой сивый ус...
Рукава назад закинул,
Вышел вон, замок задвинул;
«Гей ты,—кликнул,—чертов кус!

А зачем нет у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я вас, хамы!.. Дай ружье;
Приготовь мешок, веревку
Да сними с гвоздя винтовку.
Ну, за мною!.. я ж ее!»

Пан и хлопец под забором
Тихим крадутся дозором,
Входят в сад — и сквозь ветвей,
На скамейке у фонтана,
В белом платье, видят, панна
И мужчина перед ней.

Говорит он: «Все пропало,
Чем лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любил:
Белой груди воздыханье,
Нежной ручки пожиманье...
Воевода все купил.

Сколько лет тобой страдал я,
Сколько лет тебя искал я!
От меня ты отперлась.
Не искал он, не страдал он,
Серебром лишь побряцал он,
И ему ты отдалась.

Я скакал во мраке ночи
Милой панны видеть очи,
Руку нежную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лет ей и веселья
И потом навек бежать».

Панна плачет и тоскует,
Он колени ей целует,
А сквозь ветви те глядят,
Ружья наземь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполом заряд.

Подступили осторожно.
«Пан мой, целить мне не можно,—
Бедный хлопец прошептал,—
Ветер, что ли, плачут очи,
Дрожь берет; в руках нет мочи,
Порох в полку не попал».—

«Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мне время!
Съешь на полку... Наводи...
Цель ей в лоб. Левее... выше.
С паном справлюсь сам. Потише;
Прежде я; ты погоди».

Выстрел по саду раздался,
Хлопец пана не дождался;
Воевода закричал,
Воевода пошатнулся...
Хлопец, видно, промахнулся:
Прямо в лоб ему попал.

БУДРЫС И ЕГО СЫНОВЬЯ

Три у Будрыса сына, как и он, три литвина,
Он пришел толковать с молодцами.
«Дети! седла чините, лошадей проводите
Да точите мечи с бердышами.

Справедлива весть эта: на три стороны света
Три замышлены в Вильне похода.
Паз идет на поляков, а Ольгерд на пруссаков,
А на русских Кестут воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранят вас литовские боги!),
Нынче сам я не еду, вас я шлю на победу;
Трое вас, вот и три вам дороги.

Будет всем по награде: пусть один в Новеграде
Поживится от русских добычней.
Жены их, как в окладах, в драгоценных нарядах,
Домы полны, богат их обычай.

А другой от пруссаков, от проклятых крыжаков,
Может много достать дорогого,
Денег с целого света, сукон яркого цвета,
Янтаря — что песку там морского.

Третий с Пазом на ляха пусть ударит без страха;
В Польше мало богатства и блеску,
Сабель взять там не худо; но уж, верно, оттуда
Привезет он мне на дом невестку.

Нет на свете царицы краше польской девицы.
Весела, что котенок у печки,
И, как роза, румяна, а бела, что сметана;
Очи светятся, будто две свечки!

Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я тоже
И оттуда привез себе женку;
Вот и век доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, как гляжу в ту сторонку».

Сыновья с ним простились и в дорогу пустились.
Ждет-пождет их старик домовитый.
Дни за днями проводит, ни один не приходит.
Будрыс думал: уж, видно, убиты!

Снег на землю валится, сын дорогою мчится,
И под буркою ноша большая.
«Чем тебя наделили? что там? Ге! не рубли ли?»
«Нет, отец мой; полячка младая».

Снег пушистый валится; всадник с ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
«Что под буркой такое? Не сукно ли цветное?»
«Нет, отец мой; полячка младая».

Снег на землю валится, третий с ношею мчится,
Черной буркой ее прикрывает.
Старый Будрыс хлопочет и спросить уж не хочет,
А гостей на три свадьбы сзывает.

ЮЗЕФ БОГДАН

ЗАМЕССКИЙ

ДВЕ СМЕРТИ

Год они любились — навек разлучились,
И сердца обоих вдребезги разбились.

Девнца томится во светлице новой,
А казак уложен мать-сырой дубровой.

Девнца поникла к пуху-изголовью,
А казак — к жупану, облитому кровью.

Девичьи лекарства — меды-вареницы,
А казак... хоть каплю б подали водицы!

Девичу вся семья с плачем обнимает,
А казак... уж ворон каркнул и слетает...

Оба отстрадали; грудь сожгло обоим —
И заснули оба вечным сном-покоем.

Девичу со звоном, с литией зарюют,
А казак... над бедным только волки воют...

Девичью могилку холят и лелеют,
А казачьи кости по ветру белеют.

АНТОНИЙ ЭДВАРД
ОДЫЖЕЦ

ПЛЕННИЦА

(Литовская баллада)

Перестань же плакать, полька! Ты в руках моих!
Изволь-ка

Сесть на лошадь как-нибудь.
Будешь ты моей рабою. Я замешкался с тобою,
А далек и труден путь!

Заковавши пленных в цепи, наши всадники по степи
Ускакали впереди.
Не догнать их в чистом поле... И с тобою поневоле
Расплачусь я, погоди!

Но убью тебя, так кто же ляжет спать на брачном ложе,
Приласкавшись ко мне?
Есть у нас, в Литве, обычай, чтоб с красавицей-добыгчей
Возвращаться на коне.

Снова просишь робким взглядом. Все напрасно! Сядь же
рядом,
Сядь со мною на седло!
Мы с богатством незнакомы; наши седла из соломы,
Но в избе у нас светло.

Дома — славные мы люди. Мой скакун лихой из Жмуди
Ждет, хозяйку полюбя;
А вечернею порою я от холода закрою
Волчьей буркою тебя.

И о чем же ты жалеешь? Ничего здесь не имеешь,
Все исчезло без следа:
Дом родимый, дом отцовский подожжен рукой литовской, —
Оглянись, смотри сюда!

А! Ты плакать перестала, веселей, живее стала,
Кровь прихлынула к лицу;
Взоры к небу ты возносишь: проклинаешь, или просишь,
Или молишься творцу?

Девки—ветренное племя!.. Как она поспешно в стремя
Вдела ногу—и к огню
Мчится вихрем, вдруг спрыгнула, побежала, обманула...
Врешь!.. Стрелую догоню.

Осторожнее! Смотри же, пламя вьется ближе, ближе...
Удались! Прощу, молю...
Клятва страшная—залогом: я клянусь Перуном-богом,
Что люблю тебя, люблю!

На тебе одежда пышет... Сумасшедшая, не слышит!
Стой! Назад, сюда, ко мне!
На она, поднявши руки, не пугаясь страшной муки,
Вдруг исчезнула... в огне.

ЮЛИУШ

СЛОВАНУШКИ

БАЛЛАДА ПАЖА

«Сын мой, отчего с утра
На лице твоём хандра,
Кровью меч замочен?»

— Сокола я сбил мечом.
Била кровь из жил ключом.
Тем я озабочен.

«Ты б тогда не хмурил бровь.
Эка важность птичья кровь!
Это кровь иная».

— Мать, я загубил коня,
Вихрем он носил меня,
Ветер обгоняя.

«Ты б не плакал о коне.
Сын мой, сын, сознайся мне,
В чьей крови обнова?»

— Мать, я зарубил отца.
На обнове молодца
Кровь отца родного.

«После лютости такой
Где ты обретишь покой?
На какой чужбине?»

— В тридесятые края
От родимого жилья
Я уйду отныне.

«Ну, а тут, в родной стране,
Что оставишь ты жене,
Завещаешь детям?»

— Пусть по их следам всегда
Ходит по пятам нужда
Здесь, под небом этим.

«Сын мой, в этот страшный час,
Что ты матери припас,
Край наш покидая?»

— Проклята будь с этих пор!
Это твой был подговор,
Чтоб убил отца я.

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ
ЖУКОВСКИЙ

СВЕТЛАНА

А. А. Воейковой

Раз в крещенский вечерок
 Девушки гадали:
 За ворота башмачок,
 Сняв с ноги, бросали;
 Снег пололи; под окном
 Слушали; кормили
 Счетным курицу зерном;
 Ярый воск топили;
 В чашу с чистою водою
 Клали перстень золотой,
 Серьги изумрудны;
 Расстилали белый плат
 И над чашей пели в лад
 Песенки подблюдны.

Тускло светится луна
 В сумраке тумана —
 Молчалива и грустна
 Милая Светлана.
 «Что, подруженька, с тобой?
 Вымолви словечко;
 Слушай песни круговой;
 Вынь себе колечко.
 Пой, красавица: «Кузнец,
 Скуй мне злат и нов венец,
 Скуй кольцо златое;
 Мне венчаться тем венцом,
 Обручаться тем кольцом
 При святом налое».

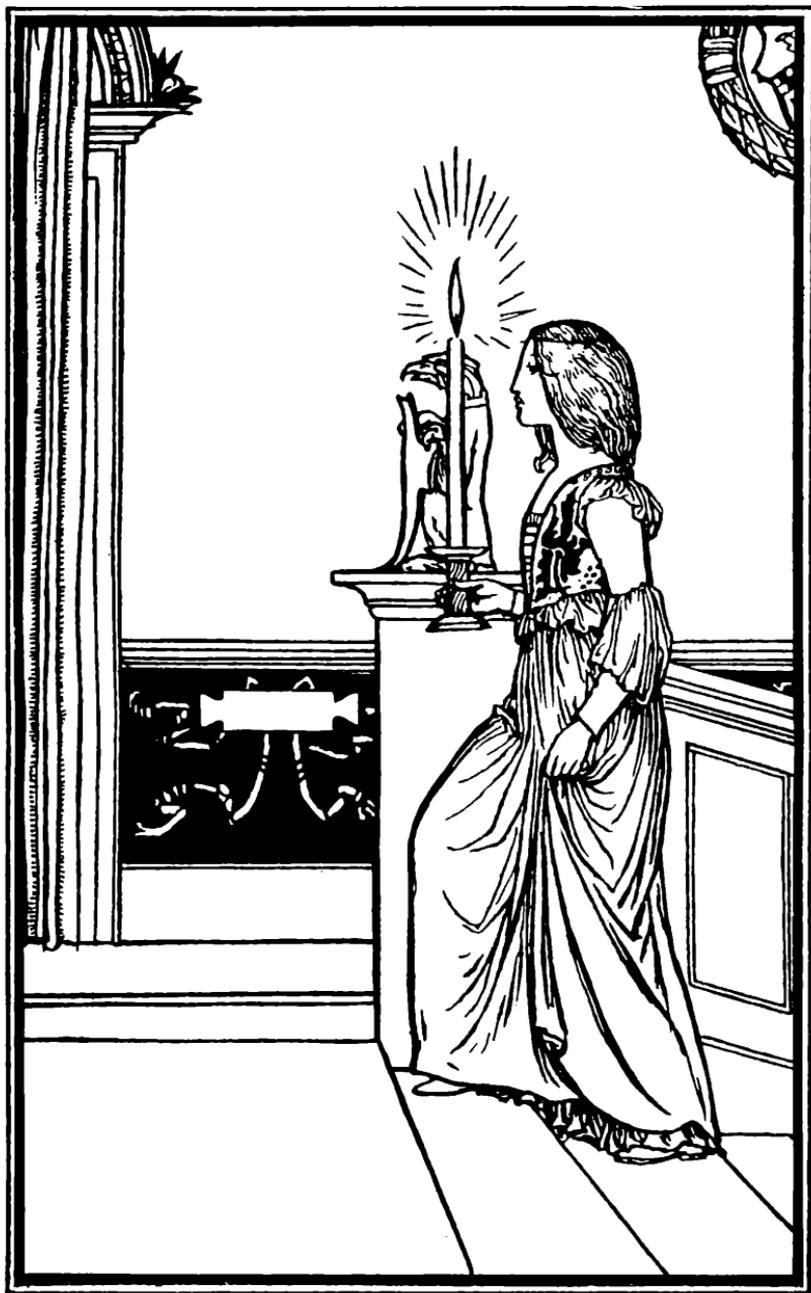
«Как могу, подружки, петь?
 Милый друг далёко;
 Мне судьбина умереть
 В грусти одинокой.

Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей замок;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершился локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:

Р. АННИНГБЕЛЛ

За ее плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в ее влетает слух
Тихий, легкий шепот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поет;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпеньем кони рвут
Повода шелковы.

Сели... кони с места враз;
Пьшут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скажут... пусто все вокруг,
Степь в очах Светланы:
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;

Яркий свет паникадил
Тускнет в фимиаме;
На середине черный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит,
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотря в черну даль,
Подымая гривы;
Брезжит в поле огонек;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрой,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчались... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться — следу нет...
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилась.

Что ж? В избушке гроб; накрыт
Белую запоной;
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.

Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И с крестом своим в руке
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Все утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольет дрожащий свет,
То опять затмится...
Все в глубоком, мертвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Легкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

• Смолкло все опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь — на лбу венец,
Затворены очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладелы...
Что же девица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Легкие он крылы;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишенный силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...

Глядь, Светлана... о творец!
Милый друг ее — мертвец!
Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала, одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумным бьет крылом петух,
День встречая пенем;
Все блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет...
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; все тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;

Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава — нас учили — дым;
Свет — судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в провиденье.
Благ зиждителя закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
Счастье — пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо — бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга.

АХИЛЛ

Отуманилася Ида;
Омрачился Илион;
Спит во мраке стан Атрида;
На равнине битвы сон.
Тихо все... курясь, сверкает
Пламень гаснущих костров,
И протяжно окликает
Стражу стража близ шатров.

Над Эгейских вод равниной
Светел всходит рог луны;
Звезды спящею пучиной
И брега отражены;
Виден в поле опустелом
С колесницею Приам:
Он за Гекторовым телом
От шатров идет к стенам.

И на бреге близ кургана
Зрится сумрачный Ахилл;
Он один, далек от стана;
Он главу на длань склонил.
Смотрит вдаль — там с колесницей
На пути Приама зрит:
Оттирает багрянницей
Слезы бедный царь с ланит.

Лиру взял; ударил в струны;
Тих его печальный глас:
«Старец, пал твой Гектор юный;
Свет души твоей угас;
И Гекуба, Андромаха
Ждут тебя у градских врат
С ношей милого им праха...
Жизнь и смерть им твой возврат.

И с денницею печальной
Воскурится фимиам,
Огласятся погребальной
Песнью каждый дом и храм;
Мать, отец, вдова с мольбою
Пепел в урну соберут,
И молитвы их герою
Мир в стране теней дадут.

О Приам, ты пред Ахиллом
Здесь во прах главу склонял;
Здесь молил о сыне миллом,
Здесь, несчастный, ты лобзал
Руку, слез твоих причину...
Ах! не сетуй; глас небес
Нам одну изрек судьбину:
И меня постиг Зевес.

Близок час мой; роковая
Приготовлена стрела;
Парка, жребию внимая,
Дни мои уж отвила;
И скрывают врата Аида;
И вещает грозный глас:
Все свершилось для Пелида;
Факел дней его угас.

Верный друг мой взят могилой;
Брата бой меня лишил —
Вслед за ним с земли унылой
Удалится и Ахилл.
Так судил мне рок жестокий:
Я паду в весне моей
На чужом берегу, далёко
От Пелеевых очей.

Ах! и сердце запрещает
Доле жить в земном краю,
Где уж друг не услаждает
Душу сирую мою.
Гектор пал — его паденьем
Тень Патрокла я смирил;
Но себе за друга мщеньем
Путь к Тенару проложил.

Ты не жди, Менетий, сына;
Не придет он в отчий дом...
Здесь Эгейская пучина
Пред его шумит холмом;
Спит он... смерть сковала длани,
Позабыл ко славе путь;
И призывный голос брани
Не вздымает хладну грудь.

И Ахилл не возвратится;
В доме отчем пустота
Скоро, скоро водворится...
О Пелей, ты сирота.
Пронесется буря брани —
Ты Ахилла будешь ждать
И чертог свой в новы ткани
Для приема убирать;

Будешь с берега уныло
Ты смотреть — в пустой дали
Не белеет ли ветрило,
Не плывут ли корабли?
Корабли придут от Трои —
А меня ни на одном;
Там, где билися герои,
Буду спать — и вечным сном.

Тщетно, смертною борьбою
Мучим, будешь сына звать
И хладеющей рукою
Вкруг себя его искать —
С милым светом разлученья
Глас его не усладит;
И на брег воды забвенья
Зов отца не долетит.

Край отчизны, светлы воды,
Очарованны места,
Мирт, олив и лавров своды,
Пышных долов красота,
Расцветайте, убирайтесь,
Как и прежде, красотой;
Как и прежде, оглашайтесь,
Кликом радости одной;

Но Патрокла и Ахилла
Никогда вам не видать!
Воды Сперхия, сулила
Вам рука моя отдать
Волоса с моей от брани
Уцелевшей головы...
Все Патроклу в дар, и дани
Уж моей не ждите вы.

Кони быстрые, из боя
(Тайный рок вас удержал)
Вы не вынесли героя —
И на щит он мертвый пал;
Кони бодрые, ретивы,
Что ж теперь так мрачны вы?
По земле влачатся гривы;
Наклонились главы;

Позабыта пища вами;
Груды мощные дрожат;
Слышу стон ваш, и слезами
Очи гордые блестят.
Знать, Ахиллов пред собою
Зрите вы последний час;
Знать, внушен был вам судьбою
Мне конец вещавший глас...

Скоро!.. лук свой напрягает
Неизбежный Аполлон,
И прицельца ожидает
К Стиксу черному Харон.
И Патрокл с берегов забвенья
В полуночной тишине
Легкой тенью сновиденья
Прилетал уже ко мне.

Как зефирное дыханье,
Он провеял надо мной;
Мне послышалось призыванье,
Сладкий глас души родной;
В нежном взоре скорбь разлуки
И следы минувших слез...
Я простер ко брату руки...
Он во мгле пустой исчез.

От Скироса вдаль влекомый,
Поплывет Неоптолем:
Брег увидит незнакомый
И зеленый холм на нем;
Кормщик юноше укажет,
Полный думы, на курган—
«Вот Ахиллов гроб (он скажет);
Там вблизи был греков стан.

Там, ужасный, на ограде
Нам явился он в ночи—
Нестерпимый блеск во взгляде,
С шлема грозные лучи—
И трикраты звучным криком
На врага он грянул страх,
И троянец с бледным ликом
Бросил щит и меч во прах.

Там, Атриду дав десницу,
С ним союз запечатлел;
Там, гремящий, в колесницу
Прянув, к Трое полетел;
Там по праху за собою
Тело Гекторово мчал
И на трепетную Трои
Взглядом мщения сверкал!»

И сойдешь на брег священный
С корабля, Неоптолем,
Чтоб на холм уединенный
Положить и меч и шлем;
Вкруг уж пусто... смолкли бои;
Тихи Ксант и Симоис;
И уже на грудах Трои
Плющ и терние свились.

Обойдешь равнину брани...
Там, где ратовал Ахилл,
Уж стадаются робки лани
Вкруг оставленных могил;
И услышишь над собою
Двух невидимых полет...
Это мы... рука с рукою...
Мы, друзья минувших лет.

Вспомяни тогда Ахилла:
Быстро в мире он протек;
Здесь судьба ему сулила
Долгий, но бесславный век;
Он мгновение со славой,
Хладну жизнь презрев, избрал
И на друга труп кровавый,
До могилы верный, пал».

Он умолк... в тумане Ида;
Отуманен Илион;
Спит во мраке стан Атрида;
На равнине битвы сон;
И курясь, едва сверкает
Пламень гаснущих костров;
И протяжно окликает
Стража стражу близ шатров.

ЭОЛОВА АРФА

Владыко Морвены,
Жил в дедовском замке могучий Ордал;
Над озером стены
Зубчатые замок с холма возвышал;
Прибрежны дубравы
Склонялись к водам,
И стлался кудрявый
Кустарник по значным окрестным холмам.

Спокойствие сеней
Дубравных там часто лай псов нарушал;
Рогатых еленей
И вепрей и ланей могучий Ордал
С отважными псами
Гонял по холмам;
И долы с холмами,
Шумя, отвечали зовущим рогам.

В жилище Ордала
Веселость из ближних и дальних краев
Гостей собирала;
И убраны были чертоги пиров
Еленей рогами;
И в память отцам
Висели рядами
Их шлемы, кольчуги, щиты по стенам.

И в дружных беседах
Любил за бокалом рассказы Ордал
О древних победах
И взоры на брони отцов устремлял:
Чеканны их латы
В глубоких рубцах;
Мечи их зубчаты;
Щиты их и шлемы избиты в боях.

Младая Минвана
Красой озаряла родительский дом;
Как зыби тумана,
Зарею златимы над свежим холмом,
Так кудри густые
С главы молодой
На перси младые,
Вияся, бежали струей золотой.

Приятней денницы
Задумчивый пламень во взорах сиял;
Сквозь темны ресницы
Он сладкое в душу смятенье вливал;
Потока журчанье—
Приятность речей;
Как роза дыханье;
Душа же прекрасней и прелестей в ней.

Гремела красою
Минвана и в ближних и в дальних краях;
В Морвену толпою
Стекалися витязи, славны в боях;
И дочерью гордился
Пред ними отец..
Но втайне делился
Душою с Минваной Арминий-певец.

Младой и прекрасный,
Как свежая роза — утеха долин,
Певец сладкогласный..
Но родом не знатный, не княжеский сын:
Минвана забыла
О сани своем
И сердцем любила,
Невинная, сердце невинное в нем.

На темные своды
Багряным щитом покатилаь луна;
И озера воды
Струистым сияньем покрывла она;
От замка, от сеней
Дубрав по берегам
Огромные теней
Легли великаны по гладким водам.

На холме, где чистым
Потоком источник бежал из кустов,
Под дубом ветвистым—
Свидетелем тайных свиданья часов—
Минвана младая
Сидела одна,
Певца ожидая,
И в страхе таила дыханье она.

И с арфою стройной
Ко древу к Минване приходит певец.
Все было спокойно,
Как тихая радость их юных сердец:
Прохлада и нега,
Мерцанье луны
И ропот у берега
Дробимья с легким плесканьем волны.

И долго, безмолвны,
Певец и Минвана с унылой душой
Смотрели на волны,
Златимые тихо блестящей луной.
«Как быстрые воды
Поток свой лиют —
Так быстрые годы
Веселье младое с любовью несут».

«Что ж сердце уныло?
Пусть воды лиются, пусть годы бегут,
О верный! о милый!
С любовью годы и жизнь унесут».
«Минвана, Минвана,
Я бедный певец;
Ты ж царского сана,
И предками славен твой гордый отец».

«Что в славе и сани?
Любовь — мой высокий, мой царский венец.
О милый, Минване
Всех витязей краше смиренный певец.
Зачем же уныло
На радость глядеть?
Все близко, что мило;
Оставим годам за годами лететь».

«Минутная сладость
Веселого *вместе*, помедли, постой;
Кто скажет, что радость
Навек не умчится с грядущей зарей!
Проглянет денница —
Блаженству конец;
Опять ты царица,
Опять я ничтожный и бедный певец».

«Пускай возвратится
Веселое утро, сияние дня;
Зарей озарится
Тот свет, где мой милый живет для меня.
Лишь царским убором
Я буду с толпой;
А мыслию, взором,
И сердцем, и жизнью, о милый, с тобой».

«Прости, уж бледнеет
Рассветом далекий, Минвана, восток;
Уж утренний веет
С вершины кудрявых холмов ветерок»,—
«О нет! то зарница
Блестит в облаках;
Не скоро денница;
И тих ветерок на кудрявых холмах».

«Уж в замке проснулись;
Мне слышался шорох и звук голосов»,—
«О нет! встрепенулись
Дремавшие пташки на ветвях кустов».—
«Заря уж багряна».—
«О милый, постой».—
«Минвана, Минвана,
Почто ж замирает так сердце тоской?»—

И арфу унылый
Певец привязал под наклоном ветвей:
«Будь, арфа, для милой
Залогом прекрасных минувшего дней;
И сладкие звуки
Любви не забудь;
Услада разлуки
И вестник души неизменная будь».

Когда же мой юный,
Убитый печалию, цвет опадет,
О верные струны,
В вас с прежней любовью душа перейдет.
Как прежде, взыграет
Веселие в вас,
И друг мой узнает
Привычный, зовущий к свиданию глас.

И думай, их пенью
Внимая вечерней, Минвана, порой,
Что легкою тенью,
Все верный, летает твой друг над тобой;
Что прежние муки:
Превратности страх,
Томленье разлуки,
Все с трепетной жизнью он бросил во прах.

Что, жизнь переживши,
Любовь лишь одна не рассталась с душой;
Что робко любивший
Без робости любит и более твой.
А ты, дуб ветвистый,
Ее осеняй;
И, ветер душистый,
На грудь молодую дышать прилетай».

Умолк — и с прелестной
Задумчивых долго очей не сводил...
Как бы неизвестный
В нем голос: *навекы прости!* говорил.
Горячей рукою
Ей руку пожал
И, тихой стопою
От ней удаляся, как призрак пропал...

Луна воссияла...
Минвана у древа... но где же певец?
Увы! предузнала
Душа, унывая, что счастьем конец;
Молва о свиданье
Достигла отца...
И мчит уж в изгнанье
Ладья через море младого певца.

И поздно и рано
Под древом свиданья Минвана грустит.
Уныло с Минваной
Один лишь нагорный поток говорит;
Все пусто; день ясный
Взойдет и зайдет —
Певец сладкогласный
Минваны под древом свиданья не ждет.

А. ДЖ. ГАСКИН

Прохладою дышит
Там ветер вечерний, и в листьях шумит,
И ветви кольшет,
И арфу лобзает... но арфа молчит.
Творения радость,
Настала весна —
И в свежую младость,
Красу и веселье земля убрана.

И ярким сияньем
Холмы осыпал вечереющий день;
На землю с молчаньем
Сходила ночная, росистая тень;
Уж синие своды
Блистали в звездах;
Сровнялися воды;
И ветер улегся на спящих листьях.

Сидела уныло
Минвана у древа... душой вдалеке...
И тихо все было...
Вдруг... к пламенной что-то коснулось щеке;
И что-то шатнуло
Без ветра листья;
И что-то прильнуло
К струнам, невидимо слетев с высоты...

И вдруг... из молчанья
Поднялся протяжно задумчивый звон;
И тише дыханья
Играющей в листьях прохлады был он.
В ней сердце смутилось:
То друга привет!
Свершилось, свершилось!..
Земля опустела, и милого нет.

От тяжкия муки
Минвана упала без чувства на прах,
И жалобней звуки
Над ней застенали в смятенных струнах.
Когда ж возвратила
Дыханье она,
Уже восходила
Заря, и над нею была тишина.

С тех пор, унывая,
Минвана, лишь вечер, ходила на холм
И, звукам внимая,
Мечтала о милом, о свете другом,
Где жизнь без разлуки,
Где все не на час —
И мнились ей звуки,
Как будто летящий от родины глас.

«О милые струны,
Играйте, играйте... мой час недалек;
Уж клонится юный
Главой недоцветшей ко праху цветов.
И странник унылый
Завтра придет
И спросит: где милый
Цветок мой?.. и боле цветка не найдет».

И нет уж Минваны...
Когда от потоков, холмов и полей
Восходят туманы
И светит, как в дыме, луна без лучей,—
Две видятся тени:
Слиявшись, летят
К знакомой им сени...
И дуб шевелится, и струны звучат.

УЗНИК

«За днями дни идут, идут...
Напрасно;
Они свободы не несут
Прекрасной;
Об ней тоскую и молюсь,
Ее зову, не дозовусь.

Смотрю в высокое окно
Темницы:
Все небо светом зажжено
Денницы;
На свежих крыльях ветерка
Летают вольны облака.

И так все блага заменить
    Могилой;
И бросить свет, когда в нем жить
    Так мило;
Ах! дайте в свете подышать;
Еще мне рано умирать.

Лишь миг весенним бытием
    Жила я;
Лишь миг на празднике земном
    Была я;
Душа готовилась любить...
И все покинуть, все забыть!»

Так голос заунывный пел
    В темнице...
И сердцем юноша летел
    К певиче.
Но он в неволе, как она;
Меж ними хладная стена.

И тщетно с ней он разлучен
    Стеною;
Невидимую знает он
    Душою;
И мысль об ней и день и ночь
От сердца не отходит прочь.

Все видит он: во тьме она
    Тюрёмной
Сидит, раздумью предана,
    Взор томный;
Младенчески прекрасен вид;
И слезы падают с ланит.

И ночью, забывая сон,
    В мечтанье
Ее подслушивает он
    Дыханье;
И на устах его горит
Огонь ее молодых ланит.

Таясь, страдания одне
    Делить с ней,
В одной темничной глубине
    Молить с ней
Согласной думой и тоской
От неба участи одной —

Вот жизнь его: другой не ждет
Он доли;
Он, равнодушный, не зовет
И воли:
С ней розно в свете жизни нет;
Прекрасен только ею свет.

«Не ты ль,— он мнит,— давно была
Любима?
И не тебя ль душа звала,
Томима
Желанья смутного тоской,
Волнением жизни молодой?»

Тебя в пророчественном сне
Видал я;
Тобою в пламенной весне
Дышал я;
Ты мне цвела в живых цветах;
Твой образ веял в облаках.

Когда же сердце ясный взор
Твой встретит?
Когда, разрушив сей затвор,
Осветит
Свобода жизнь вдвоем для нас?
Лети, лети, желанный час».

Напрасно; час не прилетел
Желанный;
Другой создателем удел
Избранный
Достался узнице младой —
Небесно-тайный, не земной.

Раз слышит он: затворов гром,
Рыданье,
Звук цепи, голоса... потом
Молчанье...
И ужас грудь его томит —
И тщетно ждет он... все молчит.

Увы! удел его решен...
Угрюмый,
Навек грядущего лишен,
Все думы
За ней он в гроб переселил
И молит рок, чтоб поспешил.

Однажды — только занялась
Денница —
Его со стуком расперлась
Темница.
«О радость! (мнит он) скоро к ней!»
И что ж?.. Свобода у дверей.

Но хладно принял он привет
Свободы:
Прекрасного уж в мире нет;
Дни, годы
Напрасно будут проходить...
Погибшего не возвратить.

Ах! слово милое об ней
Кто скажет?
Кто след ее забытых дней
Укажет?
Кто знает, где она цвела?
Где тот, кого *своим* звала?

И нет ему в семье родной
Улады;
Задумчив, грустию немой
Он взгляды
Сердечные встречает их;
Он в людстве сумрачен и тих.

Настанет день — ни с места он;
Безгласный,
Душой в мечтанье погружен,
Взор страстный
Исполнен смутного огня,
Стоит он, голову склоня.

Но тихо в сумраке ночей
Он бродит
И с неба темного очей
Не сводит;
Звезда знакомая там есть;
Она к нему приносит весть...

О милом весть и в мир иной
Призванье...
И делит с тайной он звездой
Страданье;
Ее краса оживлена:
Ему в ней светится *она*.

Он таял, гаснул и угас...
И мнилось,
Что вдруг пред ним в последний час
Явилось
Все то, чего душа ждала,
И жизнь в улыбке отошла.

ИВАН ИВАНОВИЧ

КОВЛОВ

УМИРАЮЩИЙ ГЕЙДУК

Иллирийская баллада

«Орел ты мой белый! спустися на дол,
Слети с поднебесья, мой белый орел!
Взгляни: я Заремба, в крови пред тобой,
Бывало, ты помнишь, в боях удалой,
Телами пандуров тебя я кормил;
Прошу, чтобы службу ты мне сослужил.
Потом пусть добычей орлятам твоим
С кровавым, с отважным и сердцем моим.

Пустую лядунку мою ты схвати
И к брату Рамейке скорее лети.
Двенадцать зарядов с собой я носил,
Двенадцать пандуров я ими убил.
Но с ними таился Бенаки-злодей;
Бездушный, боялся он сабли моей,—
Булат неизменный лишь выхватил я,
Он сзади кинжалом ударил меня.

Лети—и родимый за брата отмстит.
И вот еще перстень—в нем яхонт горит—
И шитый узорно платок мой цветной,
Отдай их вернее Милене младой;
И станет мой перстень она целовать,
А слезы узорным платком отирать».
И мчит орел белый в безмолвьи ночном
Лядунку и перстень с узорным платком.

И к брату Рамейке орел прилетел;
Рамейко с друзьями в похмелье сидел,
О брате убитом едва потужил,
Пустую лядунку откинул и пил.
К прелестной Милене помчался орел,
И деву младую он в церкви нашел;
И к ней он явился с заветным кольцом,—
Милена с Бенаки стоит под венцом.

Р. АННИНГБЕЛЛ

ТАЙНА

В лесу прибит на дубе вековым
Булатный щит, свидетель грозных сеч;
На том щите видна звезда с крестом,
А близ щита сверкает острый меч.

И свежую могилу осеняет
Тенистый дуб, и тайны роковой
Ужасен мрак: никто, никто не знает,
Кто погребен в лесу при тме ночной.

Промчался день, опять порой урочной
Ночь темная дубраву облегла;
Безмолвно все, и медь уж час полночный
На башне бьет соседнего села.

И никогда страшнее не темнела
Осенняя ночь: она сырою мглой
Дремучий лес, реку и холм одела —
Везде покров чернеет гробовой.

Но меж деревьев багровый блеск мелькает,
И хрупкий лист шумит невдалеке,
И факел дуб вблизи уж озаряет:
Его чернец в дрожащей нес руке.

К могиле шел отшельник престарелый,
И вместе с ним безвестно кто, в слезах,
Идет, бледней своей одежды белой;
Печаль любви горит в ее очах.

И пел чернец по мертвом панихиду,
Но кто он был — чернец не поминал;
Отпел, вдали сокрылся он из виду,
Но факел всё в тени густой мерцал.

На свежий дерн прекрасная упала
И, белую откинув пелену,
Потоки слез по мертвом проливала,
Могильную тревожа тишину;

И вне себя, вдруг очи голубые
На щит она внезапно подняла,
И локоны отрезав золотые,
Кровавый меч их шелком обвила;

Безумья яд зажегся в мутном взоре,
Сердечный вопль немеет на устах.
Она ушла, и лишь в дремучем боре
Таинственный один остался страх;

И меж дерев уж факел не мерцает,
Не шепчет лист, и тайны роковой
Ужасен мрак: никто, никто не знает
Кто погребен в лесу при тме ночной.

ФЕДОР НИКОЛАЕВИЧ

ЛИЛИКА

КЛЯТВА

(Баллада)

Раз весенним вечерком
Лиза с милым шла дружкойм,
А луна светила...
«В небе век горит луна;
Буду век тебе верна!» —
Лиза говорила.
В небе все горит луна;
Лиза другу неверна:
Друга разлюбила.
И печален, грустен он,
Позабыл и грусть и сон:
Грусть его убила.
А неверная с другим
Счастьем хвалится своим,
О былом забыла.
Но случилось вечерком
Тем же ей идти лужком,
А луна светила...
На нее глядит луна,
Будто жизнью полна —
В ней душа заньбла...
Кто-то в сумраке мелькнул,
Кто-то ей шепнул:
«За обман — могила!»
И с тех пор, всё день за день,
Лиза сохнет... Лиза — тень!
Младость погубила!..
И, печальная, конца
Как невеста ждет венца:
Так бледна, уньбла.

Он настал — ее конец!
Саван белый — под венец,
    Брачный одр — могила!
И, вздохнув, прохожий стал,
Надпись гробную читал:
    «За обман — могила!..»

КОНДРАТИЙ ФЕДОРОВИЧ

РЫЛЕЕВ

СМЕРТЬ ЕРМАКА

Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...
Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком берегу Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы,
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите, — мнил герой, —
Друзья, под бурей ревущей;
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В мечтах напомним славу он
И силы ратников удвоит.
Кто жизни не щадил своей,
В разбоях злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни
И за победы заслужив
Благословения отчизны —

Нам смерть не может быть страшна,
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел;
Во мраке молнии летали;
Бесперерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых берегах,
Вздвигались седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег, казачьи челны.
С вождем покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум к шатрам, как тать презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны.
Душа отвагою полна,
Но далеко от берега челны!
Иртыш волнуется сильней —
Ермак все силы напрягает
И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока,—
Но сила року уступила,
И, закипев страшней, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь — дар царя —
Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В броне медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

ВИЛЬГЕЛЬМ КАРЛОВИЧ

КЮХЕЛЬБЕКЕР

ДВА ГРОБА

Горемыка бесталанный
Одинок бредет домой.
Ночь одета в плащ туманный,
Холм и дол покрыты мглой;
Вправо видится кладбище;
Далеко еще жилище;
Путь ведет в дремучий бор;
Путник встал и поднял взор:

«Отдохну; ослабли силы,
Ноги гнутся подо мной;
Вы, безмолвные могилы,
Дайте сирому покой!
Защитит плетень забора,
От зверей меня и вора;
Мертвых — не боюсь их —
Мертвых сон глубокий и тих».

Вот уж там страдалец бедный;
Месяц озарил кресты,
Льет таинственный и бледный
Свет на тусклые щиты.
Будто духи меж собою,
Ветер шепчется с травой.
Он на пышный гроб взглянул,
Лег на камень и — заснул.

Вдруг, как будто чьей рукою,
С гроба сорвало его.
Снова лег он; нет покою;
Слышит, кажется, кого:

«Прочь отсюда, подлый нищий!
Нет! ни помощи, ни пищи,
Ни ночлега не давал
Я бродягам,— прочь, нахал!»

Путник встал,— перекрестился:
Что ж? незапно вопль и стон
Не из гроба ль испустился?
Путник молвил: «Тяжкий сон!
Филин поднял эти крики,
Этот вой глухой и дикий
Средь ночи с часовни той.
Гроб я выберу другой».

Под крестом простым, смиренным,
Тенью двух согбенных ив,
Древних, мшистых, осененным,
Спит страдалец; он счастлив;
Он на лоне наслаждений
В жизни сладостных видений,
Райских, благотворных грез
Жизнь забыл скорбей и слез.

Во дворец вступил блестящий —
Блеск от тысячи свечей;
Пир готов, уста манящий;
Много во дворце людей.
Стройный лик певиц согласных
Хором песен сладкогласных
Просят странника присесть,
Отдохнуть, попить, поесть.

И старик к нему подходит,
Светлый, радостный старик,
И к столу его подводит;
Стол просторен и велик:
Не исчислить мест всех, сметы
Нет гостям, и все одеты,
Словно в ризы от икон,
В жемчуг, синету, виссон.

Все молчат; но свет их взоров,
Но улыбка их ланит
Лучше слов и разговоров
Слуху сердца говорит:
«Насладися яствой нашей!» —
Странник пьет златою чашей
Искрометное вино;
Но не тьмит души оно.

Ест он яств бескровных, чистых:
Легки яствы, как эфир,
Слаще сотов золотистых.
Встали; кончен дивный пир:
Нет гостей, умолкли гимны;
Лишь старик гостеприимный
В плат для гостя своего
Вяжет лучшего всего.

Между тем лучом светила,
Озаряющего день,
Позлатилася могила:
Бросил пахарь бодро лень;
Поспешил пастух ко стаду,
Силу, свежесть и отраду
Мир, воскреснув, ощутил,—
Он проснулся средь могил.

В небе жаворонок вился,
Пел в незримой вышине;
Путник в тяжкий путь пустился,
Но вдруг стал, дошед к стене,
Посмотрел на гроб смиренный,
Молвил: «Прах благословенный
Лег вон в этот гроб простой!
Там же...» Он махнул рукой.

АНТОН АНТОНОВИЧ

ДЕЛВУТ

РОМАНС

«Проснися, рыцарь, путь далек
До царского турнира,
Луч солнца жарок, взнуздан конь,
Нас ждет владыка мира!»

— «Оставь меня! Пусть долог путь
До царского турнира,
Пусть солнце жжет, пусть ждет иных
К себе владыка мира».

— «Проснися, рыцарь, пробудись!
Сон по трудам услада;
Спеши к столице! Царска дочь
Храбрейшему награда!»

— «Что мне до дочери царя?
Мне почестей не надо!
Пусть их лишусь, оставь мне сон,
Мне только в нем отрада!

Имел я друга — друга нет,
Имел супругу — тоже!
Их взял создатель! Я ж молюсь:
К ним и меня, мой боже!

Ложусь в молитве, сон едва
Глаза покроет — что же?
Они со мной, всю ночь мое
Не покидают ложе.

Меня ласкают, говорят
О царстве божьем, нежно
Мне улыбаются, манят
Меня рукою снежной!

Куда? За ними! Но привстать
Нет сил! Что сплю я, знаю!
Но с ними жить и в сне я рад
И в сне их зреть желаю!»

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

ПЛУШКИН

СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ

Последним сияньем за лесом горя,
Вечерняя тихо потухла заря.
Безмолвна долина глухая;
В тумане пустынном клубится река,
Ленивой грядою идут облака,
Меж ими луна золотая.

Чугунные латы на холме лежат,
Копье раздробленно, в перчатке булат,
И щит под шеломом заржавым,
Вонзились шпоры в увлажненный мох:
Лежат неподвижно, и месяца рога
Над ними в блистанье кровавом.

Вкруг холма обходит друг сильного — конь;
В очах горделивых померкнул огонь,
Он бранную голову клонит.
Беспечным копытом бьет камень долин —
И смотрит на латы — конь верный один
И дико трепещет и стонет.

Во тьме, заблудившись, пришелец идет,
С надеждою робость он в сердце несет —
Склонясь над дорожной клюкою,
На холм он взобрался, и в тусклую даль
Он смотрит и сходит — и звонкую сталь
Толкает усталой ногою.

Хладеет пришелец, кольчуги звучат.
Погибшего грозно в них кости стучат,
По камням шелом покатился,
Скрывался в нем череп... при звуке глухом
Заржал конь ретивый, скок летом на холм —
Взглянул... и главою склонился.

Уж путник далече в тьме бродит ночной,
Всё мнится, что кости хрустят под ногой...
Но утро денница выводит —
Сраженный во брани на холме лежит,
И латы недвижны, и шлем не стучит,
И конь вкруг погибшего ходит.

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хозарам:
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое:
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю,
И холод и сеча ему ничего.
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако чело
И взор омрачились думой.
В молчанье, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время:
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатым ковром;
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ? — промолвил Олег, —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? всё так же ль легок его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доньне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят: на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змия
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вокруг ног обвилась:
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

УТОПЛЕННИК

Простонародная сказка

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца».
«Врите, врите, бесенята,—
Заворчал на них отец;—
Ох, уж эти мне ребята!
Будет вам ужо мертвец!

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь;
Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь...
Где ж мертвец?» — «Вон, тятя, э-вот!»
В самом деле, при реке,
Где разостлан мокрый невод,
Мертвый виден на песке.

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец?

Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит;
Он потопленное тело
В воду за ноги тащит,
И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом.

Долго мертвый меж волнами
Плыл качаясь, как живой;
Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
«Вы, щенки! за мной ступайте!
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу».

В ночь погода зашумела,
Взволновалась река.
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика,
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатях муж лежит,
Буря воет; вдруг он внемлет:
Кто-то там в окно стучит.

«Кто там?» — «Эй,пусти, хозяин!» —
«Ну,какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Каин?
Черт занес тебя сюда;
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно».
И ленивою рукою
Подымает он окно.

Из-за туч луна катится—
Что же? голый перед ним:
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим,
Всё в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились.

И мужик окно захлопнул:
Гостя голого узнав,
Так и обмер: «Чтоб ты лопнул!» —
Прошептал он, задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясся ночь он напролет,
И до утра всё стучались
Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждет;
Уж с утра погода злится,
Ночью буря настает,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

* * *

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатление
В сердце врезалось ему.

Путешествуя в Женеву,
На дороге у креста
Видел он Марию деву,
Матерь господина Христа.

С той поры, сторев душою,
Он на женщин не смотрел,
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

С той поры стальной решетки
Он с лица не подымал
И себе на шею четки
Вместо шарфа привязал.

Несть мольбы Отцу, ни Сыну,
Ни святому Духу век
Не случилось паладину,
Странный был он человек.

Проводил он целы ночи
Перед ликом пресвятой,
Устремив к ней скорбны очи,
Тихо слезы лья рекой.

Полон верой и любовью,
Верен набожной мечте,
Ave, Mater Dei¹ кровью
Написал он на щите.

Между тем как паладины
Ввстречу трепетным врагам
По равнинам Палестины
Мчались, именуя дам,

«Lumen coeli, sancta rosa!²» —
Восклицал в восторге он,
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон.

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключен,
Всё безмолвный, всё печальный,
Без причастья умер он.

Между тем как он кончался,
Дух лукавый подоспел,
Душу рыцаря собирался
Бес тащить уж в свой предел:

Он-де богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа.

---

¹ Радуйся, божия мать (*лат.*).

² Свет небес, святая роза (*лат.*).

Но пречистая, конечно,
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

ЕВГЕНИЙ АБРАМОВИЧ

БАРАТЪНСКИЙ

МАДОННА

В Италии где-то, но в поле пустом
(Не зрелось жилья на полмили кругом)

Меж древних развалин стояла лачужка,
С молоденькой дочкой жила в ней старушка.

С рассвета до ночи за тяжким трудом,
А все-таки голод им часто знаком.

И дочка порою душой унывала;
Терпеньем скудея, на бога роптала.

«Не плачь, не кручинься ты, солнце мое! —
Тогда утешала старушка ее.—

Не плачь, переменится доля крутая:
Придет к нам на помощь Мадонна святая.

Да лик ее веру в тебе укрепит,
Смотри, как приветно с холста он глядит!»

Старушка смиренная с речью такою,
Бывало, крестилась дрожащей рукою,

И с теплою верою в сердце простом
Она с умиленным и кротким лицом

На живопись темную взор поднимала,
Что угол в лачужке без рам занимала.

Но больше и больше нужда их теснит;
Дочь плачет и ропщет, старушка молчит.

С утра по руинам бродил любопытный:
Забывая, красе их дивясь, ненасытный.

Кров нужен ему от полдневных лучей:
Стучится к старушке, и входит он к ней.

На лавку садился пришлец утомленный,
Но вспрынул, картиною вдруг пораженный.

«Божественный образ! чья кисть это, чья?
О, как не узнать мне! Корреджий, твоя!

И в хижине этой творенье таится,
Которым и царский дворец возгордится!

Старушка, продай мне картину свою,
Тебе за нее я сто пиастров даю».

— Сеньор, я бедна, но душой не торгую;
Продать не могу я икону святую.—

«Я двести даю, согласися продать».
— Сеньор, сеньор! бедность грешно искушать.—

Упрямства не мог победить он в старушке,
Осталась картина в убогой лачужке.

Но вскоре потом по Италии всей
Летучая весть разнеслася о ней.

К старушке моей гость за гостем стучится,
И дверь отворяя, старушка дивится.

За вход она малую плату берет
И с дочкой своею безбедно живет.

Так, веру и гений в едино сливая,
Равно оправдала их дева святая.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ

ИЗЫКОВ

ЕВПАТИЙ

«Ты знаешь ли, витязь, ужасную весть? —
В рязанские стены вломились татары!
Там сильные долго сшибались удары,
Там долго сражалась с насилием честь,
Но всё победили Батыевы рати:
Наш град — пепелище, и князь наш убит!» —
Евпатию бледный гонец говорит,
И, страшно бледнея, внимает Евпатий.

«О витязь! я видел сей день роковой:
Багровое пламя весь град обхватило,
Как башня, спрямилось, как буря, завывло;
На стогнах смертельный свирепствовал бой,
И крики последних молитв и проклятий
В дыму заглушали звенящий булат —
Всё пало... и небо стерпело сей ад!»
Ужасно бледнея, внимает Евпатий.

Где-где по широкой долине огонь
Сверкает во мраке ночного тумана, —
То грозная рать победителя хана
Покоится; тихи воитель и конь;
Лишь изредка, черной тревожимый грезой,
Татарин впросонках с собой говорит,
То, вздрогнув, безмолвный, поднимет свой щит,
То схватит свое боевое железо.

Вдруг... что там за топот в ночной тишине?
«На битву, на битву!» — зывают татары.
Откуда ж свершитель отчаянной кары?
Не все ли погребло в крови и в огне?
Отчизна, отчизна! под латами чести
Есть сильное чувство, живое, одно...
Полмертвую руку подымлет оно
С последним ударом решительной мести.

Не синее море кипит и шумит,
Почуя незапный набег урагана, —
Шумят и волнуются ратники хана;

Оружие блещет, труба дребезжит,
Толпы за толпами, как тучи густые,
Дружину отважных стесняют кругом;
Сто копий сражаются с русским копьём...
И пало геройство под силой Батыя.

Редет ночного тумана покров,
Утихла долина убийства и славы.
Кто сей на долине убийства и славы
Лежит, окруженный телами врагов?
Уста уж не кличут бестрепетных братьев,
Уж кровь запеклася в отверстиях лат,
А длань еще держит кровавый булат:
Сей падший воитель свободы — Евпатий!

САМПСОН

А. С. Хомякову

На праздник стеклися в божницу Дагона
Народ и князья Филистимской земли,
Себе на потеху они — и Сампсона
В оковах туда привели,

И шумно ликуют. Душа в нем уныла,
Он думает думу: давно ли жила,
Кипела в нем дивная, страшная сила,
Израиля честь и хвала!

Давно ли, дрожа и бледнея, толпами
Враги перед ним повергались во прах,
И львиную пасть раздирал он руками,
Ворота носил на плечах!

Его соблазнили Далилы прекрасной
Коварные ласки, сверканье очей,
И пышное лоно, и звук любострастный
Пленительных женских речей;

В объятиях неги его усыпила
Далила и кудри остригла ему, —
Зане в них была его дивная сила,
Какой не дано никому!

И бога забыл он, и падшего взяли
Сампсона враги, и лишился очей,
И грозные руки ему заковали
В медяную тяжесть цепей.

Жестоко поруган и презрен, томился
В темнице и мельницу двигал Сампсон;
Но выросли кудри его, но смирился
И богу покаялся он.

На праздник Дагона его из темницы
Враги привели,—и потеха он им!
И старьей, и малый, и жены-блудницы,
Ликуя, смеются над ним.

Безумные! бросьте свое ликованье!
Не смейтесь, смотрите, душа в нем кипит:
Несносно ему от врагов поруганье,
Он гибельно вам отомстит!

Незрячие очи он к небу возводит,
И зыблется грудь его, гневом полна;
Он слышит: бывалая сила в нем бродит,
Могучи его рамена.

«О дай мне погибнуть с моими врагами!
Внемли, о мой боже, последней мольбе
Сампсона!» — И крепко схватил он руками
Столбы и позвал их к себе.

И вдруг оглянулись враги на Сампсона,
И страхом и трепетом обдало их,
И пала божница... и праздник Дагона
Под грудой развалин утих...

ОЛЕГ

Не лес завывает, не волны кипят
Под сильным крылом непогоды;
То люди выходят из киевских врат:
Князь Игорь, его воеводы,
Дружина, свои и чужие народы
На берег днепровский в долину спешат,

Могильным общественным пиром
Отправить Олегу почетный обряд,
Великому бранью и миром.

Пришли — и широко бойцов и граждан
Толпы обступили густыя
То место, где черный восстанет курган,
Да Вещего помнит Россия;
Где князь бездыханный, в доспехах золотых,
Лежал средь зеленого луга,
И бурный товарищ трудов боевых —
Конь белый — стоял изукрашен и тих
У ног своего господина и друга.

Все, малый и старый, отрадой своей,
Отцом опочившего звали,
Горючие слезы текли из очей,
Носилися вопли печали;
И долго, и долго вопил и стонал
Народ, покрывавший долину;
Но вот на середине булат засверкал,
И бранному в честь властелину
Конь белый, булатом сраженный, упал
Без жизни к ногам своему господину,
Всё стихло... руками бойцов и граждан
Подвинулись глыбы земные...
И вон на долине огромный курган,
Да Вещего помнит Россия!

Волнуясь, могилу народ окружал,
Как волны морские несметный;
Там праздник надгробный сам князь начинал:
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный,
Он в память Олегу его выпивал;
И вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

Тогда торопливо, по данному знаку,
Откинув доспех боевой,
Свершить на могиле потешную драку
Воители строятся в строй;

Могучи, отваги исполнены жаром,
От разных выходят сторон,
Сошлись—и бьются... удар за ударом,
Ударом удар отражен!
Сверкают их очи; десницы высокой
И ловок и меток размах;
Увертливы станом и грудью широкой
И тверды бойцы на ногах!
Расходятся, сходятся... ошибка другая—
И пала одна сторона!
И громко народ зашумел, повторяя
Счастливых бойцов имена.

Тут с поприща боя их речью приветной
Князь Игорь к себе подзывал;
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный,
Он сам его бодрым борцам подавал;
И вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

Вдруг—словно мятеж умиряется шумный
И чинно дорогу дает,
Когда поседельй в добре и разумный
Боярин на вече идет,—
Толпы расступились, и стал среди схода
С гуслиами в руках славянин.
Кто он? Он не князь и не княжеский сын,
Не старец, советник народа,
Не славный дружин воевода,
Не славный соратник дружин;
Но все его знают, он людям знаком
Красой вдохновенного гласа...
Он стал среди схода—молчанье кругом,
И звучная песнь раздалася!

Он пел, как премудр и как мужествен был
Правитель полночной державы;
Как первый он громом войны огласил
Древлян вековые дубравы;
Как дружно сбিরались в далекий поход
Народы по слову Олега;
Как шли чрез пороги, под грохотом вод,
По высям днепровского берега;

Как по морю бурному ветер носил
Проворные русские челны;
Летела, шумела станица ветрил,
И прыгали челны чрез волны!
Как после, водима любимым вождем,
Сражалась, гуляла дружина
По градам и селам, с мечом и с огнем
До града царя Константина;
Как там победитель к воротам прибил
Свой щит, знаменитый во брани,
И как он дружину свою оделил
Богатствами греческой дани!

Умолк он — и радостным криком похвал
Народ отзывался несметный,
И братски баяна сам князь обнимал;
В стакан золотой и заветный
Он мед наливал искрометный
И с ласковым словом ему подавал;
И вновь наполняемый медом,
Из рук молодого владыки славян,
С конца до конца, меж народом,
Ходил золотой и заветный стакан.

КАРОЛИНА КАРЛОВНА

П.А.В.ЛОВА

БАЛЛАДА

Известно, что император Карл V отказался от престола и кончил жизнь свою монахом в монастыре св. Юста, в Испании, в провинции Эстремадура. Последние дни его были ознаменованы глубоким покаянием, которым думал он искупить свое непомерное властолюбие и свою жестокость к Франциску I, к Саксонскому курфюрсту и к другим, томившимся некогда в его темницах. Он даже велел заживо положить себя в гроб и совершить над собою обряд похорон.

«Здравствуй, наш монах печальный!
Мы к тебе идем опять:
Солнце в лес скатилось дальный —
Скучно в поле нам гулять.

Ведь мы дети здесь чужие:
Из родной своей земли
Мы с отцом сюда впервые
Только месяц что пришли.

Мы не свыклись с вашим краем,
И мальчишки тех полей
Говорят нам, что не знаем
Игр испанских мы детей.

Сказку расскажи нам снова
Про бойца-богатыря,
Иль про чародея злого,
Иль про славного царя».

На детей взглянул, тоскуя,
Бледный сын монастыря:
«Да, вам сказку расскажу я
Про великого царя.—

Был царь грозный, был царь славный,
Был владыка многих стран;
Слал он свой закон державный
Чрез широкий океан.

В недрах гор он черпал злато
Властью слова своего;
Солнцу не было заката
Во владениях его.

Вдаль неслись его угрозы,
Страх бросая в шум столиц:
Царские мочили слезы
Жесткий пол его темниц.

И в безумстве дум надменных,
Выврав жалость из души,—
Брал с сирот и угнетенных,
Как торговец, он барыши.

Ненасытный, беспощадный,
В схватке с роком устоя,
Он забыл, в гордыне жадной,
Что над ним был Судия.

И восстал нежданный мститель,
И ворвался злой пришлец
В недоступную обитель,
В раззолоченный дворец.

Мимо зал, где страсти бдели,
Вкрался в царский он покой,
И подполз к его постели,
И впился в него змеей».

— «Кончи же, монах, уж поздно...
Что ж ты голову склонил?
Отчего взглянул так грозно?
Уж не ты ль царя убил?..»

Приподнялся в гневной мочи
Стан высокий чернеца;
Засверкали дики очи
Полумертвого лица:

«Да, убил я исполина,
Сокрушил в избытке сил!
С трона сбросил властелина,
В гроб живого положил!

Я палач его безвестный,
Искупитель старины;
Как два тигра в клетке тесной,
Мы вдвоем заключены.

Утомимся мы борьбою,
И согнет седой монах
Под ногой своей босою
Императора во прах!»

Замолчал рассказчик странный;
Дети робко отошли,
И, мелькнув чрез дол туманный,
Скрылись птичками вдали.

И кругом всё стало пусто,—
И восшедшею луной
Монастырь святого Юста
Озарился под горой.

НОЧЛЕГ ВИТИКИНДА

Их двое шло ночной порою
В глухом, дремучем сосняке,
Как будто с бою или к бою,
В нагрудниках, с мечом в руке,

Смотря сердито из-под шлема,—
Могучие богатыри;
И было дико все и немо
Кругом, леса да пустыри.

Шли оба в помысле суровом
О темном деле иль беде,
Лишь изредка меняясь словом:
«Ты Альфа видел?» — «Видел». — «Где?»

— «У рва, где выдержал он снова,
Стоя с своими впереди,
Напор противников». — «Живого?»
— «Убитого, с копьем в груди».

— «Где Убальд?» — «Пал с своим отрядом».
И смолкла вновь меж ними речь.
Спросивший, со свирепым взглядом,
Рукою стиснул тяжкий меч.

Выл злее ветер, бурным взрывом
Темнее мрак на землю лег.
Сквозь сосны, под крутым обрывом,
Мелькнул вдруг дальний огонек.

«Ого! нам отдых будет скоро:
Там есть ночлег какой-нибудь».
Пошли они туда, средь бора
Мечом прорубливая путь.

Вернулся угольщик. В тревоге
Его давно жена ждала,
Стоя с ребенком на пороге:
«Какие вести из села?»

Придвинулись к огню; мальчишка
Сидит, смотря отцу в глаза.
«Вестей хороших нет излишка,
Подходит снова к нам гроза.

Ущелья наши как ни глухи,—
Нам без беды остаться вряд;
Плохие нынче ходят слухи,
Повсюду люди говорят,

Что был за лесом бой жестокой,
Что герцог Витикинд опять
В одной равнине недалекой
На франков сильно двинул рать;

Что саксы горами там пали,
Что и народа твердый щит—
Граф Альф—погиб и что едва ли
Сам грозный герцог не убит.

В селеньях горе и забота;
К нам время лютое пришло!..
Чу! что за шелест? словно кто-то
Идет, ступая тяжело.

Вот, слышишь?— подошли к забору;
Пойду взгляну я».— «Что смотреть?
Кому бродить об эту пору
В пустыне? Леший иль медведь».

Зовут. Жена глядит в испуге,
Муж с двери крепкий снял замок;
Ступили, в шлеме и в кольчуге,
Два грозных гостя чрез порог.

«Хозяин, дай ночлег.— И сели,
Угрюмые, перед огнем.—
Какие б ни были постели,—
Нет нужды, мы на них заснем».

И шлем, надвинутый над бровью,
Снял старший; вокруг главы вилась
Повязка, смоченная кровью,
Повел он взором диких глаз,

На тяжкий меч склонясь устало,
Вокруг убогого жилья,
Где молча ужин припасала
Пришельцам бедная семья.

И на челе его суровом,
Сгущался гневной тучи мрак,
И вспыхнуло в огне багровом
Его лицо: «Скажи, земляк,

К чему там на стене, над входом,
Те две проведены черты,
Которым снова мимоходом
Как будто поклонился ты?»

Смутился угольщик, ответа
Он дать не знает злым гостям:
«Нечаянно случилось это,
Что я нагнулся, идя там».

И, скрыть стараясь дум волнение,
Он взор потупил. «Если так,
Исполни же мое веленье:
Поди и плюнь на этот знак».

Хозяин дрогнул, как стрелою
Пронзенный; бросил на своих
Он взгляд, исполненный тоскою,
С уст вздох сорвался — и утих.

И гостю житель хаты бедный,
Как беспощадному врагу,
Взглянул в лицо и молвил, бледный:
«Хоть убивайте, не могу!»

Встал богатырь с улыбкой ярой
С скамейки. «Видит же Водан!
Пройду я здесь тяжелой карой;
Не пощажу я христиан!»

Не позабыть своей привычки
И нынче моему мечу.
Бери топор: тебя без стычки,
Как тварь, зарезать не хочу».

И сталь, зазубренная битвой,
Сверкнула. «Становись к борьбе;
И помолись своей молитвой,
Чтоб посчастливилось тебе.

Нет лучшего тебе совета;
Надежда нас смягчить пуста:
Я герцог Витикинд, а это —
Граф Гуннар, злейший враг Христа».

Стоял хозяин без движенья,
Смерть ожидая; пала в прах
Жена пред знаком искупленья,
С мольбой, замершей на устах.

Схватил ребенок нож, и рядом
С отцом, к сражению готов,
Он стал и молвил, мера взглядом
Обоих яростных бойцов:

«Отец! храбрися; станем смело!
Что нам бояться этих злых?
Еще не кончено ведь дело,
Нас также двое против них».

Остановился вождь сердитый,
Притих, на мальчика смотря;
Ложился отблеск думы скрытой
На грозный лик богатыря.

«Нет! — выговорил он, и звонко
Меч зазвенел, в ножны скользя.—
Нет, Гуннар! этого ребенка
Губить не следует, нельзя».

И оба укрепили снова
Свои доспехи и пошли;
И стих среди пустыря ночного
Звук шага тяжелого вдали.

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ

ЛЕРМОНТОВ

ТРИ ПАЛЬМЫ

(Восточное сказание)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колелемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли—в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые выюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копьё на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студеный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне все дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

ДАРЫ ТЕРЕКА

Терек воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:

«Расступись, о старец море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов им, на славу,
Стадо целое пригнал».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:

«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой.

Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит:
И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:

«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.
По красоте молодежи
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косой размытой,
Кольхаяся, всплыла.

И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.

Он взыграл, веселья полный,—
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.

ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА

Пускай холодною землею
Засыпан я,
О друг, всегда, везде с тобою
Душа моя.
Любви безумного томленья,
Жилец могил,
В стране покоя и забвенья
Я не забыл.

Без страха в час последней муки
Покинув свет,
Отрады ждал я от разлуки—
Разлуки нет.
Я видел прелесть бестелесных
И тосковал,
Что образ твой в чертах небесных
Не узнавал.

Что мне сиянье божьей власти
И рай святой?
Я перенес земные страсти
Туда с собой.
Ласкаю я мечту родную
Везде одну:
Желаю, плачу и ревную
Как в старину.

Коснется ль чуждое дыханье
Твоих ланит,
Моя душа в немом страданье
Вся задрожит.
Случится ль, шепчешь засыпая
Ты о другом,
Твои слова текут пылая
По мне огнем.

Ты не должна любить другого,
Нет, не должна,
Ты мертвецу, святыней слова,
Обручена,

Увы, твой страх, твои моленья,
К чему оне?
Ты знаешь, мира и забвенья
Не надо мне!

СПОР

Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор
У Казбека с Шат-горою¹
Был великий спор.
«Берегись! — сказал Казбеку
Седовласый Шат,—
Покорился человеку
Ты недаром, брат!
Он настроит дымных келий
По уступам гор;
В глубине твоих ущелий
Загремит топор;
И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь.
Уж проходят караваны
Через те скалы,
Где носились лишь туманы
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труден
Первый был скачок,
Берегися! многолюден
И могуч Восток!»
«Не боюсь я Востока! —
Отвечал Казбек,—
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.
Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин;
И склонясь в дыму кальяна
На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.
Вот у ног Ерусалима,
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;

¹ Шат — Эльбрус. (Прим. Лермонтова.)

Дальше, вечно чуждый тени,
Моег желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров
И поет, считая звезды,
Про дела отцов.
Все, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя...
Нет, не дряхлому Востоку
Покорить меня!»

«Не хвались еще заране! —
Молвил старый Шат,—
Вот на севере в тумане
Что-то видно, брат!»

Тайно был Казбек огромный
Вестью той смущен;
И, смутясь, на север темный
Взоры кинул он;
И туда в недоуменье
Смотрит, полный дум:
Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Кольхаясь и сверкая,
Двигутся полки;
Веют белые султаны,
Как степной ковыль,
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут,
Впереди несут знамена,
В барабаны бьют;
Батарей медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И, испуганный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.

Идут все полки могучи,
Шумны, как поток,
Страшно медленны, как тучи,
Прямо на восток.
И томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый—
И не счел врагов.
Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
Шапку¹ на брови надвинул—
И навек затих.

ТАМАРА

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.

И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.

И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всеильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух:
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.

---

¹ Горцы называют шапкою облака, постоянно лежащие на вершине Казбека. (Прим. Лермонтова.)

На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя... Шипели
Пред нею два кубка вина.

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавались там.

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла,
Гремя, нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал.
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! взгляни на меня!»

Фыркает конь и ушами прядет,
Брызжет и плещет и дале плывет.

Слышит царевич: «Я царская дочь!
Хочешь провести ты с царевною ночь?»

Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелковой узды.

Вышла молодая потом голова,
В косу вплелась морская трава.

Синие очи любовью горят;
Брызги на шее, как жемчуг, дрожат.

Мыслит царевич: «Добро же! постой!»
За косу ловко схватил он рукой.

Держит, рука боевая сильна:
Плачет и молит и бьется она.

К берегу витязь отважно плывет:
Выплыл; товарищей громко зовет:

«Эй вы! сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча моя...

Что ж вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»

Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий взгляд.

Видит, лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;

Хвост чешуею змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь, дрожит;

Пена струями сбегает с чела,
Очи одела смертельная мгла.

Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек...

Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую дочь!

БАЛЛАДА

Над морем красавица дева сидит
И, к другу ласкаясь, так говорит:

«Достань ожерелье, спустился на дно;
Сегодня в пучину упало оно!

Ты этим докажешь свою мне любовь!»
Вскипела лихая у юноши кровь,

И ум его обнял невольный недуг,
Он в пенную бездну кидается вдруг.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся, и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,
Вот милого друга они принесут.

О счастье! он жив, он скалу ухватил,
В руке ожерелье, но мрачен он был.

Он верить боится усталым ногам,
И влажные кудри бегут по плечам...

«Скажи, не люблю иль люблю я тебя,
Для перлов прекрасной и жизнь не щадя,

По слову спустился на черное дно,
В коралловом гроте лежало оно.

Возьми!» — и печальный он взор устремил
На то, что дороже он жизни любил.

Ответ был: «О милый, о юноша мой!
Достань, если любишь, коралл дорогой».

С душой безнадежной младой удалец
Прыгнул, чтоб найти иль коралл, иль конец.

Из бездны перловые брызги летят,
И волны теснятся, и мчатся назад,

И снова приходят и о берег бьют,
Но милого друга они не несут.

БАЛЛАДА

В избушке поздною порою
Славянка юная сидит.
Вдали багровой полосой
На небе зарево горит...
И, люльку детскую качая,
Поет славянка молодая...

«Не плачь, не плачь! иль сердцем чуешь,
Дитя, ты близкую беду!..
О, полно, рано ты тоскуешь:
Я от тебя не отойду.
Скорее мужа я утрачу.
Дитя, не плачь! и я заплачу!

Отец твой стал за честь и бога
В ряду бойцов против татар,
Кровавый след ему дорога,
Его булат блестит, как жар.
Взгляни, там зарево краснеет:
То битва семя смерти сеет.

Как рада я, что ты не в силах
Понять опасности своей,
Не плачут дети на могилах;
Им чужд и стыд и страх цепей;
Их жребий зависти достоин...»
Вдруг шум — и в двери входит воин.

Брада в крови, избиты латы.
«Свершилось! — восклицает он,—
Свершилось! торжествуй, проклятый!..
Наш милый край порабощен,
Татар мечи не удержали —
Орда взяла, и наши пали».

И он упал — и умирает
Кровавой смертью бойца.
Жена ребенка поднимает
Над бледной головой отца:
«Смотри, как умирают люди,
И мстить учись у женской груди!..»

ДВА ВЕЛИКАНА

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ,
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец,—
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец.

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — потрянул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

БАЛЛАДА

Куда так проворно, жидовка младая?
Час утра, ты знаешь, далек...
Потише — распалась цепочка золотая,
И скоро спадет башмачок.

Вот мост! вот чугунные влево перилы
Блестят от огня фонарей;
Держись за них крепче, — устала, нет силы!..
Вот дом — и звонок у дверей.

Безмолвно жидовка у двери стояла,
Как мраморный идол бледна;
Потом, за снурок потянув, постучала...
И кто-то взглянул из окна!..

И страхом и тайной надеждой пылая,
Еврейка глаза подняла,
Конечно, ужасней минута такая
Столетий печали была.

Она говорила: «Мой ангел прекрасный!
Взгляни еще раз на меня...
Избавь свою Сару от пытки напрасной,
Избавь от ножа и огня...

Отец мой сказал, что закон Моисея
Любить запрещает тебя.
Мой друг, я внимала отцу не бледнея,
Затем, что внимала любя...

И мне обещал он страданья, мученья,
И нож наточил роковой,
И вышел... Мой друг, берегись его мщенья,—
Он будет как тень за тобой.

Отцовского мщенья ужасны удары,
Беги же отсюда скорей!
Тебе не изменят уста твоей Сары
Под хладной рукой палачей.

Беги!..» Но на лик, из окна наклоненный,
Блеснул неожиданный свет,
И что-то сверкало в руке обнаженной,
И мрачен глухой был ответ.

И тяжкое что-то на камни упало,
И стон раздался под стеной,—
В нем все улетающей жизнью дышало,
И больше, чем жизнью одной!

Поутру, толпяся, народ изумленный
Кричал и шептал об одном:
Там в доме был русский, кинжалом пронзенный,
И женщины труп под окном.

ТРОСТНИК

Сидел рыбак веселый
На берегу реки,
И перед ним по ветру
Качались тростники.

Сухой тростник он срезал
И скважины проткнул,
Один конец зажал он,
В другой конец подул.

И будто оживленный,
Тростник заговорил —
То голос человека
И голос ветра был.
И пел тростник печально:
«Оставь, оставь меня!
Рыбак, рыбак прекрасный,
Терзает ты меня!

И я была девицей,
Красавица была,
У мачехи в темнице
Я некогда цвела,
И много слез горючих
Невинно я лила;
И раннюю могилу
Безбожно я звала.

И был сынок любимец
У мачехи моей,
Обманывал красавиц,
Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
Мы на берег крутой
Смотреть на сини волны,
На запад золотой.

Моей любви просил он, —
Любить я не могла,
И деньги мне дарил он, —
Я денег не брала;
Несчастную сгубил он,
Ударив в грудь ножом,
И здесь мой труп зарыл он
На берегу крутом;

И над моей могилой
Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
Души моей молодой.
Рыбак, рыбак прекрасный,
Оставь же свой тростник,
Ты мне помочь не в силах,
А плакать не привык».

РУСАЛКА

1

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

2

И, шумя и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка — и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.

3

И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок золотые гуляют стада;
Там хрустальные есть города;

4

И там на подушке из ярких песков
Под тенью густых тростников
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны.

5

Расчесывать кольца шелковых кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы в полуденный час
Целовали красавца не раз.

6

Но к страстным лобзаньям, не знаю зачем,
Остается он хладен и нем;
Он спит — и, склонившись на перси ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне!..»

Так пела русалка над синей рекой,
 Полна непонятной тоской;
 И, шумно катясь, колебала река
 Отраженные в ней облака.

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

ПОЛЕСТЮИ

КУРГАН

В степи, на равнине открытой,
 Курган одинокий стоит;
 Под ним богатырь знаменитый
 В минувшие веки зарыт.

В честь витязя тризну свершали,
 Дружина дралася три дня,
 Жрецы ему разом заклали
 Всех жен и любимца коня.

Когда же его схоронили
 И шум на могиле затих,
 Певцы ему славу сулили,
 На гусях гремя золотых:

«О витязь! делами твоими
 Гордится великий народ,
 Твое громоносное имя
 Столетия все перейдет!

И если курган твой высокий
 Сравнился бы с полем пустым,
 То слава, разлившись далеко,
 Была бы курганом твоим!»

И вот миновались годы,
 Столетия вслед протекли,
 Народы сменили народы,
 Лицо изменилось земли.

Курган же с высокой главою,
Где витязь могучий зарыт,
Еще не сровнялся с землею,
По-прежнему гордо стоит.

А витязя славное имя
До наших времен не дошло...
Кто был он? венцами какими
Свое он украсил чело?

Чью кровь проливал он рекою?
Какие он жег города?
И смертью погиб он какою?
И в землю опущен когда?

Безмолвен курган одинокий...
Наездник державный забыт,
И тризны в пустыне широкой
Никто уж ему не свершит!

Лишь мимо кургана мелькает
Сайгак, через поле скача,
Иль вдруг на него налетает,
Крилами треща, саранча.

Порой журавлиная стая,
Окончив подоблачный путь,
К кургану шумит подлетая,
Садится на нем отдохнуть.

Тушканчик порою проскачет
По нем при мерцании дня,
Иль всадник высоко маячит
На нем удалого коня.

А слезы прольют разве тучи,
Над степью плывя в небесах,
Да ветер лишь свет летучий
С кургана забытого прах...

ВАСИЛИЙ ШИБАНОВ

Князь Курбский от царского гнева бежал,
С ним Васька Шибанов, стремянный.
Дороден был князь. Конь измученный пал.
Как быть среди ночи туманной?

Но рабскую верность Шибанов храня,
Свое отдает воеводе коня:
«Скачи, князь, до вражьего стану,
Авось я пешой не отстану».

И князь доскакал. Под литовским шатром
Опальный сидит воевода,
Стоят в изумленье литовцы кругом,
Без шапок толпятся у входа,
Всяк русскому витязю честь воздает;
Недаром дивится литовский народ,
И ходят их головы кругом:
«Князь Курбский нам сделался другом».

Но князя не радует новая честь,
Исполнен он желчи и злобы;
Готовится Курбский царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
«Что долго в себе я таю и ношу,
То все я пространно к царю напишу,
Скажу напрямик, без изгиба,
За все его ласки спасибо».

И пишет боярин всю ночь напролет,
Перо его местию дышит,
Прочтет, улыбнется, и снова прочтет,
И снова без отдыха пишет,
И злыми словами язвит он царя,
И вот уж, когда занялася заря,
Поспело ему на отраду
Послание, полное яду.

Но кто ж дерзновенные князя слова
Отвезть Иоанну возьмется?
Кому не любя на плечах голова,
Чье сердце в груди не сожмется?
Невольнo сомненья на князя нашли...
Вдруг входит Шибанов в поту и в пыли:
«Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!»

И в радости князь посылает раба,
Торопит его в нетерпенье:
«Ты телом здоров, и душа не слаба,
А вот и рубли в награжденье!»
Шибанов в ответ господину: «Добро!
Тебе здесь нужнее твое серебро,
А я передам и за муки
Письмо твое в царские руки».

Звон медный несется, гудит над Москвой;
Царь в смиренной одежде трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьет,
И звону внимает московский народ,
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.

В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский лютей,
Звонит всей опрични крошечная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тут же, гордясь своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный богом Басманов.

Царь кончил; на жезл опираясь, идет,
И с ним всех окольных собранье.
Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
Над шапкою держит посланье.
И спрянул с коня он поспешно долой,
К царю Иоанну подходит пешой
И молвит ему, не бледнея:
«От Курбского князя Андрея!»

И очи царя загорелися вдруг:
«Ко мне? От злодея лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мне вслух
Посланье от слова до слова!
Поддай сюда грамоту, дерзкий гонец!»
И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Налег на костыль — и внимает:

«Царю, прославляемому древле от всех,
Но тонущу в сквернах обильных!
Ответствуй, безумный, каких ради грех
Побил еси добрых и сильных?
Ответствуй, не ими ль, средь тяжкой войны,
Без счета твердьни врагов сражены?
Не их ли ты мужеством славен?
И кто им бысть верностью равен?»

Безумный! Иль мнишишь бессмертнее нас,
В небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Придет возмездия час,
Писанием нам предреченный,
И аз, иже кровь в непрестанных боях
За тя, аки воду, лях и лях,
С тобой пред судьей предстану!»
Так Курбский писал к Иоанну.

Шибанов молчал. Из пронзенной ноги
Кровь алым струилася током,
И царь на спокойное око слуги
Взирал испытующим оком.
Стоял неподвижно опричников ряд;
Был мрачен владыки загадочный взгляд,
Как будто исполнен печали:
И все в ожиданье молчали.

И молвил так царь: «Да, боярин твой прав,
И нет уж мне жизни отрадной,
Кровь добрых и сильных ногами поправ,
Я пес недостойный и смрадный!
Гонец, ты не раб, но товарищ и друг,
И много, знать, верных у Курбского слуг,
Что выдал тебя за бесценок!
Ступай же с Малютой в застенок!»

Пытают и мучат гонца палачи,
Друг к другу приходят на смену:
«Товарищей Курбского ты уличи,
Открой их собачью измену!»
И царь вопрошает: «Ну что же гонец?
Назвал ли он вора друзей наконец?»
«Царь, слово его все едино:
Он славит своего господина!»

День меркнет, приходит ночная пора,
Скрывают у застенка ворота,
Заплечные входят опять мастера,
Опять зачалася работа.
«Ну, что же, назвал ли злодеев гонец?»
«Царь, близок ему уж приходит конец,
Но слово его все едино,
Он славит своего господина:

«О князь, ты, который предать меня мог
За сладостный миг укоризны,
О князь, я молю, да простит тебе бог
Измену твою пред отчиной!
Услышь меня, боже, в предсмертный мой час,
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но в сердце любовь и прощенье,
Помилуй мои прегрешенья!

Услышь меня, боже, в предсмертный мой час,
Прости моего господина!
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но слово мое все едино:
За грозного, боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь,
И твердо жду смерти желанной!»
Так умер Шибанов, стремянный.

ЗМЕЙ ТУТАРИН

1

Над светлым Днепром, средь могучих бояр,
Близ стольного Киева-града,
Пирует Владимир, с ним молод и стар,
И слышен далеко звон кованых чар—
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

2

И молвит Владимир: «Что ж нету певцов?
Без них мне и пир не отрада!»
И вот незнакомый из дальних рядов
Певец выступает на княжеский зов—
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

3

Глаза словно щели, растянутый рот,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами вперед,
И ахнул от ужаса русский народ:
«Ой рожа, ой страшная рожа!»

И начал он петь на неведомый лад:
 «Владычество смелым награда!
 Ты, княже, могуч и казною богат,
 И помнит ладьи твои дальний Царьград—
 Ой ладо, ой ладушки-ладо!

Но род твой не вечно судьбою храним,
 Настанет тяжелое время,
 Обнимут твой Киев и пламя и дым,
 И внуки твои будут внукам моим
 Держать золоченое стремя!»

И вспыхнул Владимир при слове таком,
 В очах загорелась досада—
 Но вдруг засмеялся—и хохот кругом
 В рядах прокатился, как по небу гром,—
 Ой ладо, ой ладушки-ладо!

Смеется Владимир, и с ним сыновья,
 Смеется, потупясь, княгиня,
 Смеются бояре, смеются князья,
 Удальи Попович, и старый Илья,
 И смелый Никитич Добрыня.

Певец продолжает: «Смешна моя весть
 И вашему уху обидна?
 Кто мог бы из вас оскорбление снести?
 Бесценное русским сокровище честь,
 Их клятва: Да будет мне стыдно!

На вече народном вершится их суд,
 Обиды смывает с них поле—
 Но дни, погодите, иные придут,
 И честь, государи, заменит вам кнут,
 А вече—каганская воля!»

«Стой! — молвит Илья,— твой хоть голос и чист,
 Да песня твоя не пригожа!
 Был вор Соловей, как и ты, голосист,
 Да я пятерней приглушил его свист —
 С тобой не случилось бы то же!»

Певец продолжает: «И время придет,
 Уступит наш хан христианам,
 И снова подымется русский народ,
 И землю единый из вас соберет,
 Но сам же над ней станет ханом!»

И в тереме будет сидеть он своим,
 Подобен кумиру средь храма,
 И будет он спины вам бить батожем,
 А вы ему стукать да стукать челом —
 Ой срама, ой горького срама!»

«Стой! — молвит Попович,— хоть дюжий твой рост,
 Но слушай, поганая рожа:
 Зашла раз корова к отцу на погост,
 Махнул я ее через крышу за хвост —
 Тебе не было бы того же!»

Но тот продолжает, ослабивши пасть:
 «Обычай вы наш переймете,
 На честь вы поруху научитесь класть,
 И вот, наглотавшись татарщины влать,
 Вы Русью ее назовете!»

И с честной поспоритесь вы стариной,
 И, предкам великим на сором,
 Не слушая голоса крови родной,
 Вы скажете: «Станем к варягам спиной,
 Лицом повернемся к обдорам!»

«Стой! — молвит, поднявшись, Добрыня,— не смей
 Пророчить такого нам горя!
 Тебя я узнал из негодных речей:
 Ты старьей Тугарин, поганьей тот змей,
 Приплывший от Черного моря!

На крыльях бумажных, ночью порой
 Ты часто вокруг Киева-града
 Летал и шипел, но тебя не впервой
 Попотчую я каленюю стрелой —
 Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

И начал Добрыня натягивать лук,
 И вот, на потеху народу,
 Струны богатырской послышавши звук,
 Во змея певец перекинулся вдруг
 И с шипом бросается в воду.

«Тьфу, гадина! — молвил Владимир и нос
 Зажал от несносного смрада,—
 Чего уж он в скаредной песне не нес,
 Но, благо, удрал от Добрынюшки, пес,—
 Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

А змей, по Днепру расстилаясь, плывет,
 И, смехом преследуя гада,
 По нем улюлюкает русский народ:
 «Чай, песни теперь уже нам не споет —
 Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

Смеется Владимир: «Вишь, выдумал нам
 Каким угрожать он позором!
 Чтоб мы от Тугарина приняли срам!
 Чтоб спины подставили мы батогам!
 Чтоб мы повернулись к обдорам!

Нет, шутишь! Живет наша русская Русь!
 Татарской нам Руси не надо!
 Солгал он, солгал, перелетный он гусь,
 За честь нашей родины я не боюсь —
 Ой ладо, ой ладушки-ладо!

А если б над нею беда и стряслась,
 Потомки беду перемогут!
 Бывает,— примолвил свет-солнышко-князь,—
 Неволя заставит пройти через грязь —
 Купаться в ней свиньи лишь могут!

Подайте ж мне чару большую мою,
 Ту чару, добытую в сече,
 Добытую с ханом хозарским в бою,—
 За русский обычай до дна ее пью,
 За древнее русское вече!

За вольный, за честный славянский народ!
 За колокол пью Новаграда!
 И если он даже и в прах упадет,
 Пусть звон его в сердце потомков живет —
 Ой ладо, ой ладушки-ладо!

Я пью за варягов, за дедов лихих,
 Кем русская сила подъята,
 Кем славен наш Киев, кем грек приутих,
 За синее море, которое их,
 Шумя, принесло от заката!»

И выпил Владимир — и разом кругом,
 Как плеск лебединого стада,
 Как летом из тучи ударивший гром,
 Народ отвечает: «За князя мы пьем!
 Ой ладо, ой ладушки-ладо!

Да правит по-русски он русский народ,
 А хана нам даром не надо!
 И если настанет година невзгод,
 Мы верим, что Русь их победно пройдет,—
 Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

Пирует Владимир со светлым лицом,
 В груди богатырской отрада,
 Он верит: победно мы горе пройдем,
 И весело слышать ему над Днепром:
 «Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

Пирует с Владимиром сила бояр,
 Пируют посадники града,
 Пирует весь Киев, и молод и стар,
 И слышен далеко звон кованых чар—
 Ой ладо, ой ладушки-ладо!

ПЕСНЯ О ГАРАЛЬДЕ И ЯРОСЛАВНЕ

1

Гаральд в боевое садится седло,
 Покинул он Киев державный,
 Вздыхает дорогою он тяжело:
 «Звезда ты моя, Ярославна!»

2

Надежд навсегда миновала пора!
 Твой слышал, княжна, приговор я!
 Узнают же вес моего топора
 От края до края поморья!

3

И Русь оставляет Гаральд за собой,
 Пльвет он размыкивать горе
 Туда, где арабы с норманнами бой
 Ведут на земле и на море.

В Мессине он им показал свой напор,
 Он рубит их в битве неравной
 И громко взывает, подъемля топор:
 «Звезда ты моя, Ярославна!»

Дает себя знать он и грекам в бою,
 И Генуи выходцам вольным,
 Он на море бьется, ладья о ладью,
 Но мысль его в Киеве стольном.

Летает он по морю сизым орлом,
 Он чайкою в бурях пирует,
 Трещат корабли под его топором—
 По Киеву сердце тоскует.

Веселая то для дружины пора,
 Гаральдовой силе нет равной—
 Но в мысли спокойные воды Днепра,
 Но в сердце княжна Ярославна.

Нет, видно ему не забыть уж о ней,
 Не вымучить счастья иного—
 И круто он бег повернул кораблей
 И к северу гонит их снова.

Он на берег вышел, он сел на коня,
 Он в зелени едет дубравной—
 «Полюбишь ли, девица, ныне меня,
 Звезда ты моя, Ярославна?»

И в Киев он стольный въезжает, крестясь;
 Там, гостя радушно встречая,
 Выходит из терема ласковый князь,
 А с ним и княжна молодая.

«Здорово, Гаральд! Расскажи, из какой
 На Русь воротился ты дали?
 Замешкался долго в земле ты чужой,
 Давно мы тебя не видали!»

«Я, княже, уехал, любви не стяжав,
 Уехал безвестный и бедный;
 Но ныне к тебе, государь Ярослав,
 Вернулся я в славе победной!»

Я город Мессину в разор разорил,
 Разграбил поморье Царьграда,
 Ладьи жемчугом по края нагрузил,
 А тканей и мерить не надо!

Ко древним Афинам, как ворон, молва
 Неслась пред ладьями моими,
 На мраморной лапе пирейского льва
 Мечом я насекаю мое имя!

Прибрежья, где черный мой стяг прошумел,
 Сицилия, Понт и Эллада,
 Вовек не забудут Гаральдовых дел,
 Набегов Гаральда Гардрада!

Как вихорь обмел я окраины морей,
 Нигде моей славе нет равной!
 Согласна ли ныне назваться моей,
 Звезда ты моя, Ярославна?»

В Норвегии праздник веселый идет:
 Весною, при плеске народа,
 В ту пору, как альпий шиповник цветет,
 Вернулся Гаральд из похода.

Цветами его корабли обвиты,
 От сеч отдыхают варяги,
 Червленые берег покрыли щиты.
 И с черными вранами стяги.

В ладьях отовсюду к шатрам парчевым
 Причалили вещи скальды
 И славят на арфах, один за другим,
 Возврат удалого Гаральда.

А сам он у моря, с веселым лицом,
 В хламиде и в светлой короне,
 Норвежским избранный от всех королем,
 Сидит на возвышенном троне.

Отборных и-gridней и отроков рой
 Властителю служит уставно,
 В царьградском наряде, в короне златой,
 С ним рядом сидит Ярославна.

И, к ней обращаясь, Гаральд говорит
 С любовью в сияющем взоре:
 «Все, что пред тобою цветет и блестит,
 И берег, и синее море,

Цветами убранные те корабли,
 И грозные замков твердьни,
 И людные веси норвежской земли,
 И всё, чем владею я ныне,

И слава, добытая в долгой борьбе,
 И самый венец мой державный,
 И все, чем я бранной обязан судьбе,—
 Все то я добыл лишь на вено тебе,
 Звезда ты моя, Ярославна!»

ТРИ ПОБОИЩА

1

Ярились под Киевом волны Днепра,
За тучами тучи летели,
Гроза бушевала всю ночь до утра —
Княгиня вскочила с постели,

2

Вскочила княгиня в испуге от сна,
Волос не заплетши, умылась,
Пришла к Изяславу, от страха бледна:
«Мне, княже, недоброе снилось!

3

Мне снилось: от берега норской земли,
Где плещут варяжские волны,
На саксов готовятся плыть корабли,
Варяжскими гриднями полны.

4

То сват наш Гаральд собирается плыть —
Храни его бог от напасти! —
Мне виделось: воронов черная рать
Уселась с криком на снасти.

5

И бабище будто на камне сидит,
Считает суда и смеется:
«Пльвите, пльвите! — она говорит, —
Домой ни одно не вернется!

6

Гаральда-варяга в Британии ждет
Саксонец-Гаральд, его тезка;
Червоного меду он вам поднесет
И спать вас уложит он жестко!»

И дале мне снилось: у берега там,
 У норской у пристани главной,
 Сидит, волоса раскидав по плечам,
 Золовка сидит Ярославна.

Глядит, как уходят в туман паруса
 С Гаральдовой силою ратной,
 И плачет и рвет на себе волоса,
 И кличет Гаральда обратно...

Проснулася я—и доселе вдали
 Все карканье воронов внемлю—
 Прошу тебя, княже, скорее пошли
 Проведать в ту норскую землю!»

И только княгиня домолвила речь,
 Невестка их, Гида, вбежала;
 Жемчужная бармина падает с плеч,
 Забыла надеть покрывало.

«Князь-батюшка-деверь, испугана я,
 Когда бы беды не случилось!
 Княгиня-невестушка, лебедь моя,
 Мне ночесь недоброе снилось!

Мне снилось: от берега франкской земли,
 Где плещут нормандские волны,
 На саксов готовятся плыть корабли,
 Нормандии рыцарей полны.

То князь их Вильгельм собирается плыть—
 Я будто слова его внемлю,—
 Он хочет отца моего погубить,
 Присвоить себе его землю!

И бабище злое бодрит его рать,
И молвит: «Я воронов стаю
Прикликаю саксов заутра клевать,
И ветру я вам намахаю!»

И пологом стала махать на суда,
На каждом ветрило надулось,
И двинулась всех кораблей череда —
И тут я в испуге проснулась».

И только лишь Гида домолвила речь,
Бежит, запыхаяся, гриден:
«Бери, государь, поскорее свой меч,
Нам враг под Киевом виден!

На вышке я там, за рекою, стоял,
Стоял на слуху я, на страже,
Я многие тысячи их насчитал:
То половцы близятся, княже!»

На бой Изяслав созывает сынов,
Он братьев скликает на сечу,
Он трубит к дружине — ему не до снов,—
Он половцам едет навстречу.

По синему морю клубится туман,
Всю даль облака застилают,
Из разных слетаются вóроны стран,
Друг друга, кружась, вопрошают:

«Откуда летишь ты? поведай-ка нам!» —
«Лечу я от города Йорка!
На битву обоих Гаральдов я там
Смотрел из поднёбесья зорко.

Был целою выше варяг головой,
 Чернела как туча кольчуга,
 Свистел его в саксах топор боевой,
 Как в листьях осенняя вьюга;

Копнами разил он тела на тела,
 Кровь до моря с поля струилась,—
 Пока, провизжав, не примчалась стрела
 И в горло ему не вонзилась.

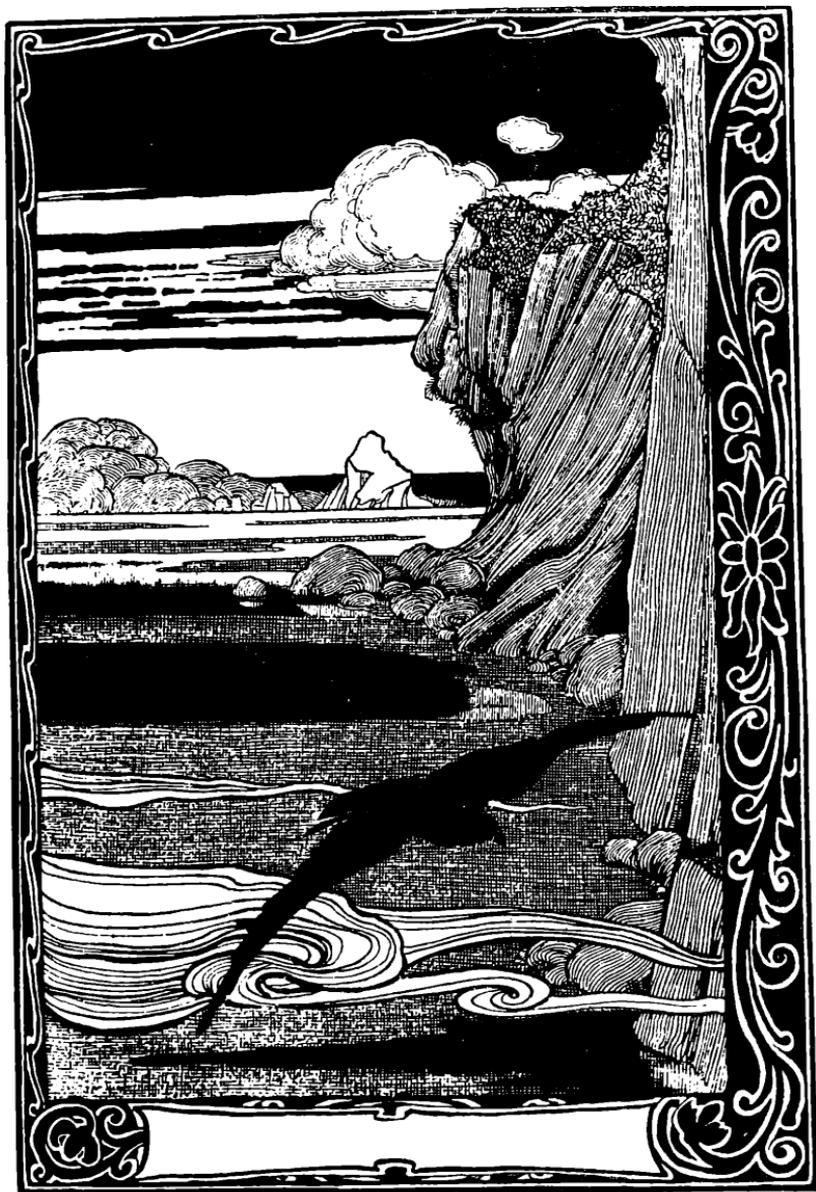
Упал он, почуя предсмертную тьму,
 Упал он как пьяный на брашно;
 Хотел я спуститься на темя ему,
 Но очи глядели так страшно!

И долго над местом кружился я тем,
 И поздней дождался я ночи,
 И сел я варягу Гаральду на шлем
 И выклевал грозные очи!»

По синему морю клубится туман,
 Слетается воронов боле:
 «Откуда летишь ты?» — «Я кровию пьян,
 Лечу от Гастингского поля!»

Не стало у саксов вчера короля.
 Лежит меж своих он, убитый,
 Пирует норманн, его землю деля,
 И мы пиروвали там сыто!

Победно от Йорка шла сакская рать,
 Теперь они смирны и тихи,
 И труп их Гаральда не могут сыскать
 Меж трупов бродящие мнихи.

У. Х. РОБИНСОН

Но сметил я место, где наземь он пал,
И битва когда отшумела,
И месяц как щит над побоищем встал,
Я сел на Гаральдово тело;

Недвижные были черты хороши,
Нахмурены гордые брови,—
Любуясь на них, я до жадной души
Напился Гаральдовой крови!»

По синему морю клубится туман,
Всю даль облака застилают,
Из разных слетаются вóроны стран,
Друг друга, кружась, вопрошают:

«Откуда летишь ты?» — «Из русской земли!
Я был на пиру, в Заднепровье;
Там все Изяслава полки полегли,
Все поле упитано кровью!»

С рассветом на половцев князь Изяслав
Там выехал, грозен и злобен,
Свой меч двоеручный высоко подъяв,
Святому Георгию подобен;

Но к ночи, руками за гриву держась,
Конем увлекаемый с бою,
Уж по полю мчался израненный князь
С закинутой навзничь главою;

И, каркая, долго летел я над ним
И ждал, чтоб он наземь свалился,
Но был он, должно быть, судьбою храним
Иль богу, скача, помолился;

Упал лишь над самым Днепром он с коня,
 В ладью рыбаки его взяли,
 А я полетел, неудачу кляня,
 Туда, где другие лежали».

Поют во Софийском соборе попы,
 По князе идет панихида,
 Рыдает княгиня средь плача толпы,
 Рыдает Гаральдовна Гида.

И с ними другого Гаральда вдова
 Рыдает, стена, Ярославна,
 Рыдает: «О, горе! зачем я жива,
 Коль сгинул Гаральд мой державный!»

И Гида рыдает: «О, горе! убит
 Отец мой, норманном сраженный!
 В плену его веси, и взяты на щит
 Саксонские девы и жены!»

Княгиня рыдает: «О князь Изяслав!
 В неравном посечен ты споре!
 Победы обычной в бою не стяжав,
 Погиб ты, о, горе, о, горе!»

Печерские иноки, выстроясь в ряд,
 Протяжно поют: аллилуйя!
 А братья княжие друг друга корят,
 И жадные вóроны с кровель глядят,
 Усобицу близкую чуют...

ГАКОН СЛЕПОЙ

1

«В деснице жива еще прежняя мочь,
И крепки по-прежнему плечи;
Но очи одела мне вечная ночь —
Кто хочет мне, други, рубиться помочь?
Вы слышите крики далече?
Схватите ж скорей за поводья коня,
Помчите меня
В кипение сечи!»

2

И отроки с двух его взяли сторон,
И, полный безумного гнева,
Слепой между ними помчался Гакон
И врезался в сечу, и, ей опьянен,
Он рубит средь гула и рева
И валит ряды, как в лесу бурелом,
Крестит топором
И вправо и влево.

3

Но гуще и гуще все свалка кипит,
Враги не жалеют урона.
Отрезан Гакон и от русских отбит,
И, видя то, князь Ярослав говорит:
«Нужна свояку оборона!
Вишь, вражья его как осьпала рать!
Пора выручать
Слепого Гакона!»

4

И с новой напер на врагов он толпой,
Просек через свалку дорогу,
Но вот на него налетает слепой,
Топор свой подъявши. «Да стой же ты, стой!
Никак ошалел он, ей-богу!
Ведь был ты без нас бы иссечен и стерт,
Что ж рубишь ты, черт,
Свою же подмогу?»

Но тот расходился, не внемлет словам,
 Удар за ударом он садит,
 Молотит по русским щитам и броням,
 Дробит и сечет шишаки пополам,
 Никто с разъяренным не сладит.
 Насилу опомнился старьй боец,
 Утих наконец
 И бороду гладит.

Дружина вздохнула, врагов разогнав;
 Побито, иссечено вволю,
 Лежат перемешаны прав и неправ,
 И смотрит с печалию князь Ярослав
 На злую товарищей долю;
 И едет он шагом, сняв острым шелом,
 С Гаконом вдвоем,
 По бранному полю...

БОРИВОЙ

Поморское сказание

1

К делу церкви сердцем рьяный,
 Папа шлет в Роскильду слово
 И поход на бодричаны
 Проповедует крестовый:

2

«Встаньте! Вас теснят не в меру
 Те язычники лихие,
 Подымайте стяг за веру,—
 Отпускаю вам грехи я.

3

Генрик Лев на бой великий
 Уж поднялся, мною званный,
 Он идет от Брунзовика
 Грятьуть с тылу в бодричаны.

4

Все, кто в этом деле сгинет,
Кто падет под знаком крестным,
Прежде, чем их кровь остынет,—
Будет в царствии небесном».

5

И лишь зов проникнул в дони,
Первый встал епископ Эрик;
С ним монахи, вздевши брони,
Собираются на берег.

6

Дале Свен пришел, сын Нилса,
В шишаке своем крылатом;
С ним же вместе ополчился
Викинг Кнут, сверкая златом;

7

Оба царственного рода,
За престол тягались оба,
Но для славного похода
Прервана меж ними злоба.

8

И, как птиц приморских стая,
Много панцирного люду,
И грохоча, и блистая,
К ним примкнулось отовсюду.

9

Все струги, построясь рядом,
Покидают вместе берег,
И, окинув силу взглядом,
Говорит епископ Эрик:

10

«С нами бог! Склонил к нам папа
Преподобного Егорья,—
Разгромим теперь с нахрапа
Все славянское поморье!»

11

Свен же молвит: «В бранном споре
 Не боюсь никого я,
 Лишь бы только в синем море
 Нам не встретить Боривоя».

12

Но, смеясь, с кормы высокой
 Молвит Кнут: «Нам нет препоны:
 Боривой теперь далёко
 Бьется с немцем у Арконы!»

13

И в веселии все трое,
 С ними грозная дружина,
 Все плывут в могучем строе
 К башням города Вольна.

14

Вдруг, поднявшись над кормою,
 Говорит им Свен, сын Нилса:
 «Мне сдалось: над той скалою
 Словно лес зашевелился».

15

Кнут, взглядевшись, отвечает:
 «Нет, не лес то шевелится,—
 Щёгол множество кивает,
 О косицу бьет косица».

16

Встал епископ торопливо,
 С удивлением во взоре:
 «Что мне чудится за диво:
 Кони ржут на синем море!»

17

Но епископу в смятенье
 Отвечает бледный инок:
 «То не ржанье—то гуденье
 Боривоевых вольноков».

И внезапно, где играют
 Всплески белые прибой,
 Из-за мыса выбегают
 Волнорезы Боривоя.

Расписными парусами
 Море синее покрыто,
 Развилось по ветру знамя
 Из божницы Святовита,

Плещут весла, блещут брони,
 Топоры звенят стальные,
 И, как бешеные кони,
 Ржут волынки боевые.

И, начальным правя дубом,
 Сам в чешуйчатой рубахе,
 Боривой кивает чубом:
 «Добрый день, отцы монахи!

Я вернулся из Арконы,
 Где поля от крови рдеют,
 Но немецкие знамена
 Под стенами уж не веют.

В клочья ту порвавши лопать,
 Заплатили долг мы немцам
 И пришли теперь отхлопать
 Вас по бритым по гуменцам!»

И под всеми парусами
 Он ударил им навстречу:
 Сшиблись вдруг ладьи с ладьями—
 И пошла меж ними сеча.

То взлетая над волнами,
 То спускаясь в пучины,
 Бок о бок сцепясь баграми,
 С криком режутся дружины;

Брызжут искры, кровь струится,
 Треск и вопль в бою сомкнутом,
 До заката битва длится,—
 Не сдаются Свен со Кнутом.

Но напрасы их усилья:
 От ударов тяжелой стали
 Позолоченные крылья
 С шлема Свена уж упали;

Пронзена в жестоком споре
 Кнута крепкая кольчуга,
 И бросается он в море
 С опрокинутого струга;

А епископ Эрик в схватке
 Над собой погибель чуя,
 Перепрыгнул без оглядки
 Из своей ладьи в чужую;

Голосит: «Не пожалею
 На икону ничего я,
 Лишь в Роскильду поскорее
 Мне б уйти от Боривоя!»

И гребцы во страхе тоже,
 Силу рук своих удвоя,
 Голосят: «Спаси нас, боже,
 Защити от Боривоя!»

«Утекай, клобучье племя!—
 Боривой кричит вдогоню,—
 Вам вздохнуть не давши время,
 Скоро сам я буду в дони!»

К вам средь моря иль средь суши
 Проложу себе дорогу
 И заране ваши души
 Обрекаю Чернобогу!»

Худо доням вышло, худо
 В этой битве знаменитой;
 В этот день морские чуда
 Нажрались их трупов сыто,

И ладей в своем просторе
 Опрокинутых немало
 Почервоневшее море
 Вверх полозьями качало.

Генрик Лев, идущий смело
 На Волын к потехе ратной,
 Услыхав про это дело,
 В Брунзовик пошел обратно.

И от бодричей до Ретры,
 От Осны до Дубовика,
 Всюду весть разносят ветры
 О победе той великой.

Шумом полн Волын веселым,
 Вкруг Перуновой божницы
 Хороводным ходят колом
 Дев поморских вереницы;

А в Роскильдовском соборе
Собираются монахи,
Восклицают: «Горе, горе!»
И молебны служат в страхе,

И епископ с клирной силой,
На коленях в церкви стоя,
Молит: «Боже, нас помилуй,
Защити от Боривоя!»

КАНУТ

1

Две вести ко князю Кануту пришли:
Одну, при богатом помине,
Шлет сват его Магнус; из русской земли
Другая пришла от княгини.

2

С певцом своим Магнус словесную весть
Без грамоты шлет харатейной:
Он просит Канута, в услугу и в честь,
Приехать на съезд на семейный;

3

Княгиня ж ко грамоте тайной печать
Под многим привесила страхом,
И вслух ее строки Канут прочитать
Велит двум досужим монахам.

4

Читают монахи: «Супруг мой и князь!
Привиделось мне сновиденье:
Поехал в Роскильду, в багрец наряжась,
На Магнуса ты приглашенье;

Багрец твой стал кровью в его терему —
 Супруг мой, молю тебя слезно,
 Не верь его дружбе, не ездь к нему,
 Любимый, желанный, болезный!»

Монахи с испугу речей не найдут:
 «Святые угодники с нами!»
 Взглянул на их бледные лица Канут,
 Пожал, усмехаясь, плечами:

«Я Магнуса знаю, правдив он и прям,
 Дружил с ним по нынешний день я —
 Ужель ему веры теперь я не дам
 Княгинина ради виденья!»

И берегом в путь выезжает морским
 Канут, без щита и без брони,
 Три отрока едут поодаль за ним,
 Их весело топают кони.

Певец, что послан его пригласить,
 С ним едет по берегу рядом;
 Тяжелую тайну клялся он хранить,
 С опущенным едет он взглядом.

Дыханием теплым у моря весна
 Чуть гривы коней их шевелит,
 На мокрый песок набегает волна
 И пену им под ноги стелет.

Но вот догоняет их отрок один,
 С Канутом, сняв шлык, поравнялся:
 «Уж нам не вернуться ли, князь-господин?
 Твой конь на ходу расковался!»

«Пускай расковался! — смеется Канут,—
 Мягка нам сегодня дорога,
 В Роскильде коня кузнецы подкуют,
 У свата, я чаю, их много!»

К болоту тропа, загибаясь, ведет,
 Над ним, куда око ни глянет,
 Вечерний туман свои нити прядет
 И сизые полосы тянет.

От отроков вновь отделился один,
 Равняет коня с господином:
 «За этим туманищем, князь-господин,
 Не видно твоей головы нам!»

«Пускай вам не видно моей головы—
 Я, благо, живу без изъяна!
 Опять меня целым увидите вы,
 Как выедем мы из тумана!»

Въезжают они во трепещущий бор,
 Весь полный весеннего крика;
 Гремит соловьиный в шиповнике хор,
 Звездится в траве земляника;

Черемухи ветви душистые гнут,
 Все дикие яблони в цвете;
 Их запах вдыхаючи, мыслит Канут:
 «Жить любо на божием свете!»

Украдкой певец на него посмотрел,
 И жалость его охватила:
 Так весел Канут, так доверчив и смел,
 Кипит в нем так молодо сила;

Ужели сегодня во гроб ему лечь,
 Погибнуть в подводе жестоком?
 И хочется князя ему остеречь,
 Спасти околичным намеком.

Былину старинную он затянул;
 В зеленом, пустынном просторе
 С припевом дубравный сливается гул:
 «Ой море, ой синее море!

К царевичу славному теща и тесть
 Коварной исполнены злости;
 Изменой хотят они зятя известь,
 Зовут его ласково в гости.

Но морю, что, мир обтекая, шумит,
 Известно о их заговоре;
 Не ездят, царевич, оно говорит —
 Ой море, ой синее море!

На верную смерть ты пускаешься в путь,
 Твой тесть погубить тебя хочет,
 Тот меч, что он завтра вонзит тебе в грудь,
 Сегодня уж он его точит!

Страшению моря царевич не внял,
 Не внял на великое горе,
 Спускает ладью он на пенистый вал —
 Ой море, ой синее море!

Плывет он на верную гибель свою,
 Беды над собою не чаёт,
 И скорбно его расписную ладью
 И нехотя море качает...»

Певец в ожидании песню прервал,
 Украдкой глядит на Канута;
 Беспечно тот едет себе вперевал,
 Рвет ветки с черемухи гнутой;

Значение песни ему невдомек,
 Он весел, как был и с почину,
 И, видя, как он от догадки далек,
 Певец продолжает былинку:

«В ладье не вернулся царевич домой,
 Наследную вотчину вскоре
 Сватья разделили его меж собой —
 Ой море, ой синее море!»

У берега холм погребальный стоит,
 Никем не почтён, не сторожен,
 В холме том убитый царевич лежит,
 В ладью расписную положен;

Лежит с погруженным он в сердце мечом,
 Не в бармах, не в царском уборе,
 И тризну свершает лишь море по нем —
 Ой море, ой синее море!»

Вновь очи певец на Канута поднял:
 Тот свежими клена листьями
 Гремучую сбрую коня разубрал,
 Утыкал очёлок цветами;

Глядит он на мошек толкущийся рой
 В лучах золотого захода
 И мыслит, воздушной их тешась игрой:
 «Нам ясная завтра погода!»

Былины значенье ему невдогад,
 Он едет с весельем во взоре
 И сам напевает товарищу в лад:
 «Ой море, ой синее море!»

Его не спасти! Ему смерть суждена!
 Влечет его темная сила!
 Дыханьем своим молодая весна,
 Знать, разум его опьянила!

Певец замолчал. Что свершится, о том
 Ясней намекнуть он не смеет,
 Поют соловьи, заливаясь, кругом,
 Шиповник пахучий алеет;

Не чует погибели близкой Канут,
 Он едет к беде неминучей:
 Кругом соловьи, заливаясь, поют,
 Шиповник алеет пахучий...

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ

И. С. Сергеевич

КРОКЕТ В ВИНДЗОРЕ

Сидит королева в Виндзорском бору...
 Придворные дамы играют
 В вошедшую в моду недавно игру;
 Ту крокет игру называют.

Катают шары—и в отмеченный круг
Их гонят так ловко и смело...
Глядит королева, смеется... и вдруг
Умолкла... лицо побледнело.

Ей чудится: вместо точеных шаров,
Гонимых лопаткой проворной,—
Катаются целые сотни голов,
Обрызганных кровию черной...
То головы женщин, девиц и детей...
На лицах— следы истязаний,
И зверских обид, и звериных когтей—
Весь ужас предсмертных страданий.

И вот королевина младшая дочь —
Прелестная дева — катает
Одну из голов — и всё далее, прочь,
И к царским ногам подгоняет.
Головка ребенка в пушистых кудрях —
И ротик лепечет укоры...
И вскрикнула тут королева — и страх
Безумный застлал ее взоры.

«Мой доктор! На помощь! Скорей!» — И ему
Она поверяет виденье...
Но он ей в ответ: «Не дивлюсь ничему;
Газет вас расстроило чтение.
Толкует нам «Times», как болгарский народ
Стал жертвой турецкого гнева...
Вот капли... примите... всё это пройдет!»
И — в замок идет королева.

Вернулась домой и в раздумье стоит...
Склонились тяжелые вежды...
О ужас! кровавой струею залит
Весь край королевской одежды!
«Велю это смыть! Я хочу позабыть!
На помощь, британские реки!»
— «Нет, ваше величество! Вам уж не смыть
Той крови невинной вовеки!»

ЯКОВ ПЕТРОВИЧ

ПОЛОЖСКИЙ

АГАРЬ

«Завистью гонима, я бегу стыда,
И никто не същует моего следа.

Кущи господина! сени госпожи!
Вертоград зеленый! столб родной межи!

Поле, где доила я веселых коз!
Ложе, где так много пролила я слез!

И очаг домашний, и святой алтарь —
Все прости навеки!» — говорит Агарь.

И ее в пустыню дух вражды влечет,
И пустыня словно все за ней идет.

Все вперед заходит, и со всех сторон
Ей грозит и душит, как тяжелый сон.

Серые каменья, лава и песок
Под лучами солнца жгут подошвы ног;

Пальм высоких листья сухо шелестят;
Тени без прохлады по лицу скользят;

И в лицо ей ветер дышит горячо;
И кувшин ей давит смуглое плечо.

Сердце замирает, ноги устают,
Слезы высыхают и опять текут...

Чу! вдали журчанье ключевой воды,
По краям оврага свежие следы.

Знать, недаром пастырь здесь прогнал стада:
Вот скамья и желоб, зелень и вода.

И, слагая ношу, села отдыхать
Бывшая рабыня — будущая мать.

И, страшась пустыни и боясь пути,
И не зная, где ей спутников найти,

Головой поникла с тайною мольбой.
Вдруг как будто с ветром, сладостно живой

Голос не воздушный, но и не земной,
Прозвучал в пустыне, говоря с душой.

И она очнулась... слушая, глядит.
Видит — ангел божий на песке стоит.

Белая одежда, белое крыло,
Кроткое сиянье — строгое чело.

«Ты куда?» — спросил он. «Я иду в Кадис».
И сказал ей ангел: «С миром воротись».—

«Я бегу от Сары, госпожи моей».
И сказал ей ангел: «Примирился с ней!..

И родишь ты сына, силу многих сил...
Наречешь имя ему Исмаил;

И рука господня будет вечно с ним...
Населятся страны семенем твоим...»

И с отрадой в сердце начала вставать
Бывшая рабыня — будущая мать.

КАЗИМИР ВЕЛИКИЙ

(Посв. памяти А. Ф. Гильфердинга)

1

В расписных санях, ковром покрытых,
Нараспашку, в бурке боевой,
Казимир, круль польский, мчится в Краков
С молодой, веселою женой.

К ночи он домой спешит с охоты;
Позвонки бренчат на хомутах;
Впереди, на всем скаку, не видно,
Кто трубит, вздымая снежный прах;

Позади в санях несется свита...
Ясный месяц выглянул едва...
Из саней торчат собачьи морды,
Свесилась оленья голова...

Казимир на пир спешит с охоты;
В новом замке ждут его давно
Воеводы, шляхта, краковянки,
Музыка, и танцы, и вино.

Но не в духе круль: насупил брови,
На морозе дышит горячо.
Королева с ласкою склонилась
На его могучее плечо.

«Что с тобою, государь мой?! друг мой?
У тебя такой сердитый вид...
Или ты охотой недоволен?
Или мною? — на меня сердит?..» —

«Хороши мы! — молвил он с досадой.—
Хороши мы! Голодает край,
Хлопы мрут,— а мы и не слышали,
Что у нас в краю неурожай!..

Погляди-ка, едет ли за нами
Тот гуслиар, что встретили мы там...
Пусть-ка он споеет магнатам нашим
То, что спяна пел он лесникам...»

Мчатся кони, резче раздается
Звук рогов и топот,— и встает
Над заснувшим Краковом зубчатой
Башни тень, с огнями у ворот.

2

В замке светят фонари и лампы;
Музыка и пир идет горой.
Казимир сидит в полукафтанье,
Подпирает бороду рукой.

Борода вперед выходит клином,
Волосы подстрижены в кружок.
Перед ним с вином стоит на блюде
В золотой оправе турий рог;

Позади — в чешуйчатых кольчугах
Стражников колеблющийся строй;
Над его бровями дума бродит,
Точно тень от тучи грозовой.

Утомилась пляской королева,
Дышит зноем молодая грудь,
Пьщут щеки, светится улыбка.
«Государь мой, веселее будь!..»

Гусляра вели позвать, покуда
Гости не успели задремать».
И к гостям идет она, и гости
«Гусляра, — кричат, — скорей позвать!»

3

Стихли трубы, бубны и цимбалы;
И, венгерским жажду утоля,
Чинно сели под столбами залы
Воеводы, гости короля.

А у ног хозяйки-королевы,
Не на табуретах и скамьях,
На ступеньках трона сели панны
С розовой усмешкой на устах.

Ждут, — и вот на праздник королёвский
Сквозь толпу идет, как на базар.
В серой свитке, в обуви ремянной,
Из народа вызванный гусляр.

От него надворной веет стужей.
Искры снега тают в волосах,
И как тень лежит румянец сизый
На его обветренных щеках.

Низко перед царственной четою
Преклонясь косматой головой,
На ремнях повиснувшие гусли
Поддержал он левою рукой.

Правую подобострастно к сердцу
Он прижал, отдав поклон гостям.
«Начинай!» — и дрогнувшие пальцы
Звонко пробежали по струнам.

Подмигнул король своей супруге,
Гости брови подняли: гусяр
Затянул про славные походы
На соседей, немцев и татар...

Не успел он кончить этой песни—
Крики «Vivat!» огласили зал;
Только круль махнул рукой, нахмурясь:
Дескать, песни эти я слышал!

«Пой другую!»—И, потупив очи,
Пославлять стал молодой певец
Молодость и чары королевы
И любовь—щедрот ее венец.

Не успел он кончить этой песни—
Крики «Vivat!» огласили зал;
Только круль сердито сдвинул брови:
Дескать, песни эти я слышал!

«Каждый шляхтич,—молвил он,—поет их
На ухо возлюбленной своей;
Спой мне песню ту, что пел ты в хате
Лесника,—та будет поновой...

Да не бойся!»
Но гусяр, как будто
К пытке присужденный, побледнел...
И, как пленник, дико озираясь,
Заунывным голосом запел:

«Ох, вы хлопы, ой, вы божьи люди!
Не враги трубят в победный рог,
По пустым полям шагает голод
И кого ни встретит—валит с ног.

Продает за пуд муки корову,
Продает последнего конька.
Ой, не плачь, родная, по ребенке!—
Грудь твоя давно без молока.

Ой, не плачь ты, хлопец, по дивчине!
По весне авось помрешь и ты...
Уж растут, должно быть к урожаю,
На кладбищах новые кресты.

Уж на хлеб, должно быть к урожаю,
Цены что ни день растут, растут.
Только паны потирают руки —
Выгодно свой хлебец продают».

Не успел он кончить этой песни:
«Правда ли?!» — вдруг вскрикнул Казимир
И привстал, и в гневе, весь багровый,
Озирает онемевший пир.

Поднялись, дрожат, бледнеют гости.
«Что же вы не славите певца?!
Божья правда шла с ним из народа
И дошла до нашего лица...

Завтра же, в подрыв корысти вашей,
Я мои амбары отопру...
Вы... лжецы! глядите, я, король ваш,
Кланяюсь, за правду, гусяру...»

И, певцу поклон отвесив, вышел
Казимир,— и пир его притих...
«Хлопский круль!» — в сенях бормочут паны...
«Хлопский круль!» — лепечут жены их.

Онемел гусяр, поник, не слышит
Ни угроз, ни ропота кругом...
Гнев Великого велик был, страшен —
И отраден, как в засуху гром!

АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ

ФЭМ

ЗМЕЙ

Чуть вечернею рососою
Осыпается трава,
Чешет косу, моет шею
Чернобровая вдова.

И не сводит у окошка
С неба темного очей,
И летит, свиваясь в кольца,
В ярких искрах длинный змей.

И шумит все ближе, ближе,
И над вдовьиным двором,
Над соломенной крышей
Рассыпается огнем.

И окно тотчас затворит
Чернобровая вдова;
Только слышатся в светлице
Поцелуи да слова.

ЛИХОРАДКА

«Няня, что-то все не сладко!
Дай-ка сахар мне да ром.
Все как будто лихорадка,
Точно холоден наш дом».

— «Ах, родимый, бог с тобою:
Подойти нельзя к печам!
При себе всегда закрою,
Топим жарко— знаешь сам».

— «Ты бы шторку опустила...
Дай-ка книгу... Не хочу...
Ты намедни говорила,
Лихорадка... я шучу...»

— «Что за шутки спозаранок!
Уж поверь моим словам:
Сестры, девять лихоманок,
Часто ходят по ночам.

Вишь, нелегкая их носит
Сонных в губы целовать!
Всякой болести напросит,
И пойдет тебя трепать».

— «Верю, няня!.. Нет ли шубы?
Хоть всего не помню сна,
Целовала крепко в губы—
Лихорадка ли она?»

ВИДЕНИЕ

Не ночью, не лживо
Во сне пролетело виденье:
Свершилось диво —
Земле подобает смиренье!

Прозрачные тучи
Над дикой Печерской горою
Сплывались в кучи
Под зыбью небес голубою,

И юноши в белом
Летали от края до края,
Прославленным телом
Очам умиленным сияя.

На тучах, высоко,
Все выше, в сиянии славы,
Заметно для ока
Вставали Печерские главы.

ТАЙНА

Почти ребенком я была,
Все любовались мной;
Мне шли и кудри по плечам,
И фартучек цветной.

Любила мать смотреть, как я
Молилась поутру,
Любила слушать, если я
Певала ввечеру.

Чужой однажды посетил
Наш тихий уголок;
Он был так нежен и умен,
Так строен и высок.

Он часто в очи мне глядел
И тихо руку жал
И тайно глаз мой голубой
И кудри целовал.

И, помню, стало мне вокруг
При нем все так светло,
И стало мутно в голове
И на сердце тепло.

Летели дни... промчался год...
Настал последний час —
Ему шепнула что-то мать,
И он оставил нас.

И долго-долго мне пришлось
И плакать, и грустить,
Но я боялася о нем
Кого-нибудь спросить.

Однажды вижу: милый гость,
Припав к устам моим,
Мне говорит: «Не бойся, друг,
Я для других незрим».

И с этих пор — он снова мой,
В объятиях моих,
И страстно, крепко он меня
Целует при других

Все говорят, что яркий цвет
Ланит моих — больной.
Им не узнать, как жарко их
Целует милый мой!

ВОРОТ

«Спать пора! Свеча сгорела,
Да и ты, моя краса,—
Голова отяжелела,
Кудри лезут на глаза.

Стань вот тут перед иконы,
Я постельку стану стлать.
Не спеши же класть поклоны,
«Богородицу» читать!

Видишь, глазки-то бедняжки
Так и просятя уснуть.
Только ворот у рубашки
Надо прежде расстегнуть».

— «Отчего же, няня, надо?»
— «Надо, друг мой, чтоб тобой,
Не сводя святого взгляда,
Любовался ангел твой.

Твой хранитель, ангел божий,
Прилетает по ночам,
Как и ты, дитя, пригожий,
Только крылья по плечам.

Коль твою он видит душку,
Ворот вскрыт — и тих твой сон;
Тихо справа на подушку,
Улыбаясь, сядет он;

А закрыта душка, спрячет
Душку ворот — мутны сны:
Ангел взглянет и заплачет,
Сядет с левой стороны.

Над тобой господня сила!
Дай, я ворот распущу,
Уж подушку я крестила —
И тебя перекрещу».

ЛЕГЕНДА

Вдоль по берегу полями
Едет сын княжой;
Сорок отроков верхами
Следуют толпой.
Странен лик его суровый,
Все кругом молчит.
И подкова лишь с подковой
Часто говорит.

«Разгуляйся в поле», — сыну
Говорит старик.
Знать, сыновнюю кручину
Старый взор проник.
С золотыми стремянами
Княжий аргамак;
Шемаханскими шелками
Вышит весь чепрак.

Но, печален в поле чистом,
Князь себе не рад
И не кличет громким свистом
Кречетов назад.
Он давно душою жаркой
В перегаре сил
Всю неволю жизни яркой
Втайне отлюбил.

Поллюбить успев вериги
Молодой тоски,
Переписывает книги,
Пишет кондаки.
И не раз, в минуты битвы
С жизнью молодой,
В увлечении молитвы
Находил покой.

Едет он в раздумье шагом
На лихом коне;
Вдруг пещеру за оврагом
Видит в стороне:
Там душевной жажде пищу
Старец находил,
И к пустынному жилищу
Князь поворотил.

Годы страсти, годы спора
Пронеслися вдруг,
И пустынного простора
Он почувял дух.
Слез с коня, оборотился
К отрокам спиной,
Снял кафтан, перекрестился —
И махнул рукой.

АПОЛЛОН НИКОЛАЕВИЧ

МАЙКОВ

МЕНЕСТРЕЛЬ

(Провансальский романс)

Жил-был менестрель в Провансальской земле,
В почете он жил при самом короле...
«Молчите, проклятые струны!»

Король был неровня другим королям,
Свой род возводил он к бессмертным богам...
«Молчите, проклятые струны!»

И дочь он, красавицу Бертю, имел...
Смотрел лишь на Бертю певец, когда пел...
«Молчите, проклятые струны!»

Когда же он пел, то дрожала она—
То вспыхнет огнем, то как мрамор бледна...
«Молчите, проклятые струны!»

И сам император посватался к ней...
Глядит менестрель всё угрюмей и злей...
«Молчите, проклятые струны!»

Дан знак менестрелю: когда будет бал,
Чтоб в темной аллее у грота он ждал...
«Молчите, проклятые струны!»

Что было, чью руку лобзал он в слезах,
И чей поцелуй у него на устах...
«Молчите, проклятые струны!»

Что кесаря значит внезапный отъезд,
Чей в склепе фамильном стоит новый крест—
«Молчите, проклятые струны!»

Из казней какую король изобрел,
О чем с палачом долго речи он вел—
«Молчите, проклятые струны!»

Погиб менестрель, бедный вешний цветок!
Король даже лютню разбил сам и сжег...
«Молчите, проклятые струны!»

И лютню он сжег—но не греза, не сон,
Везде его лютни преследует звон...
«Молчите, проклятые струны!»

Он слышит: незримые струны звучат,
И страшные, ясно, слова говорят...
«Молчите, проклятые струны!»

Не ест он, не пьет он и ночи не спит,
Молчит,—лишь порой, как безумный, кричит:
«Молчите, проклятые струны!»

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
НЕЖРАСОВ

СЕКРЕТ

(Опыт современной баллады)

1

В счастливой Москве, на Неглинной,
Со львами, с решеткой кругом,
Стоит одиноко старинный,
Гербами украшенный дом.

Он с роскошью барской построен,
Как будто векам напоказ;
А ныне в нем несколько боен
И с юфтью просторный лабаз.

Картофель да кочки капусты
Растут перед ним на грядках;
В нем лучшие комнаты пусты,
И мебель, и бронза — в чехлах.

Не ведает мудрый владелец
Тщеславья и роскоши нег;
Он в собственном доме пришелец,
Занявший в конуре ночлег.

В его деревянной пристройке
Свеча одиноко горит;
Скупец умирает на койке
И детям своим говорит:

2

«Огни зажигались вечерние,
Был ветер и дождик мочил,
Когда из Полтавской губернии
Я в город столичный входил.

В руках была палка предлинная,
Котомка пустая на ней,
На плечах шубенка овчинная,
В кармане пятнадцать грошей.

Ни денег, ни званья, ни племени,
Мал ростом и с виду смешон,
Да сорок лет минуло времени —
В кармане моем миллион!

И сам я теперь благоденствую
И счастье вокруг себя лью:
Я нравы людей совершенствую,
Полезный пример подаю.

Я сделался важной персоною,
Пожертвовав тысячу в год:
Имею и Анну с короною,
И звание «друга сирот».

Но дни наступили унылые,
Смерть близко — спасения нет!
И время вам, детушки милые,
Узнать мой великий секрет.

Квартиру я нанял у дворника,
Дрова к постояльцам таскал;
Подбился я к дочери шорника
И с нею отца обокрал;

Потом и ее, бестолковую,
За нужное счел обокрасть
И в практику бросил новую, —
Запрегся в питейную часть.
Потом...»

3

Вдруг лицо потемнело,
Раздался мучительный крик —
Лежит, словно мертвое тело,
И больше ни слова старик!

Но, видно, секрет был угадан,
Сынки угодили в отца:
Старик еще дышит на ладан
И ждет боязливо конца,

А дети гуляют с ключами.
Вот старший в шкатулку проник!
Старик осадил бы словами —
Нет слов: непокорен язык!

В меньшом родилось подозренье,
И ссора кипит о ключах—
Не слух бы тут нужен, не зренье,
А сила в руках и ногах:

Воспрянул бы, словно из гроба,
И словом и делом могуч—
Смирились бы дерзкие оба
И отдали б старому ключ.

Но брат поднимает на брата
Преступную руку свою...
И вот тебе, корщун, награда
За жизнь воровскую твою!

ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ

МЭИ

ЭНДОРСКАЯ ПРОРИЦАТЕЛЬНИЦА

Саул разгневан и суров:
Повсюду видит тайный ков;
Везде врагов подозревая,
Он, в лютой ярости, из края
Изгнал пророков и волхвов.

Его висонная хламида
И золотой венец—обида
И бремя тяжкое, с тех пор,
Как восхвалил евреек хор
Певца и пастыря Давида.

Меж тем напасть со всех сторон:
Народ взволнован и смятен;
Перед Суномом, в крепком стане,
Опять стоят филистимляне:
Гроза собралась на Сион.

Душа Саула тьмой одета...
Нет Самуила — нет совета...
Склонив молитвенно главу,
Царь спросил Иегову:
Но не дал бог ему ответа.

Призвал вельмож: «Хочу сполна
Изведать — что сулит война?
Същите мне волхвов...» И вскоре
Ему приносят весть: «В Эндоре
Есть духовидица-жена».

Пошел он к ней; в ночную пору,
Как тать, приблизился к Эндору,
И двое слуг любимых с ним...
Старуха призраком седым
Предстала царственному взору.

«Я знаю, — царь промолвил ей: —
Тебе, на вызов твой, теней
Являет темная могила:
Внемли же мне и Самуила
Из гроба вызови скорей».

Ему старуха: «Я не смею:
Могильной чарою владею,
Но гнева царского страшусь...»
И отвечал ей царь: «Клянусь
Душой и жизнью моею, —

Саул простит тебя, жена!»
...И — тайным ужасом полна
И прорицанья вещим жаром —
Старуха приступила к чарам...
Но вдруг замедлилась она,

Умолкла, вся затрепетала...
«Ты — сам Саул! — она сказала: —
Зачем меня ты обманул?..»
И молвил ей в ответ Саул:
«Скажи, пророчица, сначала,

Что видишь?» — «Вижу я вдали
Богов, исшедших из земли». —
«Кого ты увидела прежде?» —
«Кого-то в шелковой одежде,
В покрове белом...» — «Но внемли

И отвечай,—Саул ей снова:—

Лицо ты видишь сквозь покрыва?»

Старуха: «Вижу: он седой,

В кидаре, с длинной бородой...»

И царь Саул не молвил слова

И в прах главу свою склонил...

Тогда Саулу Самуил

Вещал: «Зачем ты потревожил

Мой дух и дерзостно умножил

Грехи пред господом всех сил?»

Саул: «Вот... ополчившись к бою,

Спросил я господа с мольбою:

Предаст ли в руки мне врагов?

Но не ответил Саваоф...»

«Зане прогневан Он тобою!

Зане на смерть обречены—

И ты и все твои сыны!»

Пророк усопший возглашает:

«Тобой Израиль погибает

И ввержен в ужасы войны.

Не ты ль добра личиной лживой

Прикрыл свой дух властолюбивый

И угнетенья семена

В Израиль высеял сполна?

Любуйся ж, пахарь, спелой нивой

И жни на ней позор и страх...

То царство распадется в прах,

В пучине зол и бед потонет,

Где царь пророков вещих гонит

И тщится мысль сковать в цепях!»

И поднял он покров над ликом...

Саул восстал с безумным криком...

А утром бой был... а потом

Саул пронзил себя мечом,—

В урок неистовым владыкам.

ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ

МИЖДЕВ

* * *

На борзом коне воевода скакал
Домой с своим верным слугою;
Он три года ровно детей не видал,
Расстался с женой дорогою.

И в синюю даль он упорно глядит,
Глядит и вздыхает глубоко...
«Далёко ль еще?!» — он слуге говорит.
Слуга отвечает: «Далёко!»

Уж стар воевода; скакать на коне,
Как прежде, он долго не может,
Но хочет узнать поскорей о жене,
Его нетерпение гложет.

Слуге говорит он: «Скачи ты вперед,
Узнай ты, всё ль дома здорово,
С коня не слезая, у самых ворот,
И мчись ко мне с весточкой снова».

И скачет без усталы верный слуга...
Скорее ему доскакать бы...
Вот видит знакомой реки берега
И сад воеводской усадьбы.

Узнал обо всем он у барских ворот,
И вот как опущенный в воду
Печальные вести назад он везет.
И жалко ему воеводу.

«Ну что?» Воевода скрывает свой вздох
И ждет. «Всё в усадьбе исправно,—
Слуга отвечает,— лишь только издох
Любимый ваш сокол недавно».

— «Ах, бедный мой сокол! Он дорог был мне...
Какой же с ним грех приключился?»
— «Сидел он на вашем издохшем коне,
Съел падаль и с жизнью простился».

- «Как, конь мой буланый? Неужели пал,
Но как же погиб он, мой боже?»
- «Когда под Николу ваш дом запылал.
Сгорел вместе с домом он тоже».
- «Что слышу? Скажи мне, мой терем спален,
Мой терем, где рос я, женился?
Но как то случилось?» — «Да в день похорон
В усадьбе пожар приключился...»
- «О, если тебе жизнь моя дорога,
Скажи мне как брату, как другу:
Кого ж хоронили?» И молвил слуга:
«Покойную вашу супругу».

НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

(Баллада)

В виду океана ревел, как Борей,
Джон Буль, находясь в ажитации:
«Явись, о Фетида, богиня морей,
Защитница английской нации,
Явись и скажи мне, кто может со мной
Соперничать в силе и славе земной?..

На двух полушариях английский флаг
Всевластно теперь развевается;
Пред золотом нашим как друг, так и враг
Почтительно ныне склоняется;
Где меч не проложит дорогу себе,
Там деньги осияют в неравной борьбе.

Весь мир — мой!» Тогда из пучины морской,
Где стихло волнение шумное,
Ему отвечала Фетида с тоской:
«Какая кичливость безумная!
О смертный, скажу, справедливость любя,
Заносчивость эта погубит тебя.

Как ты, был заносчив мой сын Ахиллес
И боя искал рукопашного;
Однако, к несчастью, по воле небес,
Пята Ахиллеса бесстрашного
Была уязвима, и пал он в бою,
Наполнивши скорбью всю душу мою.

Британский твой лев также грозен на взгляд,
Кичливость за ним та же водится,
Но всё же своих «ахиллесовых пят»
Ему забывать не приходится.
Египет — Ирландия — Индия: ты
Сперва залечи-ка три эти пяты».

КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ

СЛАМЕВСКИЙ

МЕМФИССКИЙ ЖРЕЦ

Когда я был жрецом Мемфиса
Тридцатый год,
Меня пророком Озириса
Признал народ.

Мне дали жезл и колесницу,
Воздвигли храм;
Мне дали стражу, дали жрицу —
Причли к богам.

Во мне народ искал защиты
От зол и бед;
Но страсть зажгла мои ланиты
На старость лет.

Клянусь! Клянусь бессмертным Фтою —
Широкий Нил,
Такой красы своей волною
Ты не поил!..

Когда, молясь, она стояла
У алтаря
И красным светом обливала
Ее заря;

Когда, склонив свои ресницы
И вся в огне,
Она по долгу первой жрицы
Кадила мне...

Я долго думал: царь во власти,
Я господин
Своей тоски и мощной страсти,
Моих седин;

Но я признал, блестя в короне,
С жезлом в руке,
Свой приговор в ее поклоне,
В моей тоске.

Раз, службу в храме совершая,
Устав молчать,
Я, перстень свой сронив вставая,
Велел поднять.

● Я ей сказал: «К началу ночи
Взойдет звезда,
Все лягут спать; завесив очи—
Придешь сюда».

Заря, кончаясь, трепетала,
И умерла,
А ночь с востока набегала—
Пышна, светла.

И, купы звезд в себе качая,
Зажегся Нил;
В своих садах, благоухая,
Мемфис почил.

Я в храм пришел. Я ждал свиданья,
И долго ждал;
Горела кровь огнем желанья,
Я изнывал.

Зажглась румяная денница,
И ночь прошла;
Проснулась шумная столица,—
Ты не была...

Тогда назавтра, в жертву мщенью,
Я, как пророк,
Тяжелой пытке и сожженью
Ее обрек...

У. Х. РОБИНСОН

И я смотрел, как исполнялся
Мой приговор
И как, обуглясь, рассыпался
Ее костер!

НОВГОРОДСКОЕ ПРЕДАНИЕ

Да, были казни над народом...
Уж шесть недель горят концы!
Назад в Москву свою походом
Собрались Царские стрельцы.

Смешить народ оцепенелый
Иван епископа послал,
Чтоб, на кобылке сидя белой,
Он в бубны бил и забавлял.

И новгородцы, не переча,
Глядели бледною толпой,
Как медный колокол с их веча
По воле царской снят долой!

Сияет копий лес колючий,
Повозку царскую везут;
За нею колокол певучий
На жердях гнущихся несут.

Холмы и топи! Глушь лесная!
И ту размыло... Как тут быть?
И царь, добравшись до Валдая,
Приказ дал: колокол разбить.

Разбили колокол, разбили!..
Стребли валдайцы медный сор
И колокольчики отлили,
И отливают до сих пор...

И, быть старинную вещая,
В тиши степей, в глуши лесной,
Тот колокольчик, изнывая,
Гудит и бьется под дугой!..

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

АЛДУХТИН

ЛЕДЯНАЯ ДЕВА

(Из норвежских сказок)

Зимняя ночь холодна и темна.
Словно застыла в морозе луна.
Буря то плачет, то злобно шипит,
Снежные тучи над кровлей крутит.
В хижине тесной над сыном больным
Мать наклонилась и шепчется с ним.

СЫН

Матушка, тяжким забылся я сном...
Кто это плачет и стонет кругом?
Матушка, слышишь, как буря шумит?
Адское пламя мне очи слепит.

Мать

Полно, мой сын, то не ада лучи,
Сучья березы пылают в печи.
Что нам за дело, что буря грозна?
В хижину к нам не ворвется она.

СЫН

Матушка, слушай, недолго мне жить,
Душу хочу пред тобою открыть:
Помнишь, ты слышала прошлой зимой,
Как заблудился я в чаще лесной?
Долго я шел, утихала метель,
Вижу — поляна, знакомая ель,
Юная дева под елью стоит,
Манит рукою и словно дрожит.
«Юноша, — шепчет она, — подойди,
Душу согрей у меня на груди...»
Я обомлел пред ее красотой,
Я красоты и не видел такой:

Стройная, светлая, ласковый взгляд,
Очи куда-то глубоко глядят,
Белые ризы пушистой волной
Падают, ярко блестя под луной...
Дрогнуло сердце, почуя любовь,
Страстью неведомой вспыхнула кровь;
Всё позабыл я в тот миг роковой,
Даже не вспомнил молитвы святой.—
Целую зиму, лишь ночь посветлей,
Я приходил на свидание к ней
И до утра, пока месяц сиял,
Бледные руки ее целовал.
Раз в упоении, полный огня,
Я говорю ей: «Ты любишь меня?»
— «Нет, говорит, я правдива, не лгу,
Я полюбить не хочу, не могу;
Тщетной надеждой себя не губи,
Но, если хочешь, меня полюби».
Жесткое слово кольнуло ножом;
Скоро, безумец, забыл я о нем.
В бурю не раз, весела и грозна,
Странные песни певала она:
Всё о какой-то полярной стране,
Где не мечтают о завтрашнем дне,
Нет ни забот, ни огня, ни воды,—
Вечное счастье и вечные льды.
Чем становилось время теплей,
Тем эта песня звучала грустней;
В день, как растаял на кровле снежок,
Я уж найти моей милой не мог.
Много тебе со мной плакать пришлось!
Лето безжизненным сном пронеслось.
С радостью, вам непонятной, смешной,
Слушал я ветра осеннего вой;
Жадно следил я, как стыла земля,
Рощи желтели, пустели поля,
Как исстрадавшийся лист отпадал,
Как его медленно дождь добивал,
Как наш ручей затянулся во льду...
Раз на поляну я тихо иду,
Смутно надежду в душе затая...
Вижу: стоит дорогая моя,
Стройная, светлая, ласковый взгляд,
Очи глубоко, глубоко глядят...
С трепетом я на колени упал,
Всё рассказал: как томился и ждал,
Как моя жизнь только ею полна...
Но равнодушно смотрела она.

«Что мне в твоих безрассудных мечтах,
В том, что ты бледен, и желт, и зачах?
Жалкий безумец! Со смертью в крови
Всё еще ждешь ты какой-то любви!»
— «Ну,— говорю я с рыданием ей,—
Ну не люби, да хотя пожалей!»
— «Нет, говорит, я правдива, не лгу,
Я ни любить, ни жалеть не могу!»
Преобразились черты ее вмиг:
Холодом смерти повеяло с них.
Бросив мне полный презрения взор,
Скрылась со смехом она... С этих пор
Я и не помню, что было со мной!
Помню лишь взор беспощадный, немой,
Жегший меня наяву и во сне,
Мучивший душу в ночной тишине...
Вот и теперь, посмотри, оглянись...
Это она! ее очи впились,
В душу вливают смятенье и страх,
Злая усмешка скользит на губах...

Мать

Сын мой, то призрак: не бойся его.
Здесь, в этой хижине, нет никого.
Сядь, как бывало, и слез не таи,
Я уврачую все раны твои.

Сын

Матушка, прежний мой пламень потух:
Сам я стал холоден, сам я стал сух;
Лучше уйди, не ласкай меня, мать!
Ласки тебе я не в силах отдать.

Мать

Сын мой, я жесткое слово прощу,
Злобным упреком тебя не смущу,
Что мне в объятьях и ласках твоих?
Матери сердце тепло и без них.

Сын

Матушка, смерть уж в окошко стучит...
Душу одно лишь желанье томит
В этот последний и горестный час:
Встретить ее хоть один еще раз,
Чтобы под звук наших песен былых
Таять в объятьях ее ледяных!

Смолкла беседа. Со стоном глухим
Сын повалился. Лежит недвижим,
Тихо дыханье, как будто заснул...
Длинную песню сверчок затянул...
Молится старая, шепчет, не спит...
Буря то плачет, то злобно шипит,
Воет, в замерзшее рвется стекло...
Словно ей жаль, что в избушке тепло,
Словно досадно ей, ведьме лихой,
Что не кончается долго больной,
Что над постелью, где бедный лежит,
Матери сердце надеждой дрожит!

ФЕДОР

СОЛОТЪ

СОБАКА СЕДОГО КОРОЛЯ

Когда я был собакой
Седого короля,
Ко мне ласкался всякий,
Мой верный нрав хваля.

Но важные вельможи
Противно пахли так,
Как будто клочья кожи,
Негодной для собак.

И дамы пахли кисло,
Терзая чуткий нос,
Как будто бы повисла
С их плеч гирлянда роз.

Я часто скалил зубы,
Ворча на этих шлох:
И мы, собаки, грубы,
Когда страдает нюх.

Кому служил я верно,
То был король один.
Он пахнул тоже скверно,
Но он был властелин.

Я с ним и ночью влажной,
И в пыльном шуме дня.
Он часто с лаской важной
Похваливал меня.

Один лишь паж румяный,
Веселый мальчуган,
Твердил, что я поганый
Ворчун и грубиян.

Но, мальчику прощая,
Я был с ним очень прост,
И часто он, играя,
Хватал меня за хвост.

На всех рыча мятежно,
Пред ним смирял я злость:
Он пахнул очень нежно,
Как с мозгом жирным кость.

Людьми нередко руган,
Он всё ж со мной шалил,
И раз весьма испуган
Мальчишкою я был.

Опасную игрушку
Придумал навязать
Он мне на хвост: гремушку,
Способную пылать.

Дремал я у престола,
Где восседал король,
И вдруг воспрянул с пола,
В хвосте почувяв боль.

Хвостом косматым пламя
Восставил я, дрожа,
Как огненное знамя
Большого мятежа.

Я громко выл и лаял,
Носясь быстрее коня.
Совсем меня измаял
Злой треск и блеск огня.

Придворные нашлись,—
Гремушка вмиг снята,
И дамы занялись
Лечением хвоста.

Король смеялся очень
На эту дурь и блажь,
А все-таки пощечин
Дождался милый паж.

Прибили так, без гнева,
И плакал он шутя,—
Притом же королева
Была совсем дитя.

Давно всё это было,
И минуло давно.
Что пахло, что дразнило,
Давно погребено.

Удел безмерно грустный
Собакам бедным дан,—
И запах самый вкусный
Исчезнет, как обман.

Ну вот, живу я паки,
Но тошен белый свет:
Во мне душа собаки,
Чутья же вовсе нет.

КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ

БАЛЬМОРИ

ЗАМОК ДЖЭН ВАЛЬМОР

Баллада

1

В старинном замке Джэн Вальмор,
Красавицы надменной,
Толплятся гости с давних пор,
В тоске беспеременной:
Во взор ее лишь бросишь взор,
И ты навеки пленный.

2

Красивы замки старых лет,
 Зубцы их серых башен
 Как будто льют чуть зримый свет,
 И странен он и страшен,
 Немым огнем былых побед
 Их гордый лик украшен.

3

Мосты подъемные и рвы,—
 Замкнутые владенья,
 Здесь ночью слышен крик совы,
 Здесь бродят привиденья.
 И странен вздох седой травы
 В час лунного затмения.

4

В старинном замке Джэн Вальмор
 Чуть ночь звучат баллады.
 Поет струна, встает укор,
 А где-то — водопады,
 И долог гул окрестных гор,
 Ответствуют громады.

5

Сегодня день рожденья Джэн.
 Часы тяжелым боем
 Сзывают всех, кто взят ей в плен,
 И вот проходят роем
 Красавцы, Гроль, и Ральф, и Свен,
 По сумрачным покоем.

6

И нежных дев соседних гор
 Здесь ярко блещут взгляды,
 Эрглэн, Линор, и ясен взор
 Пышиноволосой Ады,—
 Но всех прекрасней Джэн Вальмор,
 В честь Джэн звучат баллады.

Певучий танец заструил
 Медлительные чары.
 Пусть будет с милой, кто ей мил,
 И вот кружатся пары.
 Но бог любви движеньем крыл
 Сердцам готовит кары.

Да, взор один на путь измен
 Всех манит неустанно.
 Все в жизни — дым, все в жизни — тлен,
 А в смерти все туманно.
 Но ради Джэн, о ради Джэн,
 И смерть сама желанна.

Бьет полночь. «Полночь!» — Звучный хор
 Пропел балладу ночи:
 «Беспечных дней цветной узор
 Был длинен, стал короче».
 И вот у гордой Джэн Вальмор
 Блеснули странно очи.

В полночный сад зовет она
 Безумных и влюбленных,
 Там нежно царствует луна
 Меж елей полусонных,
 Там дышит нежно тишина
 Среди цветов склоненных.

Они идут, и сад молчит,
 Прохлада над травой,
 И только здесь и там кричит
 Сова над головою,
 Да в замке музыка звучит
 Прощальной мольбою.

Идут. Но вдруг один пропал,
 Как бледное виденье.
 Другой холодным камнем стал,
 А третий — как растенье.
 И обнял всех незримый вал
 Волненьем измененья.

Под желтой дымною луной,
 В саду с травой седою,
 Безумцы, пестрой пеленой
 И разной чередою,
 Оделись формою иной
 Пред девой молодою.

Исчезли Гроль, и Ральф, и Свен
 Среди растений сада.
 К цветам навек попали в плен
 Эрглэн, Линор и Ада.
 В глазах зеленоглазой Джэн —
 Змеиная отрада.

Она одна, окружена
 Тенями ей убитых.
 Дыханий много пьет она
 Из этих трав излитых.
 В ней — осень, ей нужна весна
 Восторгов ядовитых.

И потому, сплетясь в узор,
 В тоске беспеременной,
 Томятся души с давних пор
 Толпой, навеки пленной,
 В старинном замке Джэн Вальмор,
 Красавицы надменной.

КОЛДУНЯ

She who must be obeyed.

R. Hoggard¹

— Колдунья, мне странно так видеть тебя.
Мне люди твердили, что ты
Живешь — беспощадно живое губя,
Что старые страшны черты:
Ты смотришь так нежно, ты манишь, любя,
И вся ты полна красоты.

«Кто так говорил, может, был он и прав,
Жила я не годы,— всегда.
И много безумцев, свой ум потеряв,
Узнали все пытки,— о да!
Но я как цветок расцветаю меж трав,
И я навсегда — молода».

— Колдунья, Колдунья, твой взор так глубок,
Я вижу столетья в зрачках.
Но ты мне желанна, твой зыбкий намек
В душе пробуждает не страх.
Дай счастье с тобой хоть на мальй мне срок,
А там — пусть терзаюсь в веках.

«Вот это откроет блаженство для нас.
Такие слова я люблю.
И если ты будешь бессмертным в наш час,
Я счастье наше продлю.
Но если увижу, что взор твой погас,
Я тотчас тебя утоплю».

Я слился с Колдуньей, всегда-молодой,
С ней счастлив был счастьем богов.
Часы ли, века ли прошли чередой?
Не знаю, я в бездне был снов.
Но как рассказать мне о сладости той?
Не в силах. Нет власти. Нет слов.

— Колдунья, Колдунья, ты ярко-светла,
Но видишь, я светел, как ты.
Мне ведомы таинства Блага и Зла,
Не знаю лишь тайн Красоты.
Скажи мне, как ткани свои ты сплела
И как ты зажгла в них цветы?

---

¹ Та, кому нужно подчиняться.

Р. Хоггард (англ.)

Колдунья взглянула так страшно-светло,
«Гляди в этот полный стакан».
И что-то как будто пред нами прошло.
Прозрачный и быстрый туман.
Вино золотое картины зажгло,
Правдивый возник в нем обман.

Как в зеркале мертвом, в стакане вина
Возник упоительный зал.
Колдунья была в нем так четко видна,
На ткани весь мир оживал.
Сидела она за станком у окна,
Узор за узором вставал.

Не знаю, что было мне страшного в том,
Но только я вдруг побледнел.
И страшно хотелось войти мне в тот дом,
Где зал этот пышный блестел,
И быть, как Колдунья, за странным станком,
И тот же изведать удел.

Узор за узором живой Красоты
Менялся все снова и вновь.
Слагались, горели, качались цветы,
Был страх в них, была в них любовь.
И между мгновеньями в ткань с высоты
Пурпурная падала кровь.

И вдруг я увидел в том светлом вине,
Что в зале ковры по стенам.
Они изменялись, почудилось мне,
Подобно причудливым снам.
И жизнь всем владела на левой стене,
Мир справа был дан мертвецам.

Но что это, что там за сон бытия?
Войною захваченный стан.
Я думал, и мысль задрожала моя,
Рой смертных был гибели дан.
Там были и звери, и люди, и я! —
И я опрокинул стакан.

Что сделал потом я? Что думал тогда?
Что было, что стало со мной?
Об этом не знать никому никогда
Во всей этой жизни земной.
Колдунья, как прежде, всегда-молода,
И разум мой — вечно с весной.

Колдунья, Колдунья, раскрыл твой обман
Мне страшную тайну твою.
И, красные ткани средь призрачных стран
Сплетая, узоры я вью.
И весело полный шипящий стакан
За жизнь, за Колдунью я пью!

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ

БДЖИЖ

АЛЕКСАНДР В ЕГИПТЕ

К оракулу и капищу Сиваха
Шел Александр. Дыханием костра
Дул ветер из пустыни. Тучи праха
Темнили свет и рвали ткань шатра.

Из-под шатра с верблюда, в тучах пыли,
Он различал своих проводников:
Два ворона на синих крыльях плыли,
Борясь с косыми вихрями песков.

И вдруг упали вихри. И верблюды
Остановились: медленно идет
Песками змей, весь черный. Изумруды
Горят на нем. Глаза — как мутный лед.

Идет — и вот их двое: он, Великий,
И змей, дрожащий в солнечном огне,
Рогатый, мутноглазый, черноликий,
Весь в самоцветах пышных, как в броне.

«Склони чело и дай дорогу змею!» —
Вещает змей. И замер царь... О да!
Кто назовет вселенную своею?
Кто властелином будет? И когда?

Он символ и зловецкий страж Востока,
Он тоже царь: кто ж примет власть богов?
Не вы, враги. Грядущий бог далеко,
Но он придет, друг темных рыбаков!

БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

Едет стрелок в зеленые луга,
В тех ли лугах осока да куга,
В тех ли лугах все чемёр да цветы,
Вешней водою низы налиты.
— Белый Олень, Золотые Рога!
Ты не топчи заливные луга.

Прянул Олень, увидавши стрелка,
Конь богатырский шатнулся слегка,
Плеткой стрелок по Оленю стебнул,
Крепкой рукой самострел натянул,
Да опустилась на гриву рука:
Белый Олень, погубил ты стрелка!

— Ты не стебай, не стреляй, молодец,
Примешь ты скоро заветный венец,
В некое время схожусь я тебе,
С луга к веселой приду я избе:
Тут и забавам стрелецким конец —
Будешь ты дома сидеть, молодец.

Стану, Олень, на дворе я с утра,
Златом рогов освечу полдвора,
Сладким вином поезжан напою,
Всех особливей невесту твою:
Чтоб не мочила слезами лица,
Чтоб не боялась кольца и венца.

АЛИСАФИЯ

На песок у моря синего
Золотая верба клонится.
Алисафия за братьями
По песку морскому гонится.

— Что ж вы, братья, меня кинули?
Где же это в свете видано?

— Покорись, сестра: ты батюшкой
За морского Змея выдана.

— Воротитесь, братья милые!
Хоть еще раз попрощаемся!

— Не гонись, сестра: мы к мачехе
Поспешаем, ворочаемся.

Золотая верба по ветру
Во все стороны клонилася.
На сырой песок у берега
Алисафия садилася.

Вот и солнце опускается
В огневую зыбь помория,
Вот и видит Алисафия:
Белый конь несет Егория.

Он с коня слезает весело,
Отдает ей повод с плеткою:
— Дай уснуть мне, Алисафия,
Под твоей защитой кроткою.

Лег и спит, и дрогнет с холоду
Алисафия покорная.
Тяжелеет солнце рдяное,
Стала зыбь к закату черная.

Закипела она пеною,
Зашумела, закурчавилась:
— Встань, проснись, Егорий-батюшка!
Шуму на море прибавилось.

Поднялась волна и на берег
Шибко мчит глаза змеиные:
— Ой, проснись,— не медли, суженьй,
Ни минуты ни единые!

Он не слышит, спит, покоится,
И заплакала, закрылася
Алисафия — и тяжкая
По щеке слеза скатилася.

И упала на Егория,
На лицо его, как олово.
И вскочил Егорий на ноги
И срубил он Змею голову.

Золотая верба, звездами
Отягченная, склоняется,
С нареченным Алисафия
В божью церковь собирается.

Р. АННИНГБЕЛЛ

ВАЛЕРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

БРЮСОВ

ПРЕДАНИЕ О ЛУНЕ

Баллада

В старинном замке Джэн Вальмор
Чуть ночь — звучат баллады.

К. Бальмонт

В былые дни луна была
Скиталицей-кометой.
С беспечной вольностью плыла
От света и до света.
Страна цветов, она цвела,
Вся листьями одета.

Там жили семьи, племена
Таинственных растений,
Им богом мысль была дана
И произвол движений;
И шла меж царствами война,
Бессменный ряд сражений.

Трава глушила злобный лес,
Деревья мяли траву,
Душитель-плющ на пальму лез,
Шли ветви на облаву...
И ночью пред лицом небес
Шумели все про славу.

И в день заветный, в мире том
(Конечно, словом божьим)
Возрос цветок — смешной стеблем,
На братьев непохожим.
И, чуждый браням, жил он сном,
Всегда мечтой тревожим.

Он грезил о ином цветке,
Во всем себе подобном,
Что дремлет, дышит — вдалеке,
На берегу несходном,
И видит свой двойник в реке,
С предчувствием бесплодным.

И в эти дни вошла луна
В тот мир, где солнце властно,
И песнь планет была слышна
Хвалой единогласной,
Но с ней, как чуждая струна,
Сливался зов неясный.

Да! кто-то звал! да, кто-то смел
Нарушить хор предвечный!
Пел о тщете великих дел,
О жажде бесконечной;
Роптал, что всем мечтам предел
Так близко — пояс млечный!

Да! кто-то звал! да, кто-то пел
С томленьем постоянства!
И на цветке в ответ горел
Узор его убранства.
И вдруг, нарушив тяжесть тел,
Он ринулся в пространство.

Тянулся он, и рос, и рос,
Качаясь в темных безднах...
Доньне отблеск вольных грез
Дрожит в пучинах звездных,
А братья жили шумом гроз —
Забывших, бесполезных.

И вдруг ему в ответ, — вдали
Другой качнулся стебель.
Кто звал его, — цветок с земли, —
Повис, — в пучине ль, в небе ль?
И две мечты свой путь нашли:
Сплелся со стеблем стебель!

Восторгом пламенным дана
Победа — связи тленной.
Стеблем цветка укреплена,
Луна осталась пленной.
И с этих пор до нас — она
Наш спутник неизменный.

Цветы истлели в должный миг,
В веках, давно пройденных, —
Но жив тот свет, что раз возник
В мирах соединенных.
И озаряет лунный лик
Безумных и влюбленных.

ПУТНИК

По беломраморным ступеням
Царевна сходит в тихий сад—
Понежить грудь огнем осенним,
Сквозной листвою понежить взгляд.

Она аллеей к степи сходит,
С ней эфиопские рабы.
И солнце острый луч наводит
На их лоснящиеся лбы.

Где у границ безводной степи,
Замкнув предел цветов и влаг,
Стоят столбы и дремлют цепи,—
Царевна задержала шаг.

Лепечут пальмы; шум фонтанный
Так радостен издалека,
И ветер, весь благоуханный,
Летит в пустыню с цветника.

Царевна смотрит в детской дрожи,
В ее больших глазах—слеза.
Красивый юноша-прохожий
Простерся там, закрыв глаза.

На нем хитон простой и грубый,
У ног дорожная кляка.
Его запекшиеся губы
Скривила жажда и тоска.

Зовет царевна: «Брат безвестный,
Приди ко мне, сюда, сюда!
Вот здесь плоды в корзине тесной,
Вино и горная вода.

Я уведу тебя к фонтанам,
Рабыни умастят тебя.
В моем покое златотканом
К тебе я припаду, любя».

И путник, взор подняв неспешно,
Глядит, как царь, на дочь царя.
Она—прекрасна и безгрешна,
Она—как юная заря.

Но он в ответ: «Сойди за цепи,
И кубок мне сама подай!»
Закрыв глаза бедняк из степи.
Фонтаны бьют. Лепечет рай.

Бледнеет и дрожит царевна.
Лежат невольники у ног.
Она растерянно и гневно
Бросает кубок на песок.

Идет к дворцу аллеей сада,
С ней эфиопские рабы...
И смех чуть слышен за оградой,
Где степь, и цепи, и столбы.

ПОХИЩЕНИЕ БЕРТЫ

Шел пир небывалый за круглым столом,
Блистали в шелках паладины,
И кравчие в кубки огромным ковшом
Цедили шипящие вина.
Был красен от выпитых кубков Наим;
Гемон, улыбаясь, дремал перед ним;
Атласный камзол Оливьера
Был яркими пятнами весь обогрен;
И только один неподкупный Милон
Хранил все величие пэра.

Вдруг, в страхе, весь бледный, вбегает гонец:
«Случилось великое худо!
Послала меня в Ингельгеймский дворец
С такими словами Ротруда:
Пока, позабыв про воинственный стан,
Вы заняты пиром, проник великан
Неведомый в нашу обитель,
Разграбил капеллу, монахов убил,
Кресты поломал у священных могил,
И дочь мою, Берту, похитил!»

Услышав известие, Карл задрожал,
Он встал с золоченого трона,
Звеня, покатился упавший бокал,
Упав, застучала корона.
«О, горе нам! — так он воскликнул, дрожа,—
Мне Берта дороже, чем жизнь и душа,
Не жить без нее мне, поверьте!

Вы, рыцари! тотчас берите мечи!
Наим, мой любимец! вставай и скачи
На помощь к беспомощной Берте!»

Наим, в колебании, угрюмо встает,
Лицо его слишком румяно.
«Ну, да,—говорит,—если б знать наперед,
Где должно искать великана!
Есть много ущелий, леса велики,
Нельзя же идти по течению реки,
Подумать нам должно сначала,
Где дерзкого вора возможно словить.
Когда же отыщем, не трудно сразить:
Я в жизни побил их немало!»

«Но ты, Оливьер,—тогда Карл говорит,—
Наверно, ты медлить не будешь!
Хватайся за меч, надевай верный щит,
Ты внучку обратно добудешь!
Награду любую проси у меня!
Ты будешь любимцем моим с того дня,
Тебя я над всеми поставлю,
Я имя твое в назиданье другим,—
Того, кто был Карлом Великим любим,—
По целому миру прославлю!»
«Конечно, недолго,—в ответ Оливьер,—
Дать хищнику суд и расправу!
На нем покажу я злодеям пример,
А, кстати, добуду и славу.

Спокоен будь, Карл! будешь ты отомщен!» —
Сказал Оливьер, и направился он
В покой, подле залы соседней:
Пред подвигом должен он был отдохнуть,
Прилег, и собрался направиться в путь
Наутро лишь, после обедни.

«А ты,—Карл взывает,—мой верный Тюрпин,
Снесешь ли обиду такую?
Ты—церкви служитель и ревностный сын,
Вступишь же за веру святую!
Тебе ли терпеть разрушенье капелл,
Тебе ли снести, что неверный посмел
Служителей храма коснуться!
Сам бог поведет по дороге прямой
Тебя к гордецу. С великана главой
Ты должен обратно вернуться!»

Тюрпин отвечает: «Я знаю свой долг,
Сумею и честь убережy я,
Но все ж великан не кабаң и не волк,
В нем все же душа человечья.
И прежде, чем в яростный бой полететь,
Мне должно хоть сутки одни поговорить
И богу грехи исповедать.
Беда—нераскаянным встать под копьe: .
Сгублю тем навек я спасенье свое,
А боя исход как изведать?»

В отчаяньи Карл взором пэров обвел,
Опять говорит—Ганелону:
«Ты мудр, как судья, все науки прошел,
Подпорой ты был всегда трону,
Ужель не поможешь сегодня ты мне?
Ужель не поскачешь на быстром коне
Вдогонку за наглым злодеем?
Нам Берту верни, что милее цветка,
И щедро откроется наша рука,—
Друзей награждать мы умеем!»

В ответ Ганелон: «Что за польза сгубить
Цвет рыцарства в тщетной погоне?
В таком предпрятьи поможет не прыть,
Не копы и борзые кони.
Но должно обдумать, где скрылся злодей;
Составить отряды из ратных людей;
Потом у проклятой пещеры
Костры распалив, гнать усиленно дым,
И сам, как медведь, тогда выйдет он к ним...
Вот будут разумные меры!»

И Карл уронил безнадежно главу...
Выходит тогда граф Агландский.
«Я стар,—говорит,—много лет я живу,
Но помню обет христианский:
Наш первый обет—жизнь за веру отдать,
Второй наш обет—за сеньора стоять;
Я ныне исполню их оба!
Подайте мне меч, подведите коня,—
Иль с Бертой увидите скоро меня,
Иль лягу в объятия гроба!»

Еще говорил неподкупный Милон,
Еще не докончил он речи,
Как клики со всех загремели сторон
И отзвук помчался далече,

Раскрылася дверь, и, лучом осиян,
Предстал сын Милона, отважный Ролан,
В доспехе и бранной кольчуге.
Главу великана держал он в руках,
И Берту за ним на скрещенных мечах
Несли восхищенные слуги.

И Карл возгласил: «Будь прославлен, герой!
Проси чего хочешь в награду!
А ты, моя Берта! садись здесь со мной,
И деда улыбкой обрадуй!»
И все восклицали Ролану: «Добро!»
И только шепнул Ганелон: «Не хитро
Добиться любого успеха,
Когда в состязаньи соперника нет!
Легко в наши дни изумить целый свет!»
И весь он затрясся от смеха.

МЕДЕЯ

На позлащенной колеснице
Она свергает столу с плеч
И над детьми, безумной жрицей,
Возносит изошренный меч.

Узду грызущие драконы,
Взметая крылья, рвутся ввысь;
Сверкнул над ними бич червленый,—
С земли рванулись, понеслись.

Она летит, бросая в доли
Куски окровавленных тел,
И мчится с нею гимн веселый,
Как туча зазвеневших стрел.

«Вот он, вот он, ветер воли!
Здравствуй! в уши мне свисти!
Вижу бездну: море, поле—
С окрыленного пути.

Мне лишь снилось, что с людьми я,
Сон любви и счастья сон!
Дух мой, пятая стихия,
Снова сестрам возвращен.

Я ль, угодная Гекате,
Ей союзная, могла
Возлюбить тщету объятий,
Сопрягающих тела?

Мне ли, мощью чародейства,
Ночью зыблившей гроба,
Засыпать в тиши семейства,
Как простой жене раба?

Выше, звери! хмелем мести
Я дала себе вздохнуть.
Мой подарок — на невесте,
Жжет ей девственную грудь.

Я, дробя тела на части
И бросая наземь их,
Весь позор последней страсти
Отрясаю с плеч моих.

Выше, звери! взвейтесь выше!
Не склоню я вниз лица,
Но за морем вижу крыши,
Верх Этова дворца».

Вожжи брошены драконам,
Круче в воздухе стезя.
Поспешают за Язоном,
Обезумевшим, друзья.

Каждый шаг — пред ним гробница,
Он лобзает красный прах...
Но, как огненная птица,
Золотая колесница
В дымно-рдяных облаках.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

БЛОК

СКАЗКА О ПЕТУХЕ И СТАРУШКЕ

Петуха упустила старушка,
Золотого, как день, петуха!
Не сама отворилась клетушка,
Долго ль в зимнюю ночь до греха!

И на белом узорном крылечке
Промелькнул золотой гребешок...
А старуха спускается с печки,
Всё не может найти посошок...

Вот — ударило светом в оконце,
Загорелся старушечий глаз...
На дворе — словно яркое солнце,
Деревенька стоит напоказ.

Эх, какая беда приключилась,
Впопыхах не нащупать клюки...
Ишь, проклятая, где завалилась!..
А у страха глаза велики:

Вон стоит он в углу, озаренный,
Из-под шапки тарацит глаза...
А на улице снежной и сонной
Суматоха, возня, голоса...

Прибежали к старухину дому,
Захватили ведро, кто не глуп...
А уж в кучке золы — незнакомый
Робко съежился маленький труп...

Долго, бабушка, верно, искала,
Не сыскала ты свой посошок...
Петушка своего потеряла,
Ан, нашел тебя сам петушок!

Зимний ветер гуляет и свищет,
Всё играет с торчащей трубой...
Мертвый глаз будто всё еще ищет,
Где пропал петушок... золотой.

А над кучкой золы разметенной,
Где гулял и клевал петушок,
То погаснет, то вспыхнет червонный
Золотой, удалой гребешок.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ БАЛЛАД

ГЕРМАНИЯ

Иоганн Готфрид Гердер (1744—1803)— писатель, публицист, философ, один из идеологов движения «Бури и натиска». Получил широкую известность благодаря составленной им антологии «Голоса народов в песнях» (1778—1779), которая стала первым в мире сборником произведений народной поэзии разных стран. В теоретических работах развивал положение о том, что каждый народ должен иметь литературу, проникнутую национальным духом. «Дочь лесного царя» представляет собой вольную обработку датской народной баллады.

Готфрид Август Бюргер (1747—1794)— создатель немецкой литературной баллады. Поэт, автор песен и баллад, которые стали народными. Прожил недолгую трудную жизнь. Демократ по своим убеждениям, Бюргер считал, что поэт должен черпать свое вдохновение и темы для творчества из народной жизни. Бюргеру принадлежит переработка знаменитой «Истории барона Мюнхаузена». Наиболее знаменитая баллада Бюргера «Ленора» известна в России в трех переводах-переложениях Жуковского.

Иоганн Вольфганг Гете (1749—1832).— На раннюю поэзию Гете оказывают влияние классицизм и рококо, однако уже с начала 1770-х годов он выступает как создатель нового литературного движения «Буря и натиск». Гете обращается к народной песне, записывает подлинные тексты и создает стихотворения, которые, в свою очередь, становятся народными песнями. Поэзии Гете свойственны философская и эмоциональная насыщенность, лаконичность и завершенность формы, а также универсализм, выход за рамки национальной проблематики. Баллада «Фульский король» станет песенкой Маргариты из «Фауста».

Фридрих Шиллер (1759—1805).— Уже первая драма Шиллера, «Разбойники» (1781)— создание двадцатилетнего юноши,— стала вершиной драматургии. «Благородный адвокат человечества», по словам Белинского, Шиллер в своих драмах «Коварство и любовь» (1784), «Дон Карлос» (1787) и в поэзии прославлял свободолюбие, гуманизм и вдохновение. В дружеском творческом сотрудничестве с Гете ярким эпизодом был их «балладный поединок». Состязание началось в 1797 году, который получил название «года баллады». За этот год Шиллер написал шесть баллад, включая «Кубок», «Перчатку» и «Ивиковы журавли». Сюжет «Кубка» Шиллеру уступил Гете, считая, что он более подходит для драматического дара друга.

Клеменс Брентано (1778—1842).— Наиболее значительный поэт Гейдельбергского романтического кружка, Брентано выступил как зачинатель романтической реформы немецкой лирики на основе ее сближения с народной песней. Наиболее значительным вкладом Брентано в литературу было предпринятое им вместе с А. Арнимом издание трехтомного собрания немецких народных песен «Волшебный рог мальчика» (1806—1808). Первый сборник стихотворений Брентано издан посмертно в 1844 году. Ряд его песен, таких, как «Жила на Рейне фея...», «Веселье музыканты» и др., стали памятниками немецкой поэзии. В результате религиозного кризиса в последние годы жизни Брентано стал ревностным католиком.

Адельберт фон Шамиссо (1781—1838).— Сын французского графа-эмигранта, он стал офицером прусской армии в годы наполеоновских войн, обрел в Германии новую родину. Всемирную славу Шамиссо принесла повесть «Необычайная история Петера Шлемиля» (1814). Выдающийся ученый-естественник, А. Шамиссо участвовал в кругосветном плавании на русском корабле «Рюрик», руководил берлинским ботаническим садом. В его поэзии отразилась как любовь поэта к меланхолической мечтательности и средневековым идеалам, так и к освободительным движениям народов (восстание декабристов, революция 1830 года во Франции и др.). Многие стихотворения Шамиссо стали популярными песнями.

Людвиг Уланд (1787—1862).— Один из наиболее популярных немецких романтиков, в котором современники видели «кульминацию романтической лирики». Его поэзии свойственны демократизм содержания, стремление к простоте формы. Сборник «Песен и баллад» (1815), составивший основу поэтической славы Уланда, только при его жизни выдержал свыше сорока изданий. С 1819 года, посвятив себя политической деятельности, Уланд отошел от литературы. К его творчеству, главное место в котором занимают стихотворения в духе народной баллады, обращались многие композиторы (И. Брамс, Ф. Шуберт, Р. Шуман и др.).

Иозеф Эйхендорф (1788—1857) — поэт, прозаик, критик. В его поэтическом творчестве «райская пора средневековья» и идеализация католической религии сочетаются с органическим слиянием с народной песней. Свой первый сборник стихов Эйхендорф выпустил довольно поздно, в 1837 году, хотя в периодике публиковался с 1808 года. На его стихи писали музыку такие композиторы, как Р. Шуман и И. Брамс. Сейчас происходит новое открытие творчества Эйхендорфа.

Густав Шваб (1792—1850) — поэт и литературовед, принадлежал к литературной «швабской школе», примыкавшей к романтикам. Исследователь народного творчества и средневековых литературных памятников, автор «Сборника античных легенд» (1838—1840), переводчик поэзии Ламартина.

Генрих Гейне (1797—1856) — поэт, публицист. Юношеские стихи, собранные в «Книге песен» (1827), принесли поэту известность. Не менее знаменитой была его публицистика, направленная против немецкого шовинизма, консерватизма. В 1831 году поэт навсегда уехал из Германии. Он жил во Франции, сотрудничал в различных парижских журналах, писал социально направленную поэзию («Германия, зимняя сказка», сборник «Новые стихотворения», 1844), в которой сочетались ирония, политический пафос и лиризм.

В балладе «Гренадеры» воплотилось преклонение молодого Гейне перед Наполеоном. Положенная на музыку Шубертом, «Лорелея» стала немецкой народной песней.

Эдуард Мёрике (1804—1875) — поэт, прозаик, переводчик. Первый сборник стихов опубликовал в 1838 году. Сборник выдержал пять прижизненных изданий. В 1846 году была написана поэма «Идиллия Боденского озера». Из прозы Мёрике следует отметить двухтомный роман «Художник Нольтен» (1832). Мёрике входил в число поэтов «швабской школы».

Фердинанд Фрейлиграт (1810—1876) — революционно-демократический поэт. В 1848—1849 годах вел отдел литературы в «Новой Рейнской газете», издаваемой Марксом и Энгельсом. В первом поэтическом сборнике 1839 года чувствуется влияние «Восточных мотивов» В. Гюго; последующие сборники свидетельствуют о переходе поэта в ряды революционной демократии (два тома «Новейших политических и социальных стихотворений», 1848; 1851). После поражения революции 1848—1849 годов эмигрирует из Германии, куда возвращается в 1868 году вполне примирившийся с политическим консерватизмом системы и призывает, как в молодые годы, к «надклассовым» эстетическим позициям.

Фридрих Геббель (1813—1863) — драматург, поэт, прозаик, теоретик искусства. В поэзии и драматургии Геббеля видна опора на идейно-художественные принципы «Бури и натиска», а также попытка углубить психологическую проблематику за счет реалистических элементов. Наиболее известна его трилогия «Нибелунги» (1862).

Эммануэль Гейбель (1815—1884) — немецкий поэт. В 40-е годы выпустил ряд сборников стихов на актуальные политические темы — «Голоса времени» (1841), «Июньские песни» (1848). После поражения революции 1848—1849 годов стал сторонником «чистого искусства». Известен как переводчик испанских народных песен и романсов.

Георг Гервег (1817—1875) — революционно-демократический поэт, сотрудник «Рейнской газеты» Маркса, «железный жаворонок», по определению Гейне. Автор двух сборников «Стихи живого человека» (1841—1844), имевших большой политический успех среди демократической общности.

Теодор Фонтане (1819—1898) — поэт, прозаик. Творческий путь начал как автор лирических стихов, баллад и песен. Однако наибольшую известность принесли Фонтане его социально-психологические романы «Госпожа Женни Трайбель» (1892), «Эффи Брист» (1895) и др.

АВСТРИЯ

Иозеф Кристиан фон Цедлиц (1790—1862) — поэт, драматург, переводчик. Известность приобрел его цикл «Надгробные венки» (1827), где поэт применял форму итальянской канцонны к немецкой поэзии. Всемирно известна баллада «Ночной смотр», которая наравне с «Воздушным кораблем» относится к циклу «наполеоновских баллад», написанных поэтом после решения французского правительства перенести останки Наполеона с острова св. Елены в Париж.

Николаус Ленау (1802—1850).— Под этим именем печатался крупнейший австрийский поэт XIX века Франц Нимбш Эдлер фон Штреленау. Первый поэтический сборник издал в 1832 году. Писал пейзажную лирику, по-своему осмыслил образ Фауста в одноименной эпической драме (1836), горячо сочувствовал польской революции 1830 года. «Три индейца» (1834) тематически принадлежат к американскому циклу стихотворений Ленау, написанных им после годичной поездки в Америку.

Иоганн Непомук Фогль (1802—1866)— поэт, критик, драматург. Один из ведущих представителей позднеромантической венской школы. Почетный доктор философии Иенского университета. Многие из его стихов положены на музыку.

Анастасиус Грюн (1806—1876)— поэт и политический деятель. Настоящее имя — граф Александр Ауэршперг. Первоначально — лирический поэт. После Июльской революции писал стихотворения на злободневные темы. Своим либеральным взглядам остался верен до конца жизни, что подтвердил в 1860 году, когда в зените славы и почета публично заявил о своем отказе войти в состав австрийского консервативного правительства. Автор переводов английских народных баллад о Робине Гуде.

Мориц Гартман (1821—1872)— поэт и революционный публицист. Участник венского восстания 1848 года, Гартман вынужден был эмигрировать в Швейцарию. Кроме стихов и баллад, написал ряд эпических произведений («Адам и Ева», 1851), романов («Война в лесу», 1850; «Драгоценности баронессы», 1868), рассказов из жизни чешских крестьян. Баллада «Белое покрывало», переведенная Л. Михайловым в 1859 году, пользовалась широкой популярностью в России в 60—70-х годах.

ДАНИЯ

Адам Готлоб Эленшлегер (1779—1850)— крупнейший поэт и драматург датского романтизма. В 1805 году выходит его двухтомник «Поэтические произведения», состоящий из поэтических, прозаических и драматических текстов. В 1807 году выходят в свет «Северные поэмы» — в них существенную роль играют образы древнескандинавской мифологии. Творчество Эленшлегера повлияло на многих датских романтиков, в частности на Х. К. Андерсена.

Ханс Кристиан Андерсен (1805—1875)— писатель-сказочник, поэт, призывавший к романтической школе. В 1829 году выпустил первую книгу «Путешествие пешком от Хольмен-канала до восточного мыса острова Амагер». Датская критика неустанно травила писателя за «безграмотность» его языка, отказывая в новаторстве, в результате Андерсену неоднократно приходилось покидать родину; признание пришло к нему из-за границы. Сюжеты для своих поэтических произведений Андерсен брал из народных саг, обыденной действительности. Его мировоззрение определено христианским морализмом, идеей личного самосовершенствования.

НОРВЕГИЯ

Юхан Себастьян Вельхавен (1807—1873).— Основной вклад поэта в норвежскую поэзию — сборник сатирических сонетов «Рассвет над Норвегией» (1834). Стоял во главе партии, ратовавшей после отделения Норвегии от Дании в 1814 году за продолжение датско-норвежских культурных связей. Свои воззрения поэт выразил в цикле полемических сонетов, которые в некоторых частях Норвегии подверглись сожжению. Лирика Вельхавена, собранная в книгах «Стихи» (1839) и «Сборник стихов» (1860), посвящена преимущественно изображению норвежской природы.

Хенрик Ибсен (1828—1906) — писатель, драматург. С конца 1840-х годов пишет стихи, проникнутые тираноборческими мотивами. Первая драма, «Каталпина» (1850), встречает холодный прием. С 1864 года живет преимущественно вне родины из-за крайней враждебности норвежской критики, видящей в драматических произведениях писателя желание подорвать нравственные устои общества (буря негодования вокруг его пьесы «Комедия любви»). Лишь в 1891 году драматург с мировым именем, автор «Бранда» (1866), «Пер Гюнта» (1867) и других произведений, Ибсен вновь поселяется в Норвегии.

Пер Сивле (1857—1904) — поэт, прозаик. Религиозные настроения молодого Сивле нашли отражение в первом сборнике стихов «Мечта поэта...» (1878). Позднее под влиянием социалистических идей создает роман «Забастовка» (1881). В своих стихах Сивле обращается к темам национальной истории. Баллада «Торд Фолесон» написана на материале саги о норвежском короле Олафе Святом (ок. 995—1030 гг.), которую создал исландский средневековый поэт Сирри Стурлусон (1178—1241). После смерти Олаф, завершивший христианизацию Норвегии, был причислен к лику святых.

ШВЕЦИЯ

Эрик Густав Гейер (1783—1847) — поэт, историк. В 1811 году основал литературное общество «Готский союз» и в журнале этого общества опубликовал свои наиболее известные стихотворения («Вольный крестьянин», «Викинг» и др.). Автор исторических исследований «Анналы истории Швеции» (1825) и «История шведского народа» (1832—1836).

Густав Фрëдинг (1860—1911) — поэт, журналист. В 1891 году выходит первый сборник стихов «Гитара и гармоника», пронизанных юмором и оптимизмом. Трагические тона возникают в стихотворениях следующей книги, «Новые стихи» (1894). Стихи Фрëдинга просты по форме и часто стилизованы под народную песню. В 90-е годы поэт выпустил три поэтических сборника — «Брызги и осколки» (1896), «Новое и старое» (1897), «Брызги Граля» (1898).

АНГЛИЯ

Джон Гей (1685—1732) — поэт и драматург, автор баллад, басен, пасторалей и комедий. Большой успех выпал на долю его «Оперы нищего» (1728), которая пародировала господствующую в то время итальянскую оперу и выдержала многие десятки представлений.

Давид Маллет (1705—1765) — поэт. Жуковский дал свободное переложение баллады Маллета «Эдвин и Эмма». Стих по сравнению с оригиналом усложнен. В балладе Маллета — сочетание четырехстопного ямба с трехстопным.

Оливер Голдсмит (1728—1774) — прозаик, поэт, драматург, прославился романом «Векфильдский священник» (1766), одним из лучших образцов английской прозы. Его поэмой «Покинутая деревня» (1770), в которой автор оплакивает «старое доброе время» сельской идиллии, восторгался Гете.

Уильям Блейк (1757—1827) — поэт, художник. В 1783 году вышел первый сборник его стихов. В следующем году основал гравюрную мастерскую: свои книги Блейк гравировал вместе с текстом и иллюстрациями. Исключительно оригинальный поэт, мистик и визионер, Блейк был знаком со многими выдающимися современниками (Байрон, Шелли и др.), однако в нем видели скорее не художника, а безумца. Международная слава пришла к Блейку во второй половине XIX века.

Роберт Бернс (1759—1796) — шотландский поэт. Начал писать с 14 лет. Его стихотворения были изданы в 1786 году. В них прославлялась красота сельской жизни. Одновременно он писал политические и антицерковные сатирические стихи. Большую роль в открытии Бернса для русского читателя сыграл С. Я. Маршак, который, в частности, писал о Бернсе: «Как и Горький, он не окончил ни одной школы, но, судя по его стихам и свидетельству современников, он был по-настоящему образованным человеком, знал латинскую поэзию, читал французских поэтов, был настоящим знатоком английской классической поэзии, шотландского и английского фольклора» (С. Я. Маршак. Стихотворения и поэмы. «Библиотека поэта», Советский писатель, Л., 1973, с. 837).

Уильям Вордсворт (1770—1850) — поэт, представитель «озерной школы». В 1798 году вместе с Кольриджем выпустил книгу «Лирические баллады», предисловие ко второму изданию которой, написанное им, явилось программой для новой школы поэзии. Вордсворт — один из признанных мастеров английского сонета.

Вальтер Скотт (1771—1832). — Начало литературной деятельности связано с публикацией перевода поэмы Г. А. Бюргера «Ленора». В 1802—1803 годах Скотт опубликовал два тома собранных им шотландских народных песен и баллад «Песни шотландской границы». В 1804 году вышел третий том, куда вошли и баллады самого Скотта, стилизованные под народное творчество. Основной корпус поэтического наследия Скотта составляют девять больших поэм («Песнь последнего менестреля», «Дева озера», «Поле Ватерлоо» и др.). С 1814 года Скотт издает исторические романы, принесшие ему мировую славу.

Сэмюел Тейлор Кольридж (1772—1834)—поэт, критик, философ. Расцвет таланта Кольриджа приходится на конец 1790-х годов. В 1798 году совместно с Вордсвортом издает сборник «Лирических баллад». Примерно в то же время создает «Поэму о старом моряке», принесшую ему славу. Кольридж перевел на английский язык Шиллера. «Разбойники» легли в основу его драмы «Раскаянье» (1813). Его философско-эстетические работы, свидетельствующие о незаурядном уме теоретика, носят, как правило, фрагментарный характер.

Роберт Саути (1774—1843)—поэт. Вместе с другими представителями «озерной школы» (Кольридж, Вордсворт) в юности увлекался идеями французской революции 1789 года, однако впоследствии изменил свои взгляды. В 1795 году выпустил первый сборник, «Стихотворения». К основным произведениям Саути относятся поэмы «Жанна д'Арк» (1796), «Талаба-разрушитель» (1801), «Мэдок» (1805), а также ряд «страшных» баллад.

Томас Кемпбелл (1777—1844).—Приобрел широкую известность своей первой поэмой «Радости надежды» (1799), в которой, в частности, выступал против раздела Польши. В молодости сторонник французской революции 1789 года, Кемпбелл впоследствии переходит в ряды консерваторов.

Томас Мур (1779—1852).—В 1800 году выпустил сборник поэтических переводов «Оды Анакреонта». Сборник оригинальных стихов «Поэтические произведения», выпущенный годом позже, принес Муру широкую известность. В 1817 году опубликовал большую восточную поэму «Лалла Рук».

Джордж Гордон Ноэл Байрон (1788—1824).—В 1806 году анонимно издал первую книгу стихов, которую затем сжег. В следующем году издал под своим именем сборник поэзии «Часы досуга». По возвращении из продолжительного путешествия на Восток издал поэму «Паломничество Чайльд Гарольда» (1812—1818), которая принесла автору огромный успех. В 1816 году в результате травмы Байрон навсегда покидает Англию. В Швейцарии, где он подружился с Шелли, создает поэму «Шильонский узник» (1816) и многие лирические шедевры. В 1817 году переезжает в Италию, где работает над поэмой «Дон-Жуан». В 1823 году отправляется в Грецию участвовать в национально-освободительной борьбе против Турции.

Джон Китс (1795—1821)—поэт. В 1817 году выпустил первый сборник стихов, а в следующем издал поэму «Эндимион», начинающуюся знаменитыми строками: «Прекрасное пленяет навсегда...». В 1820 году публикует поэму «Гиперион». Свое понимание искусства Китс выразил краткой формулой: «Красота есть истина, истина есть красота». Поэзия Китса проникнута античным пантеизмом, он предшественник прерафаэлитов.

Томас Гуд (1799—1845)—поэт, прославился главным образом благодаря своим сатирическим и юмористическим стихам. Поэт социального протеста, автор «Песни о рубашке» (1843), в которой повествуется о тяжелом труде швеи. Поэзию Гуда высоко ценили русские революционные демократы.

Альфред Теннисон (1809—1892)—поэт. Первую книгу стихов издал в 1830 году. Двадцать лет спустя Теннисон опубликовал свою лучшую книгу элегий «В память А.Г.». В духе средневековых легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого стола создана книга «Королевские идиллии» (1859).

Роберт Браунинг (1812—1889) — поэт, драматург. Творчество Браунинга открывается поэмой «Полина» (1833). Излюбленной поэтической формой Браунинга является драматический монолог, что развито в цикле «Мужчины и женщины» (1855).

Роберт Луис Стивенсон (1850—1894) — прозаик, поэт, эссеист. Основоположник и теоретик неоромантизма, Стивенсон известен в первую очередь как автор приключенческих романов, среди которых особой популярностью пользуется «Остров сокровищ» (1883). Опубликовал несколько сборников стихов («Детский цветник стихов» (1885), «Подлесок» (1887) и др.). Поэзию Стивенсона составляют баллады в духе народной поэзии и детские стихи.

Редьярд Киплинг (1865—1936) — поэт, прозаик, путешественник. В 1882—1888 годах жил в Индии, где опубликовал сборник стихов «Департаментские песни» (1886) и сборник новелл «Простые рассказы с гор» (1888). Автор романов «Свет погас» (1890), «Ким» (1901). Лауреат Нобелевской премии по литературе (1907). Всемирно известны его «Книги джунглей» (1894, 1895) и стихи.

США

Генри Уодсворт Лонгфелло (1807—1882) — поэт. Литературную деятельность начал двумя книгами путевых очерков. С конца 30-х годов регулярно издает сборники стихов, принесшие автору широкую популярность. Среди разных направлений поэтического творчества Лонгфелло выделяется группа стихов, написанных под влиянием поэзии англо-германских романтиков («Баллады и поэмы», 1841). Лонгфелло известен также как переводчик «Божественной комедии» Данте и тонкий стилизатор индийского эпоса («Песнь о Гайавате», 1855).

Эдгар Аллан По (1809—1849) — прозаик, поэт, критик. Начал литературную деятельность с поэзии, опубликовав в 1827 году сборник стихов. В 1833 году выступил как прозаик («Рукопись, найденная в бутылке»). На творчество По сильное влияние оказали английские и немецкие романтики, особенно Гофман. По — мастер «страшных», фантастических рассказов и стихов, главным героем которых является смерть («Лигейя», «Падение дома Эшер», «Ворон» и многие др.). По был любимым писателем европейских и русских символистов.

Френсис Брет Гарт (1836—1902) — прозаик, поэт. С 1857 года началась его журналистская и писательская деятельность. В 1878 году уехал в Европу, где оставался до самой смерти. Мастер новелл («Калифорнийские рассказы», 1857—1871) о жизни американского Запада.

ФРАНЦИЯ

Франсуа-Огюст Пароди де Монкриф (1687—1770) — писатель, автор пародийного сочинения «История кошек» (1727). Интерес Жуковского к балладе «Алина и Альсим», являющейся стилизацией средневековой поэзии

трубадуrow, вызван во многом ее сюжетом, который при своей литературной условности ассоциировался с событиями личной жизни русского поэта.

Эварист-Дезире де Парни (1753—1814)—поэт, автор эротических стихотворений и поэм («Эротические стихи», 1778), лиризм и чувственная конкретность которых привлекли к нему внимание многих русских поэтов начала XIX века, в том числе Пушкина.

Пьер Жан де Беранже (1780—1857)—поэт-песенник, известный своими политическими песнями демократической ориентации.

Виктор Гюго (1802—1885)—поэт, романист, драматург, общественный деятель, глава и теоретик французского романтизма.

Проспер Мери́ме (1803—1870)—писатель, автор знаменитой новеллы «Кармен» (1845), создатель мистификаторской книги баллад «Гузла» (1827), авторство которой Мери́ме приписал мифическому народному певцу.

Югюст Барбье (1805—1882)—политический поэт, автор поэтического сборника «Ямбы» (1831), ставшего образцом французской гражданской лирики.

Леконт де Лиль (1818—1894)—поэт, глава парнасской школы поэзии, автор сборников «Античные стихотворения» (1852), «Варварские стихотворения» (1862) и др., проникнутых идеей «чистого искусства».

Гюстав Надо (1820—1893)—поэт-песенник, композитор, автор оперетт, книги «Заметки санитаря» (1871).

Пьер Дюпон (1821—1870)—поэт-песенник, получивший в свое время широкую популярность благодаря политическим стихам демократической ориентации. В поздних стихах воспевал крестьянский труд и крестьянские добродетели.

Леон Дьеркс (1838—1912)—поэт, последователь Ш. Леконта де Лиля, впоследствии близкий к символизму.

Жан Мореас (1856—1910)—поэт греческого происхождения, автор семи поэтических сборников «Стансы» (1899—1901), сторонник символизма, который впоследствии разочаровался в символизме, основал «романскую школу», стремившуюся возродить классические традиции.

ВЕНГРИЯ

Йнош Арань (1817—1882)—поэт, автор героической поэмы «Толди» (1847), описывающей подвиги одного из народных героев рьшарского времени, а также создатель романтических стихов и баллад.

Шандор Петефи (1823—1849)—поэт, вождь венгерской революции 1848—1849 годов; его богатое поэтическое дарование отразилось в политических сатирах и любовной лирике.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Шебастиан Гневковский (1770—1847)—поэт, автор патриотических од, басен, любовно-анакреонтической лирики.

Карел Гинек Маха (1810—1836)—поэт-романтик, автор одного из выдающихся произведений чешской поэзии, поэмы «Май» (1836), а также ряда повестей.

Ян Неруда (1834—1891)—писатель, автор поэтических сборников «Кладбищенские стихи» (1857), «Космические песни» (1878), «Баллады и романсы» (1883) и других произведений в стихах и прозе.

Сватоплук Чех (1846—1908)—поэт, автор сборников гражданской лирики «Утренние песни» (1887), «Новые песни» (1888), поэмы «Песни раба» (1894) и др.

Ярослав Врхлицкий (1853—1912)—поэт и драматург, автор лирических стихов, эпических поэм; наиболее значительный сборник социальной лирики—«Сельские баллады» (1885).

ПОЛЬША

Юлиан Урсын Немцевич (1757/58—1841)—поэт, политик, историк, драматург, более всего прославился благодаря своим «Историческим песням» (1816).

Адам Мицкевич (1798—1855)—поэт, публицист; его поэтический сборник «Поэзия» (1822) положил начало польскому романтизму.

Юзеф Богдан Залесский (1802—1886)—поэт, чьи стихи, написанные в рамках «украинской школы», проникнуты идиллическими, сентиментальными настроениями.

Антоний Эдвард Одынец (1804—1885)—поэт, мемуарист, друг Мицкевича, переводчик английской литературы.

Юлиуш Словацкий (1809—1849)—наряду с Мицкевичем основоположник польского романтизма, автор многочисленных поэм («Ламбро», «Час раздумья», 1833; «Ангелли», 1838; «Бенёвский», 1841 и др.), драмы («Балладина», 1839).

РОССИЯ

Василий Андреевич Жуковский (1783—1852)—основоположник русской литературной баллады, автор тридцати девяти баллад, среди них пять оригинальных, остальные—вольные переводы (из Шиллера, Гете, Саути, Бюргера, Уланда и др. поэтов), в которых Жуковский воссоздает смысл сюжета, но всегда далек от буквализма подражания.

Иван Иванович Козлов (1779—1840)—поэт, переводчик, автор поэмы «Чернец» (1825), романтико-мистических стихов и баллад, популярной русской песни «Вечерний звон» (перевод стихотворения Т. Мура).

Федор Николаевич Глинка (1786—1880)—поэт, участник Отечественной войны 1812 года, автор книги «Письма русского офицера» (1815—1816), мистических поэм «Иов» (1859), «Таинственная капля» (1861); был близок декабристам.

Кондратий Федорович Рылеев (1795—1826)—поэт-декабрист, автор сборника «Думы» (1825), а также поэмы «Войнаровский» (1825) и неоконченной трагедии «Хмельницкий».

Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1797—1846)—поэт-декабрист, первоначально ученик Жуковского, затем поклонник Державина, определяющий свою литературную позицию в качестве «романтика в классицизме».

Антон Антонович Дельвиг (1798—1831)—поэт пушкинской плеяды, представитель «чистой поэзии», автор идиллий и стилизованных под народное творчество песен.

Александр Сергеевич Пушкин (1799—1837).—Балладное творчество поэта представлено небольшим количеством произведений, но каждое из них, выполненное со стилизаторской виртуозностью,—шедевр.

Евгений Абрамович Баратынский (1800—1844)—поэт пушкинской плеяды, самобытный лирик философской складки.

Николай Михайлович Языков (1803—1846)—поэт, автор любовных, религиозных, патриотических стихов и стихотворных повестей, близких натуральной школе («Сержант Сурмин», 1845; «Липы», 1846).

Каролина Карловна Павлова (1807—1893)—поэтесса, близкая концепции «чистой поэзии», автор элегий и посланий, а также поэм «Разговор в Трианоне» (1848), «Разговор в Кремле» (1854).

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814—1841).—Поэт писал баллады на протяжении всего своего недолгого творческого пути, однако если в первых балладах чувствуется непосредственное влияние Жуковского и немецких романтиков, то начиная с 1832 года лермонтовская баллада приобретает жанровую самостоятельность и глубокий философский смысл, становится новым по отношению к Жуковскому этапом развития русской литературной баллады.

Алексей Константинович Толстой (1817—1875)—поэт, прозаик (исторический роман «Князь Серебряный», 1861), драматург (трилогия «Борис Годунов», 1866—1870), автор русских исторических баллад и былин, сатирик.

Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883).—Первым зрелым произведением писателя была повесть в стихах «Параша» (1843), и поэтическая струя не иссякала в творчестве Тургенева до конца его дней.

Яков Петрович Полонский (1819—1898)—поэт, работавший в различных жанрах: эпические поэмы, любовная лирика, сатирические фельетоны, романы.

Афанасий Афанасьевич Фет (1820—1892).—Балладное творчество Фета вносит важный элемент жанрового многообразия в стихотворения поэта, проникнутые идеей «искусства для искусства».

Аполлон Николаевич Майков (1821—1897).—Вместе с Полонским и Фетом Майков составлял триаду поэтов, развивавших идею «искусства для искусства», часто обращался в своей поэзии к природе, античной тематике, не отказываясь порою и от роли официального поэта.

Николай Алексеевич Некрасов (1821—1877).—Отражающая идею социального обличительства баллада поэта близка по духу основному направлению его творчества.

Лев Александрович Мей (1822—1862) — поэт, автор исторических драм в стихах из русской жизни («Царская невеста», 1849, «Псковитянка», 1849—1859), создатель поэтических переложений библейской «Песни песней», автор социальных стихов, переводчик Гейне и Беранже.

Дмитрий Дмитриевич Минаев (1835—1889) — поэт, переводчик Байрона, Бюргера, Данте, Мольера, автор лирических стихов и стихотворных пародий.

Константин Константинович Случевский (1837—1904) — автор многочисленных лирических и религиозных стихов, рассказов, очерков, повестей.

Алексей Николаевич Апухтин (1840—1893) — поэт, автор любовной лирики, патриотических и исторических стихов, песен.

Федор Кузьмич Сологуб (1863—1927) — поэт, представитель старшего поколения русских символистов, автор романа «Мелкий бес» (1907).

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867—1942) — поэт, один из лидеров русского символизма, переводчик Шелли, Уитмена, Э. По и др.

Иван Алексеевич Бунин (1870—1953) — поэт, новеллист, автор романа «Жизнь Арсеньева» (1930), переводчик Байрона, Лонгфелло.

Валерий Яковлевич Брюсов (1873—1924) — поэт, представитель старшего поколения русских символистов, романист, драматург, переводчик.

Александр Александрович Блок (1880—1921). — Баллады в целом не характерны для поэта-лирика, однако обращение Блока к драме и эпическому жанру создавало предпосылки для интереса поэта к балладе. «Сказка о пегухе и старушке» впервые опубликована в 1906 году.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вик. Ерофеев. Мир баллады</i>	3
--	---

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

ГЕРМАНИЯ

Иоганн Готфрид Гердер

<i>Дочь лесного царя. Перевод Л. Гинзбурга</i>	19
--	----

Готфрид Август Бюргер

<i>Ленора. Перевод В. Левика</i>	20
--	----

Иоганн Вольфганг Гете

<i>Фульский король. Перевод Б. Пастернака</i>	28
<i>Рыбак. Перевод Я. Полонского</i>	28
<i>Певец. Перевод Ф. Тютчева</i>	29
<i>Лесной царь. Перевод В. Жуковского</i>	30
<i>Коринфская невеста. Перевод А. К. Толстого</i>	31
<i>Бог и баядера. Перевод А. К. Толстого</i>	36

Фридрих Шиллер

<i>Кубок. Перевод В. Жуковского</i>	38
<i>Перчатка. Перевод В. Жуковского</i>	42
<i>Ивиковы журавли. Перевод Н. Заболоцкого</i>	45
<i>Порука. Перевод В. Левика</i>	49
<i>Граф Гапсбургский. Перевод В. Жуковского</i>	53
<i>Раздел земли. Перевод Л. Гинзбурга</i>	56
<i>Поликратов перстень. Перевод В. Жуковского</i>	57
<i>Рыцарь Тогенбург. Перевод В. Жуковского</i>	59
<i>Кассандра. Перевод В. Жуковского</i>	62
<i>Торжество победителей. Перевод В. Жуковского</i>	65

Клеменс Брентано

<i>«Жила на Рейне фея...». Перевод В. Топорова</i>	69
--	----

Адельберт фон Шамиссо

Нищий и его пес. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	72
Игрушка великанши. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	73
Молитва вдовы. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	74

Людвиг Уланд

Три песни. <i>Перевод В. Жуковского</i>	75
Мщение. <i>Перевод В. Жуковского</i>	76
Гаральд. <i>Перевод В. Жуковского</i>	76
Плавание Карла Великого. <i>Перевод В. Жуковского</i>	78
Рыцарь Роллон. <i>Перевод В. Жуковского</i>	79
Старый рыцарь. <i>Перевод В. Жуковского</i>	81
Братоубийца. <i>Перевод В. Жуковского</i>	82

Иозеф Эйхендорф

Сторожевая башня. <i>Перевод М. Замаховской</i>	85
Лорелей. <i>Перевод В. Левика</i>	86

Густав Шваб

Шведская башня. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	87
---	----

Генрих Гейне

Гренадеры. <i>Перевод М. Михайлова</i>	88
«Не знаю, что значит такое...». <i>Перевод А. Блока</i>	89
Русалки. <i>Перевод И. Лебедева</i>	90
Валтасар. <i>Перевод М. Михайлова</i>	91

Эдуард Мёрике

Венчание на царство. <i>Перевод А. Голембы</i>	92
Красавица Ротраут. <i>Перевод Г. Ратгауза</i>	93

Фердинанд Фрейлиграт

Бивак. <i>Перевод К. Павловой</i>	95
Гробовщики. <i>Перевод К. Павловой</i>	97

Фридрих Геббель

Дитя у колодца. <i>Перевод Л. Гинзбурга</i>	97
---	----

Эммануэль Гейбель

Данте. <i>Перевод П. Вейнберга</i>	98
--	----

Георг Гервег

Бедный Яков. <i>Перевод Н. Вержейской</i>	100
---	-----

Теодор Фонтане

Арчибальд Дуглас. <i>Перевод А. Голембы</i>	101
---	-----

АВСТРИЯ

Иозеф Кристиан фон Цедлиц

Воздушный корабль. <i>Перевод М. Ю. Лермонтова</i>	104
Ночной смотр. <i>Перевод В. Жуковского</i>	106

Николаус Ленау	
Три индейца. Перевод В. Левика.....	107
Местъ. Перевод В. Левика.....	108
Иоганн Непомук Фогль	
Возвращение. Перевод Л. Цывьяна.....	110
Анастасиус Грюн	
Известие. Перевод И. Грицковой-Журбиной.....	111
Мориц Гартман	
Белое покрывало. Перевод М. Михайлова.....	112
ДАНИЯ	
Адам Готлоб Эленшлегер	
Кнуд Великий. Перевод В. Тихомирова.....	114
Ханс Кристиан Андерсен	
Гефион. Перевод А. Коринфского.....	116
Королева метелей. Перевод Ф. Берга.....	117
НОРВЕГИЯ	
Юхан Себастьян Вельхавен	
Водяной. Перевод А. Шарapовой.....	119
Протесилай. Перевод А. Шарapовой.....	120
Хенрик Ибсен	
Горный король. Перевод К. Бальмонта.....	121
Пер Сивле	
Оборотень. Перевод И. Бочкаревой.....	122
ШВЕЦИЯ	
Эрик Густав Гейер	
Сын угольщика. Перевод А. Парина.....	124
Густав Фрёдинг	
Ян Ерса и Пер Перса. Перевод Веры Потаповой.....	125
Лешачиха. Перевод Веры Потаповой.....	126
Мошенижки. Перевод Веры Потаповой.....	127
Чертовщина. Перевод Веры Потаповой.....	128
Скальд Веннербум. Перевод Веры Потаповой.....	128
АНГЛИЯ	
Джон Гей	
Баллада. Перевод А. Парина.....	130

Давид Маллет	
Эльвина и Эдвин. <i>Перевод В. Жуковского</i>	131
Оливер Голдсмит	
Пустынный. <i>Перевод В. Жуковского</i>	134
Уильям Блейк	
Король Гвин. <i>Перевод С. Маршака</i>	138
Златая сеть. <i>Перевод Веры Потаповой</i>	142
Хрустальный чертог. <i>Перевод С. Маршака</i>	143
Серый монах. <i>Перевод В. Топорова</i>	143
Вильям Бонд. <i>Перевод В. Топорова</i>	144
Роберт Бернс	
Джон Ячменное Зерно. <i>Перевод Э. Багрицкого</i>	146
Маленькая баллада. <i>Перевод С. Маршака</i>	148
Уильям Вордсворт	
Последний из стада. <i>Перевод Ю. Петрова</i>	148
Вальтер Скотт	
Замок Смальгольм, или Иванов вечер. <i>Перевод В. Жуковского</i>	151
Песня. <i>Перевод К. Павловой</i>	156
Резня в Гленко. <i>Перевод В. Топорова</i>	159
Беверлей. <i>Перевод И. Козлова</i>	161
Клятва Мойны. <i>Перевод К. Павловой</i>	162
Розабелла. <i>Перевод К. Павловой</i>	163
Сэмюел Тейлор Кольридж	
Элис Дю Кло, или Раздвоенный язык. <i>Перевод М. Лозинского</i>	165
Роберт Саути	
Адельстан. <i>Перевод В. Жуковского</i>	170
Суд божий над епископом. <i>Перевод В. Жуковского</i>	175
Варвик. <i>Перевод В. Жуковского</i>	177
Баллада, в которой описывается, как одна старушка... <i>Перевод В. Жуковского</i>	181
Королева Урака и пять мучеников. <i>Перевод В. Жуковского</i>	187
Томас Кемпбелл	
Уллин и его дочь. <i>Перевод В. Жуковского</i>	191
Гленара. <i>Перевод К. Павловой</i>	194
Томас Мур	
Фея Гор. <i>Перевод Г. Ефремова</i>	195
Джордж Гордон Ноэл Байрон	
Видение Валтасара. <i>Перевод А. Полежаева</i>	198
Поражение Сеннахериба. <i>Перевод А. К. Толстого</i>	199
Баллада. <i>Перевод М. Ю. Лермонтова</i>	200

Джон Китс	
<i>La belle dame sans merci. Перевод В. Левика</i>	200
Томас Гуд	
<i>Джон Дей. Перевод Г. Русакова</i>	203
Альфред Теннисон	
<i>Странствия Мальдуна. Перевод К. Бальмонта</i>	205
Роберт Браунинг	
<i>Как привезли добрую весть из Гента в Ахен. Перевод В. Левика</i>	211
Роберт Луис Стивенсон	
<i>Вересковый мед. Перевод С. Маршака</i>	212
Редьярд Киплинг	
<i>Томлинсон. Перевод А. Эппеля</i>	215
<i>Баллада о Востоке и Западе. Перевод Веры Потаповой</i>	220
С Ш А	
Генри Уодсворт Лонгфелло	
<i>Кватронка. Перевод М. Михайлова</i>	224
<i>Сон негра. Перевод А. Майкова</i>	225
<i>Корабль-призрак. Перевод Вс. Рождественского</i>	226
<i>Рукавица императора. Перевод В. Шора</i>	228
Эдгар Аллан По	
<i>Улялюм. Перевод В. Топорова</i>	229
<i>Аннабель Ли. Перевод К. Бальмонта</i>	232
Френсис Брет Гарт	
<i>Рейнские легенды. Перевод Д. Михаловского</i>	235
Ф Р А Н Ц И Я	
Франсуа-Огюст Пароди де Монкриф	
<i>Алина и Альсим. Перевод В. Жуковского</i>	237
Эварист-Дезире де Парни	
<i>Прозерпина. Перевод А. С. Пушкина</i>	244
Пьер Жан де Беранже	
<i>Тиран Сиракузский. Перевод В. Курочкина</i>	245
<i>Волшебная лютня. Перевод В. Курочкина</i>	246
Виктор Гюго	
<i>Невеста литавщика. Перевод Вал. Дмитриева</i>	248
<i>Гидра. Перевод Вал. Дмитриева</i>	251
<i>Сватовство Роланда. Перевод А. Ахматовой</i>	251

Проспер Мериме	
Морлах в Венеции. <i>Перевод С. Дурова</i>	255
Огюст Барбье	
Красавица Изабо. <i>Перевод А. Парина</i>	256
Зеленая дева. <i>Перевод А. Парина</i>	257
Леконт де Лиль	
Смерть Вальмики. <i>Перевод М. Лозинского</i>	258
Смерть Сигурда. <i>Перевод И. Поступальского</i>	260
Гюстав Надо	
Менестрель. <i>Перевод Арга</i>	262
Пьер Дюпон	
Графиня Маргарита. <i>Перевод А. Парина</i>	263
Золотые. <i>Перевод С. Заяицкого</i>	265
Леон Дьеркс	
Лазарь. <i>Перевод В. Брюсова</i>	267
Жан Мореас	
Ноктюрн. <i>Перевод В. Брюсова</i>	268
ВЕНГРИЯ	
Янош Арань	
Открытие моста. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	270
Шандор Петефи	
Чоконаи. <i>Перевод Н. Чуковского</i>	273
Судьи, судьи... <i>Перевод Л. Мартынова</i>	274
ЧЕХИЯ	
Шебастиан Гневковский	
Цтирад и Шарка. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	275
Карел Гинек Маха	
Пряха. <i>Перевод Л. Мартынова</i>	280
Ян Неруда	
Страстная баллада. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	281
Чешская баллада. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	282
Баллада о трех королях. <i>Перевод М. Павловой</i>	283
Сватоплук Чех	
Гусит на Балтике. <i>Перевод Н. Глазкова</i>	284
Ярослав Врхлицкий	
Три всадника. <i>Перевод К. Бальмонта</i>	286

ПОЛЬША

Юлиан Урсын Немцевич

Глинский. *Перевод Н. Рыльева* 288

Адам Мицкевич

Романтика. *Перевод Ал. Ревича* 292

Свитезянка. *Перевод А. Фета* 294

Воевода. *Перевод А. С. Пушкина* 298

Будрыс и его сыновья. *Перевод А. С. Пушкина* 300

Юзеф Богдан Залесский

Две смерти. *Перевод Л. Мея* 301

Антоний Эдвард Одынец

Пленница. *Перевод Л. Трефолева* 302

Юлиуш Словацкий

Баллада пажа. *Перевод Б. Пастернака* 303

РОССИЯ

В. А. Жуковский

Светлана 305

Ахилл 312

Эолова арфа 318

Узник 325

И. И. Козлов

Умирающий гейдук 329

Тайна 331

Ф. Н. Глинка

Клятва 332

К. Ф. Рылеев

Смерть Ермака 333

В. К. Кюхельбекер

Два гроба 335

А. А. Дельвиг

Романс 337

А. С. Пушкин

Сраженный рыцарь 338

Песнь о вещем Олеге 339

Утопленник 342

«Жил на свете рыцарь бедный...» 344

Е. А. Баратынский

Мадонна 346

Н. М. Языков

Евпатий.....	348
Сампсон	349
Олег	350

К. К. Павлова

Баллада.....	353
Ночлег Витикинда.....	356

М. Ю. Лермонтов

Три пальмы.....	359
Дары Терека.....	361
Любовь мертвеца.....	363
Спор.....	364
Тамара	366
Морская царевна.....	367
Баллада («Над морем красавица дева сидит...»).....	369
Баллада («В избушке поздною порою...»).....	370
Два великана.....	371
Баллада («Куда так проворно...»).....	371
Тростник.....	372
Русалка.....	374

А. К. Толстой

Курган.....	375
Василий Шибанов.....	376
Змей Тугарин	380
Песня о Гаральде и Ярославне	385
Три побоища	389
Гакон Слепой	396
Боривой	397
Канут.....	403

И. С. Тургенев

Крокет в Виндзоре	408
-------------------------	-----

Я. П. Полонский

Агарь	410
Казимир Великий	411

А. А. Фет

Змей.....	415
Лихорадка.....	416
Видение.....	417
Тайна.....	417
Ворот.....	418
Легенда	419

А. Н. Майков	
Менестрель.....	420
Н. А. Некрасов	
Секрет	422
Л. А. Мей	
Эндорская прорицательница	424
Д. Д. Минаев	
«На борзом коне...»	427
На морском берегу	428
К. К. Случевский	
Мемфисский жрец	429
Новгородское предание.....	432
А. Н. Апухтин	
Ледяная дева.....	433
Федор Сологуб	
Собака седого короля	436
К. Д. Бальмонт	
Замок Джэн Вальмор	438
Колдунья	442
И. А. Бунин	
Александр в Египте.....	444
Белый олень.....	445
Алисафия.....	445
В. Я. Брюсов	
Предание о луне.....	448
Путник	450
Похищение Верты.....	451
Медея	454
А. А. Блок	
Сказка о петухе и старушке	455
Сведения об авторах баллад	457

В 64 Воздушный корабль: Переводы /Сост. А. Г. Мурик и А. В. Парина; Вступ. ст. и сведения об авторах В. В. Ерофеева.—М.: Правда, 1986.—480 с., ил.

Эта книга дает возможность читателю ознакомиться с одним из самых популярных жанров в европейской поэзии. Литературной балладой, основанной на фольклорной традиции, увлекались Гете и Шиллер, Вальтер Скотт и Петефи.

Широкое распространение получила литературная баллада и в России. В специальном разделе представлены лучшие ее образцы—от Жуковского до Блока.

В книге использованы иллюстрации художников конца XIX—начала XX вв.

В 470100000—1081 1081—86
080(02)—86

84(0)—5

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

Составители

Анна Григорьевна Мурик и Алексей Васильевич Парин

Редактор

Н. А. Галахова

Оформление художника

Р. Р. Вейлerta

Художественный редактор

Г. О. Барбашинова

Технический редактор

Т. Б. Слизун

ИБ 1081

Сдано в набор 09.12.85. Подписано к печати 17.03.86. Формат $60 \times 90^{1/16}$.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Эксельсиор». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30,00. Усл. кр.-отт. 30,25. Уч.-изд. л. 25,81.
Тираж 500 000 экз. (1-й завод: 1—100 000 экз.).
Заказ № В-241 Цена 2 р. 30 к.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства Татарского обкома КПСС.
420066, Казань-66, ул. Декабристов, 2.

2 р. 30 к.

